

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

33 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 33 (636) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Адам Смит (1723–1790), шотландский экономист и философ.

Адам Смит родился в Келкорди (Шотландия). Из-за несохранившихся данных его точная дата рождения неизвестна, однако имеется информация, что крестили его 5 июня. Отец мальчика, Адам Смит-старший, был адвокатом и таможенным служащим, он умер незадолго до рождения сына из-за тяжелой болезни.

В 1731 году Адам пошел в местную школу, которая считалась одной из самых лучших в Шотландии. Когда Смицу исполнилось 14 лет, его мать приняла решение переехать в Глазго. Адам начал учиться в местном университете, где впоследствии выбрал класс нравственной философии и параллельно осваивал древнегреческий и французский языки, изучал труды Гуго Гроция о естественном праве, а также Фрэнсиса Бэкона и Джона Локка как основоположников эмпиризма.

Смит отличался от остальных студентов по успеваемости и считался одним из лучших. В 1740 году он окончил университет с ученой степенью магистра искусств, а также ежегодной стипендией в размере 40 английских фунтов на обучение в Бейлиол-колледже в Оксфорде. Там Адаму не понравилось — он считал, что английской системе образования не хватает разнообразия. Студенты лишь дважды в день ходили на молитву и дважды в неделю — на сами занятия. Стоит отметить, что все преподаватели были священнослужителями английской церкви, обучение которых основывалось на устаревших доктринах.

В такой токсичной обстановке Адам прожил шесть лет. Из-за нехватки денег он ни разу не ездил домой. Маленькая комната Адама Смита в Оксфорде была аскетична. Минимум мебели, но множество книг. Зимой в помещении всегда было холодно, в связи с чем юноша часто болел. Кроме того, в письмах к матери он сообщал о сильных болезнях десен и о частых головокружениях, вероятно, из-за ослабленного иммунитета.

Во время Якобитского восстания в 1745 году местные якобиты буквально затравили Смита, кому-то из них даже удалось пробраться в его келью, чтобы оставить записку с проклятиями. В частности, Адам подвергался нападкам из-за того, что является шотландцем. На этом его терпение кончилось — Смит покинул Бейлиол-колледж и вернулся в родной Керколди.

Дома Смит пробыл два года и все это время продолжал самообучение. Он мог позволить себе не работать, так как все еще получал стипендию Снелла и небольшой доход от наследства своего отца. Уже тогда Смит по праву мог считаться одним из самых образованных молодых людей.

Молодой человек не хотел возвращаться в Оксфорд или становиться священником и долгое время не знал, чем хочет заниматься. Предпринимал даже попытки стать домашним учителем в семье аристократов, но его хватило лишь на не-

сколько лет. В 1748 году Адам начал читать лекции в Эдинбургском университете. Смит стал прекрасным педагогом, его лекции пользовались спросом даже у светских дам. В этом же году он помог Уильяму Гамильтону из Бангура, который участвовал в восстании 1745 года, составить и отредактировать его сборник стихов.

Вскоре Смит перестал преподавать английскую литературу и перешел к юриспруденции, основам политического учения, экономике и социологии. Эти науки, по его мнению, были наиболее интересными и важными. При изучении материала по этим дисциплинам Адам все время размышлял, как же их можно применить на практике. В 1750 году родились его первые высказывания о хозяйственном либерализме. Знакомство Смита с психологом Дэвидом Юмом, который к тому же являлся скептиком, привело к совместным работам по религии, экономике и политике. Этому способствовало сходство мировоззрения Юма и Смита. Кстати, они оставались лучшими друзьями до конца жизни.

В конце 1750-х годов Смит стал деканом университета в Глазго, профессором логики и опубликовал «Теорию нравственных чувств», где провел анализ поведения представителей различных слоев общества. Появилась концепция морального равенства людей, которую Смит вывел на основе «принципа симпатии». При этом критиковалась религиозная этика, в основе которой был страх перед карой Господней. Благодаря этому труду Смит получил всеобщее признание и известность, а в университет стали стекаться студенты из различных стран, чтобы послушать его лекции.

Впервые ряд важных идей по экономике Адам Смит высказал в лекции, которую прочел в 1755 году в клубе политической экономии, который организовал лорд-провост Глазго Эндрю Кокрейн.

Некоторые труды Смита сохранились благодаря университетским записям его лекций, сделанным одним из студентов, — их впоследствии удалось найти экономисту Эдвину Кэннону. Они больше напоминали курс политической экономии и социологии с материалистическими идеями, чем курс нравственной философии.

В 1930-х годах был найден черновик нескольких глав книги под названием «Исследование о природе и причинах богатства народов», которую Смит писал в 1763 году. В набросках содержались идеи понятий «производительность» и «непроизводительность», мысли о значимости разделения труда, описывался принцип максимального невмешательства и его обоснование.

Адам Смит скончался в Эдинбурге после продолжительной болезни кишечника 17 июля 1790 года и был похоронен на кладбище Киркелди.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Шевкунов Д. Д.

Научно-теоретические проблемы
административных правоотношений..... 179

Шевченко А. Л.

Бремя доказывания в спорах
о необоснованной налоговой выгоде..... 181

Шестакова Ю. С.

Понятие, сущность и значение
конституционного права на участие
в управлении государством гражданами
в Российской Федерации: обзор
теоретических позиций..... 183

Шигапова Д. А.

Регрессная ответственность как механизм
распределения гражданско-правовых
рисков в деятельности юридического лица.... 186

Шумков И. В.

Проблемы квалификации административных
правонарушений в области дорожного
движения и пути их решения 187

Шумков И. В.

История становления и развития института
административной ответственности
за правонарушения в области дорожного
движения..... 190

Щуровский Н. А.

Роль судебной практики в конкретизации
института воинской обязанности 192

Ямбатрова Е. С.

Искусственный интеллект и автоматизация
в административном судопроизводстве:
перспективы и риски 193

Ямбатрова Е. С.

Электронное правосудие
в административном судопроизводстве:
возможности и ограничения..... 197

ИСТОРИЯ

Абдаллах М. М.

Белая книга 1939 г.: поворотный пункт
в британской политике в Палестине 201

Камнев Б. В.

Политика индустриализации и развитие
военно-промышленного комплекса в СССР
в 1930-х гг.: источники и историография 204

ПСИХОЛОГИЯ

Александров А. А., Блохина О. Л.

Анализ отношений в семьях участников СВО
(на примере жён военнослужащих) 206

Анохина М. В.

Особенности саморегуляции
и эмоционального интеллекта в период
ранней зрелости 210

Бурцева Е. В.

Роль образа родителя в формировании
структуры Я-образа у молодежи
с перфекционистской установкой 214

Мальцева М. Ю.

Влияние родительского воспитания
на формирование токсичной тревожности:
от детских симптомов к взрослым
дезадаптациям..... 217

Одинцева П. М.

Цифровая трансформация образования
через призму психологической науки 219

Плескачева П. В.

Особенности учебной мотивации
и эмоционального отношения к учебе
у одаренных детей в музыкальной школе 221

Плескачева П. В.

Влияние занятий музыкой на психическое
развитие ребенка..... 223

Полякова В. М.

Я-концепция современного
предпринимателя и психологические
факторы ее формирования..... 224

Понкратьева А. М.

Психологические механизмы влияния
образа родителя на Я-образ у молодежи
с перфекционистской установкой:
теоретический анализ..... 230

Углова И. Т.

Ролевые ожидания в современной семье:
конфликтогенез, системные детерминанты
и пути коррекции 233

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Кушнер М. Е.

Джиу-джитсу: современное состояние,
проблемы развития и перспективы
совершенствования спортивной подготовки.. 240

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Лебедько Н. А.

Сосуществование романтического
и обывательского мировосприятий
в повести А. С. Грина «Алые паруса»
и в современном обществе 242

Чжан Чань

Теория релевантности в анализе перевода
эвфемизмов (на материале русского
перевода романа «Речные заводи») 245

ФИЛОСОФИЯ

Афанасьев Г. А.

Основные аспекты философии Камю и их
отображение в творчестве и современности... 249

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Батажан Д. К.

Каратэ: от боевого искусства
к олимпийскому виду спорта. Проблемы,
современные решения и методы повышения
эффективности подготовки 254

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научно-теоретические проблемы административных правоотношений

Шевкунов Данил Дмитриевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Исследование рассматривает теоретические аспекты административных правоотношений, их сущность, структуру и специфику в современной юридической науке. Анализируется эволюция взглядов на эти правоотношения в условиях трансформации государственного управления и рыночной экономики, а также проблемы соотношения объекта и предмета административно-правового регулирования. Особое внимание уделяется управленческой природе, организационному характеру и административно-правовой охране прав граждан и организаций.

Ключевые слова: административное право, административные правоотношения, научно-теоретические проблемы, теория права, государственное управление, публичное управление, властеотношения, административно-правовая норма, субъекты административного права, объект правоотношения, предмет правового регулирования, механизм административно-правового регулирования, историография административного права, права граждан, юридическая ответственность.

Scientific and theoretical problems of administrative legal relations

Shevkunov Danil Dmitrievich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The study examines the theoretical aspects of administrative legal relations, their essence, structure, and specificity in modern legal science. It analyzes the evolution of views on these legal relations in the context of the transformation of public administration and the market economy, as well as the problems related to the relationship between the object and the subject of administrative legal regulation. Special attention is paid to the managerial nature, organizational character, and administrative legal protection of the rights of citizens and organizations.

Keywords: administrative law, administrative legal relations, scientific and theoretical problems, legal theory, public administration, public management, power relations, administrative-legal norm, subjects of administrative law, object of legal relation, subject of legal regulation, mechanism of administrative-legal regulation, historiography of administrative law, citizens' rights, legal responsibility.

Правовая наука постоянно развивается и совершенствуется благодаря глубокому изучению различных областей общественных отношений. Административное право занимает особое место среди отраслей российского права, поскольку оно регулирует отношения власти-подчинения, возникающие в процессе реализации функций исполнительной власти. Однако эта отрасль характеризуется рядом сложных проблем, обусловленных многообразием ситуаций, возникающих в сфере управления государством.

Одним из ключевых вопросов является проблема классификации и систематизации административных правоотношений. Многие ученые считают необходимым пересмотреть традиционные представления о предмете и методах административного права, предложить новые концептуальные подходы к пониманию механизмов взаимодействия публичной власти и частных лиц.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных научно-теоретических проблем административных правоотношений, анализе существующих подходов и разработке предложений по совершенствованию теории административного права.

Административный процесс включает разнообразные формы управленческой деятельности органов государственной власти, направленную на обеспечение порядка и дисциплины в обществе. Административные правоотношения следующим образом: «Это урегулированные нормами административного права общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления исполнительно-распорядительной деятельности государственных органов, направленные на достижение целей эффективного функционирования аппарата управления».

Ключевыми признаками административных правоотношений являются наличие властных полномочий одной стороны, выраженных предписаниями норм права, определенность круга участников, обязательность исполнения требований закона всеми субъектами, вовлеченными в правовую сферу.

Проблематика субъекта административных правоотношений связана с определением правового статуса участников данных отношений. В научной литературе выделяются три группы субъектов:

- Органы государственной власти (федерального уровня и местного самоуправления).
- Государственные служащие, должностные лица и чиновники.
- Граждане и юридические лица, выступающие объектом регулирующего воздействия органов власти.

Нередко возникают споры относительно возможности участия негосударственных организаций и физических лиц в качестве полноправных субъектов администрирования. Некоторые авторы утверждают, что деятельность органов местного самоуправления должна рассматриваться отдельно от федеральной администрации, однако большинство исследователей склоняются к единому понятию субъектов административной сферы.

Объект административных правоотношений представляет собой предметы материального мира либо духовные ценности, обладающие значением для сторон в рамках определенного вида общественного отношения. К таким объектам относятся имущество, услуги, информация, интеллектуальная собственность и др.

Возникают трудности в определении объекта отдельных видов правоотношений, особенно тех, которые связаны с использованием новых технологий и форматов коммуникаций. Например, введение электронного документооборота усложняет идентификацию материальных элементов административного процесса, возникает необходимость детального изучения влияния цифровизации на структуру правоотношений.

Юридическая ответственность играет ключевую роль в обеспечении законности действий государственных органов и должностных лиц. Несмотря на значительный прогресс в законодательном закреплении оснований и условий привлечения к ответственности, существуют серьезные проблемы в практике применения санкций.

Привлечение к ответственности органа власти или должностного лица осуществляется преимущественно

посредством процедуры служебного расследования, административного наказания или судебного разбирательства. Практическое применение статей КоАП РФ показывает, что зачастую санкции применяются формально, без учета объективных обстоятельств дела.

Ряд авторов подчеркивает важность дифференцированного подхода к привлечению к ответственности государственных служащих разного ранга и степени виновности. Необходимо установить четкую систему критериев оценки правонарушений, разработать рекомендации по повышению эффективности мер взыскания.

Защита прав граждан и организаций в условиях усиления контроля со стороны исполнительных структур остается актуальным вопросом. Недостаточно разработаны механизмы компенсации морального вреда, утраченного имущества, судебных издержек вследствие неправомерных действий властей.

Особое значение приобретает создание эффективных процедур обжалования решений государственных органов, позволяющих оперативно реагировать на нарушения прав граждан и бизнеса. Одним из возможных путей решения данной проблемы является внедрение института досудебного урегулирования споров с участием профессиональных посредников.

Исследование научных проблем административных правоотношений позволяет выявить ключевые направления дальнейшего развития теории и практики административного права. Для повышения качества правового регулирования необходимо проводить комплексные исследования всех сфер общественной жизни, учитывая изменения внешней среды и появление новых технологий.

Основные выводы и предложения включают:

- Развитие методов выявления и анализа проблемных зон в структуре административных правоотношений.
- Формирование целостной системы юридической ответственности, учитывающей особенности каждого конкретного случая правонарушения.
- Совершенствование судебной защиты прав граждан и организаций путем введения альтернативных способов разрешения конфликтов.

Дальнейшие исследования должны учитывать интеграционные процессы в области международного права, влияние глобализации на национальную юрисдикцию, перспективы развития цифровой экономики и формирование качественно нового типа административных взаимоотношений.

Литература:

1. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 N 210-ФЗ

Бремя доказывания в спорах о необоснованной налоговой выгоде

Шевченко Анастасия Леонидовна, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

Институт необоснованной налоговой выгоды, сформированный в судебной практике России с появлением Постановления Пленума ВАС РФ № 53, впоследствии трансформировался в статью 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ).

Важным вопросом в спорах о необоснованной налоговой выгоде является распределение бремени доказывания. В условиях состязательности арбитражного процесса от того, на какую из сторон возлагается обязанность подтверждения тех или иных фактов, напрямую зависит исход дела.

В налоговых спорах, как и в любых других спорах, в целях установления сведений о фактах используются разные виды доказательств. В соответствии с частью 2 статьи 64 АПК РФ в качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы [1, с. 180–185].

В случае непредставления налоговым органом указанных и (или) аналогичных доказательств при представлении налогоплательщиком со своей стороны доказательств, свидетельствующих о заключении и надлежащем исполнении сделки, возникающая в результате налоговая выгода признается обоснованной. Ведь основная цель судебного доказывания состоит в установлении фактических обстоятельств рассматриваемого дела для принятия по нему решения [2, с. 75].

Если у налогового органа возникли сомнения, что действия налогоплательщика добросовестны, налоговая выгода — экономически оправданна, а сведения, содержащиеся в налоговой декларации и бухгалтерской отчетности достоверны, на основании части 1 статьи 65 АПК РФ он должен доказать правомерность своих сомнений.

Согласно фундаментальному принципу, закрепленному в части 5 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), презумпция добросовестности налогоплательщика возлагает первичное бремя доказывания на государство. Это выражается в том, что действия налогоплательщика и представленные им документы первоначально предполагаются соответствующими требованиям законодательства. Таким образом, именно на налоговые органы возлагается обязанность по доказыванию факта возникновения необоснованной налоговой выгоды у налогоплательщика. Эта позиция неоднократно находила отражение в актах ВАС РФ. В качестве примера можно привести следующую судебную практику: Постановление от 20.06.2006 года № 3946/06 по делу № А40–19572/04–14–138, в котором Президиум ВАС РФ отметил, что доказывать недобросо-

вестность налогоплательщика и представлять соответствующие доказательства должны налоговые органы.

Данная позиция закреплена и в судебной практике нижестоящих судов: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.11.2007 года по делу № А11–441/2007–К2–19/64 (Определением ВАС РФ от 06.03.2008 года № 2735/08 отказано в передаче данного дела в Президиум ВАС РФ), ФАС Северо-Кавказского округа от 30.09.2009 года по делу № А53–24952/2008–С5–22 (Определением ВАС РФ от 11.01.2010 года № ВАС–17612/09 отказано в передаче данного дела в Президиум ВАС РФ), ФАС Уральского округа от 19.08.2010 года № Ф09–6101/10–С2 по делу № А76–45478/2009–37–956/91 (Определением ВАС РФ от 23.12.2010 года № ВАС–16940/10 отказано в передаче данного дела в Президиум ВАС РФ) [3, с. 105–107].

Установлено, что «бремя доказывания» в общеправовом смысле означает обязанность (необходимость) доказывания юридических фактов, неясность которых может повлечь невыгодные (неблагоприятные) последствия для той или иной стороны по делу [4, с. 390].

С учетом письма ФНС России от 10.03.2021 № БВ–4–7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» бремя доказывания размера документально не подтвержденных операций с лицом, осуществившим фактическое исполнение по сделке, лежит на налогоплательщике. Налогоплательщиком в соответствии с требованиями подпункта 6 пункта 1 статьи 23, пункта 1 статьи 54 НК РФ должны быть представлены сведения и документы, позволяющие установить указанное лицо и параметры спорной операции.

Поскольку соответствующие сведения, а также подтверждающие их документы, должны быть проверены и оценены в рамках соответствующих контрольных мероприятий, то их предоставление должно производиться налогоплательщиком в ходе налоговой проверки, при представлении возражений на акт проверки, так как у налогового органа имеются не все сведения (документы, информация) в отношении исследуемых сделок.

В спорах о необоснованной налоговой выгоде налоговым органом доказываются ключевые пороки сделки: направленность на неправомерное уменьшение налоговой базы и исполнение обязательства ненадлежащим лицом.

Доказательства, представленные налоговым органом, так же как и налогоплательщиком, подлежат исследованию в судебном заседании согласно требованиям статьи 162 АПК РФ и должны оцениваться арбитражным судом в совокупности и во взаимосвязи с учетом положений статьи 71 АПК РФ.

Например, применительно к договору поставки факт реальности сделки может быть также подтвержден доказатель-

ствами реального приобретения контрагентом переданных по спорной сделке товаров (такowymi могут быть полученные от контрагента надлежащим образом заверенные копии документов об оплате товаров при их приобретении, копии документов о транспортировке, упаковке товаров).

Доказательствами реальности сделки могут служить и документы, свидетельствующие о дальнейшем движении приобретенного по спорной сделке товара (подтверждение дальнейшей передачи товаров в рамках последующих сделок налогоплательщика, использование товара в деятельности налогоплательщика).

Итак, в налоговом споре, как правило, участвуют две стороны: заинтересованное лицо (налоговые органы) и заявитель (налогоплательщик). Правда иногда участником подобных споров может являться третья сторона — контрагент, чьи интересы могли быть затронуты неисполнением своих обязательств, например, второй стороной договора.

Налоговый орган в большинстве случаев инициирует спор, если выявлено невыполнение налогоплательщиком надлежащим образом и в срок своих обязательств по уплате налога [5]. Это выражается в осуществлении мероприятий налогового контроля в ходе камеральной или выездной налоговой проверки.

Вместе с тем вышеизложенное не означает, что налогоплательщик в любом налоговом споре (процедуре) может проявлять некую пассивность: на налогоплательщике лежит бремя доказывания обстоятельств, на которые он ссылается как на причину нарушения своих прав и законных интересов, при оспаривании им ненормативных правовых актов, вынесенных налоговым органом (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2009 года № 15АП-7835/2008 по делу № А32-7913/2008-28/164, Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.11.2010 года по делу № А32-2832/2010). Так проявляется принцип состязательности, а именно — в разграничении процессуальных обязанностей сторон.

Обязанность налоговых органов доказать законность и обоснованность принятия ненормативного правового акта о доначислении сумм налогов взыскании недоимок по налогам вытекает из части 4 статьи 215 АПК РФ.

Также с учетом подпункта 2 пункта 1 статьи 32, подпункта 9 пункта 1 статьи 31 и пункта 3 статьи 35 НК РФ налоговые органы обязаны осуществлять контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах, по результатам которого вправе взыскивать недоимки и пени, и при этом несут ответственность за неправомерные действия или бездействие. В пункте 6 статьи 108 НК РФ обязанность доказывания обоснованности принятия решения о привлечении Налогоплательщика к ответственности и взыскания с него штрафных санкций возложена на налоговые органы.

Литература:

1. Константида, Е. И. Необоснованная налоговая выгода: актуальные тенденции доказывания // Российский юридический журнал. — № 3. / Е. И. Константида. —, 2020.

При рассмотрении вопроса об особенностях распределения в налоговом споре бремени доказывания следует обратить внимание на два имеющихся общих правила:

1. Во-первых, на налогоплательщике лежит бремя доказывания обстоятельств, на которые он ссылается как на причину нарушения своих прав и законных интересов, при оспаривании им ненормативных правовых актов, вынесенных налоговым органом (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2009 года № 15АП-7835/2008 по делу № А32-7913/2008-28/164, Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.11.2010 года по делу № А32-2832/2010). При этом переложение на налоговый орган бремени доказывания тех фактов и обстоятельств, на которые ссылается налогоплательщик, может повлечь отказ в удовлетворении требований налогоплательщика, как это указано в Постановлении ВАС РФ от 5 июня 2012 года № 16720/11;

2. Во-вторых, в соответствии с частью 1 статьи 65 АПК РФ, обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия государственными органами, должностными лицами оспариваемых актов, решений, совершения действий (бездействия), возлагается на соответствующий орган или должностное лицо, то есть на налоговый орган или его должностное лицо.

Таким образом, в спорах о необоснованной налоговой выгоде бремя доказывания распределяется между сторонами с учетом принципов состязательности и презумпции добросовестности налогоплательщика. Налоговый орган обязан доказать совокупность обстоятельств, свидетельствующих о фиктивности или экономической необоснованности хозяйственных операций, недостоверности представленных сведений согласованности действий участников либо направленности их поведения исключительно на уменьшение налоговой обязанности.

Налогоплательщик, в свою очередь, должен подтвердить реальность совершенных операций, их экономическую целесообразность, документальную обоснованность и соответствие заявленных расходов, вычетов или льгот требованиям налогового законодательства. При этом формальное наличие первичных документов само по себе не свидетельствует о правомерности налоговой выгоды, равно как отдельные недостатки в их формировании не могут служить основанием для отказа в ее предоставлении.

Соответственно, вывод о необоснованности налоговой выгоды должен основываться на всесторонней и объективной оценке совокупности доказательств. Такой подход обеспечивает баланс публичных интересов государства и процессуальных гарантий налогоплательщика, исключая возможность доначисления налогов исключительно на основании предположений либо формального анализа отдельных обстоятельств.

2. Советский гражданский процесс — М.: Госюриздат, / Н. И. Башкатов, И. П. Гришин, Р. Ф. Каллистратов [и др.]. — Учебник 2-е изд., испр. и доп. — М., 1990. — 320 с.
3. Чулкова, Л. А. Налоговая выгода: практика применения налоговыми органами и судами / Л. А. Чулкова // Налоговый вестник / Л. А. Чулкова. — 2011.
4. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014. — 784 с.
5. Трунтаева, К. А. Налоговые споры 2023/А. К. Трунтаева. — М.: ПравовестАудит, 2023 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/kak-pobezhdad-v-nalogovykh-sporakh/> (дата обращения: 18.02.2026).

Понятие, сущность и значение конституционного права на участие в управлении государством гражданами в Российской Федерации: обзор теоретических позиций

Шестакова Юлия Сергеевна, студент

Научный руководитель: Курдюкова Юлия Сергеевна, ассистент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Введение

Право граждан на участие в управлении государством — это ключевое политическое право, определяющее характер политического режима. В России это конституционное право составляет основу для реализации принципа народного суверенитета, согласно которому народ является единственным источником власти. Данный принцип реализуется посредством участия народа в управлении государством. Статья 32 Конституции Российской Федерации [1], закрепляя это право, не только наследует советские традиции, но и придает ему новое значение, соответствующее демократическому государству.

Актуальность этой темы заключается в том, что в условиях современной России, где система государственной власти постоянно совершенствуется, особое значение придается конституционному праву граждан на политическое участие. В законодательстве отсутствует четкое определение понятия «право на управление делами государства», что затрудняет его полноценное применение. Кроме того, многообразие форм участия граждан — от выборов и референдумов до обращений и публичных слушаний — требует постоянного анализа для того, чтобы соответствовать новым социальным реалиям.

Проблема участия граждан в управлении государством изучалась такими дореволюционными учеными, как Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский; советские правоведы — В. А. Патюлин, Н. П. Фарберов. Среди современных российских исследователей следует выделить работы С. А. Авакьяна (непосредственная демократия), А. А. Вешнякова (избирательное право), Е. И. Козловой, О. Е. Кутафина (конституционное право граждан), А. В. Ильина (механизмы формирования публичной власти). В условиях постоянного развития российской государственности и совершенствования системы публичной власти, несмотря на значительное число публи-

каций, отдельные аспекты темы остаются недостаточно изученными или требуют переосмысления в свете современных правовых реалий.

Сравнительный анализ доктринальных подходов

Признание права граждан на участие в государственном управлении, имеющего фундаментальное значение для политической жизни общества, закреплено на конституционном уровне (согласно статье 32 Конституции РФ [1]). Данное право не является чем-то новым для конституционного права, поскольку оно было установлено еще в советский период и долгое время рассматривалось как одно из ключевых достижений революции и последующего развития советского государства.

Сегодня управление Российской Федерацией находится в руках ее граждан, но прямое решение всех вопросов через голосование не представляется возможным. Именно поэтому существуют органы государственной власти, формируемые, в том числе, путем выборов граждан. Российские граждане могут влиять на государственные дела как непосредственно, так и делегируя свои полномочия представителям. Данное право опирается на конституционный принцип, который гласит, что суверенитет принадлежит народу, который и является единственным источником власти в Российской Федерации [2].

Для того, чтобы власть народа стала реальной, люди передают свои полномочия через выборы государственным, муниципальным и иным органам власти. Эта передача происходит благодаря реализации избирательных прав, принадлежащих гражданам России. Поэтому избирательное законодательство обращено к гражданам как к единственным субъектам, обладающим конституционным правом избирать и быть избранными.

Правам граждан в России в соответствии с законом придается приоритетное значение, и государство прини-

мает на себя обязательства создать условия для реализации гражданами своих прав, обеспечить защиту прав в случае их нарушения, в том числе защиту в случае необоснованного ограничения прав.

Ограничения прав представляют собой необходимый элемент правового регулирования. Правоограничения могут прямо предусматриваться в законодательстве, либо они «существуют в виде запрета осуществлять свои права во вред другим лицам — позитивное ограничение».

Щеголева Н. А. в своей научной работе рассматривает ограничения прав на управление делами государства как законодательно санкционированное временное или постоянное сдерживание действия (или бездействия) граждан в сфере политики по осуществлению интересов, обусловленных степенью их публичной активности, обеспечивающее баланс прав и интересов гражданина, общества и государства [3].

Несмотря на то, что «право на управление делами государства» — одно из фундаментальных конституционных прав, отражающее демократичность отношений граждан и государства, в действующем законодательстве России отсутствует его четкое определение. Тем не менее, понимание этого права и его содержания играет важную роль не только для теории конституционного права, но и для реального воплощения положений Конституции в жизни каждого россиянина.

В своей работе М. С. Зайцев определяет, что право граждан на участие в управлении делами государства — это закрепленная в Конституции РФ и конкретизированная в федеральных конституционных и федеральных законах, а также иных нормативных актах возможность граждан реализовывать активность в принятии и осуществлении государственных решений как непосредственно, так и через свободно выбранных представителей и тем самым влиять на политику государства в различных сферах государственной деятельности [4].

По мнению Г. Д. Садовниковой и И. А. Конюховой, закрепленное в ч. 11 ст. 32 Конституции право участвовать в управлении делами государства является наиболее общим политическим правом граждан Российской Федерации, включающим права, предусмотренные в чч. 2, 4 и 5. Тем самым авторы комментария подчеркивают многосоставный характер указанного права, которое включает в себя:

- 1) право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления;
- 2) право участвовать в референдуме;
- 3) право на равный доступ к государственной службе;
- 4) право участвовать в отправлении правосудия (чч. 1, 2, 4 и 5 ст. 32 Конституции РФ) [5].

М. Т. Габдуалиев подчеркивает, что конституционное право граждан на участие в управлении государством — это реальная возможность, закрепленная в законах. Оно определяет, как именно граждане, действуя сообща, могут влиять на государственные дела, используя установленные законом пути участия в общественной жизни. Важно, что это право не только дается, но и обеспечивается возможностью его активного использования [6].

Согласно ст. 32 Конституции Российской Федерации [1] российские граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. В. А. Затонский пишет, что именно в этом заключена высшая правовая сущность прозрачности государственной политики, доступности и открытости процессов подготовки, принятия и реализации решений на всех уровнях государственного управления и во всех сферах общественных отношений.

Рассматривая активное избирательное право и его значение на участие в управлении делами государства, В. А. Затонский говорит о важности выборов, так как социальная ценность выборов в демократическом государстве предопределяется тем, что они «дают высшую изначальную легитимность всей структуре органов государственной власти». Выборы — это узаконенная форма прямого народного волеизъявления, важнейшее проявление демократии. Через выборы граждане оказывают воздействие на формирование органов государственной власти и тем самым реализуют свое право на участие в управлении государством [7].

Как подчеркивает С. С. Бабаян, конституционное право граждан на участие в выборах — это юридическая гарантия, позволяющая любому гражданину России быть активным участником избирательного процесса. Оно включает в себя как право голоса, так и возможность баллотироваться на выборные должности. Именно через свободные выборы органы власти обретают легитимность, а гражданское общество получает действенные инструменты для влияния на государственный аппарат в целях реализации потребностей и интересов как отдельных лиц, так и групп [8].

Ю. Е. Курилюк в своей работе отмечает, что в конституционном праве существует понимание права граждан на участие в управлении государством. Данное право включает в себя избирательные права, право участвовать в референдумах, равный доступ к госслужбе и участие в судопроизводстве. Также оно может охватывать право высказывать свое мнение по проектам решений органов власти и вносить предложения. Общественный контроль сегодня есть во всех сферах государственного управления. Он сдерживает и власть, и показывает, что гражданское общество развивается. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [9] устанавливает законодательную базу для осуществления такого контроля над деятельностью публичных органов и организаций [10].

Анализируя данный вопрос, я также считаю важным обратиться к мнению советских ученых-правоведов. И. Е. Фабер, например, отмечает, что в рамках конституционной практики именно политические права и свободы граждан Российской Федерации позволяют им свободно участвовать в политической жизни и управлении государственными делами, «закрепляют политическую свободу гражданина — фактически складывающуюся и охраняемую законом свободу личности в сфере осуществления политической власти и управления, проявляю-

щуюся в совокупности отношений, отражающих участие гражданина в политической общности».

Здесь нельзя не привести высказывание И. Е. Фарбера относительно сущности политических прав и свобод. Отмечая, что в конечном итоге политическое право — это «право самостоятельно определять общественную деятельность при помощи своего государства», он пришел к выводу, что «будучи непосредственно связаны с общественно-политической жизнью народа, политические права и свободы обеспечивают каждому гражданину возможность активно участвовать в решении важнейших вопросов жизни общества...». И. Е. Фарбер полагает, что главная польза от данных прав в том, что каждый человек может участвовать в политике. Это значит, что граждане решают, какие задачи ставить перед политикой, к каким целям стремиться, в каком направлении двигаться, и как именно это делать. Поэтому можно сказать, что все наши политические права и свободы работают именно благодаря тому, что люди участвуют в управлении страной и обществом разными способами [11].

Заключение

Обобщая выше сказанное, можно сказать, что участие граждан в управлении государством является правом, закрепленным в Конституции и законах, и что каждый человек может влиять на принятие и реализацию государственных решений. Такое участие может осуществляться напрямую или через свободно избранных представителей и включать в себя различные формы деятельности, такие как: участие в выборах и референдумах, возможность работать на государственной службе, участие в судебных процессах, направление обращений в государственные органы власти и участие в мирных собраниях. Сущность права участвовать в управлении государством гражданами заключается в обеспечении прозрачности, легитимности власти и возможности общественного контроля за деятельностью органов государства, а значение этого права проявляется в укреплении демократии, формировании гражданского общества и защите интересов общества и отдельных людей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: (с изм. от 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2023. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/eee7816f1f62b8c67e2aec7c027886cf20d17c37/ (дата обращения: 28.06.2026).
2. Сидоров Р. Д. Право граждан на участие в управлении делами государства // Молодой ученый. — 2022. — № 30 (425). — С. 108–110. — URL: <https://moluch.ru/archive/425/94170> (дата обращения: 28.06.2026).
3. Щеголева Н. А. Право на участие в управлении делами государства: понятие и ограничения // Политика и право. — 2011. — № 3. — с. 114–116.
4. Зайцев М. С. Понятие и содержание конституционного права на участие в управлении делами государства // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № (1)24. — с.1–7.
5. Садовникова Г. Д., Конюхова И. А. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс]. 3-е изд., исправ. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Габдуалиев М. Т. Конституционное право гражданина на участие в управлении делами государства в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ: дис.... канд. юрид. наук / М. Т. Габдуалиев. — Саратов, 2006.
7. Затонский В. А. Политико-правовое участие как фактор формирования эффективной государственности: вопросы теории и избирательной практики // Правовая политика. — 2007. — № 2. — с. 54–57.
8. Бабанян С. С. К вопросу об определении понятия избирательных прав граждан в Российской Федерации // Общественные науки. Право. — 2016. — № 1(37). — с.27–29.
9. Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ (последняя редакция) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2023. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 03.07.2026).
10. Курилюк Ю. Е. Общественный контроль как форма реализации права граждан участвовать в управлении делами государства и перспективы изменения его правового регулирования // Образование и право. — 2017. — № 6. — с.79–84.
11. Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве. / И. Е. Фарбер — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. — 190 с.

Регрессная ответственность как механизм распределения гражданско-правовых рисков в деятельности юридического лица

Шигапова Далия Айратовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Воронцова Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В статье рассматривается регрессная ответственность как правовой механизм перераспределения имущественных последствий в деятельности юридического лица. Обосновывается, что в условиях сложных договорных и трудовых связей юридическое лицо нередко отвечает перед кредитором независимо от того, что фактической причиной нарушения выступили действия контрагента, работника или иного привлеченного лица.

Ключевые слова: юридическое лицо, регрессная ответственность, гражданско-правовая ответственность.

Как известно, общее правило гражданско-правовой ответственности связывает ее наступление с виновным поведением должника. Вместе с тем статья 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее — ГК РФ) устанавливает для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, более строгий режим: они отвечают независимо от вины, если не докажут наличие обстоятельств непреодолимой силы. Такая конструкция направлена на защиту кредитора и стабильность оборота. Кредитор не должен устанавливать, кто именно в сложной системе отношений стал первопричиной нарушения.

Однако строгая ответственность юридического лица перед кредитором не означает, что окончательное имущественное бремя всегда должно оставаться на нем. Если нарушение вызвано действиями конкретного контрагента или работника, возникает необходимость последующего перераспределения ответственности, то есть наступает регрессная ответственность.

В настоящее время в доктрине права существует множество определений регрессной ответственности и одно из таковых выглядит следующим образом: право обратного требования ранее уплаченной суммы потерпевшему лицу за действия виновного лица.

Регрессная ответственность выполняет не только компенсационную, но и распределительную функцию. Она позволяет кредитору получить удовлетворение от своего должника, не вступая в спор с третьими лицами, и одновременно не допускает окончательного закрепления убытков за юридическим лицом, если фактически нарушение было вызвано иным субъектом. В этом смысле регресс является средством доведения ответственности до лица, чье поведение стало действительной причиной нарушения.

Важным является вопрос о соотношении основного и регрессного обязательств. В литературе обоснованно отмечается, что они не образуют единого обязательства. О. В. Гутников указывает, что регресс предполагает наличие первоначального обязательства между двумя сторонами, после исполнения которого понесшая расходы сторона вправе переложить их на третье лицо [2, с. 46]. М. А. Безбородова также подчеркивал, что регрессное обязательство возникает в связи с другим обязательством,

но не дополняет его, поскольку к моменту предъявления регресса основное обязательство уже исполнено [1, с. 136].

Из самостоятельного характера регресса следует невозможность общего правила о прямом предъявлении потерпевшим требования к фактическому виновнику, минуя юридическое лицо. Потерпевший связан обязательством именно с юридическим лицом. Поэтому сначала ответственность реализуется перед кредитором, а затем должник, исполнивший обязанность, предъявляет требование к виновному лицу. Такой порядок сохраняет определенность обязательственных связей и соответствует принципу относительности гражданско-правового обязательства [3, с. 206].

Одновременно лицо, к которому предъявляется регрессное требование, не может быть лишено права на защиту. Оно вправе оспаривать свою вину, размер причиненных убытков, причинную связь и иные обстоятельства. Это особенно важно потому, что в основном деле такое лицо часто не участвует. Соответственно, обстоятельства, установленные по основному спору, не всегда обладают для него преюдициальным значением. В силу процессуальных правил преюдиция действует прежде всего в отношении дел с участием тех же лиц, а регрессный должник может появиться только во втором процессе [4, с. 544].

Нельзя согласиться с предложениями, согласно которым основное требование должно удовлетворяться лишь после разрешения регрессного вопроса. Такая модель ухудшила бы положение кредитора и противоречила бы назначению строгой ответственности предпринимателя. Более правильным является иной порядок: сначала кредитор получает удовлетворение от юридического лица, а затем юридическое лицо самостоятельно реализует право регресса. При этом основной и регрессный споры не должны автоматически блокировать друг друга, иначе механизм защиты будет неоправданно затягиваться.

Регресс тесно связан с категорией предпринимательского риска. Юридическое лицо само выбирает контрагентов, организует хозяйственный процесс, контролирует исполнение и извлекает выгоду из деятельности. Поэтому оно не может освободиться от ответственности перед кредитором ссылкой на то, что фактически договор исполнило другое лицо. Как отмечала И. Ю. Потапова, сторона,

принявшая на себя обязательства, не снимает их с себя по мотиву фактического участия иного субъекта, однако после исполнения перед кредитором она вправе требовать компенсации от виновного лица [5, с. 50].

Особую специфику имеет регресс юридического лица к работнику. В соответствии со статьей 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых, служебных или должностных обязанностей. Для потерпевшего действия работника рассматриваются как действия организации. Однако последующее требование работодателя к работнику реализуется уже с учетом норм трудового законодательства о материальной ответственности. В этом проявляется дуализм регулирования: внешняя ответственность является гражданско-правовой, а внутреннее взыскание с работника подчиняется трудовым пределам.

Так, статья 392 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает специальный срок обращения работодателя в суд, а статья 242 Трудового кодекса Российской Федерации допускает полную материальную ответственность работника только в случаях, прямо предусмотренных законом. Кроме того, с работника, как правило, может быть взыскан только прямой действительный ущерб, но не упущенная выгода. Поэтому юридическое

лицо не всегда вправе полностью переложить на работника все расходы, понесенные перед потерпевшим.

Необходимо отличать регресс к работнику от обычной материальной ответственности. Если действия работника причинили вред только работодателю и не повлекли ответственности юридического лица перед третьим лицом, речь идет не о регрессе, а о материальной ответственности в трудовом праве. Регресс возникает именно тогда, когда юридическое лицо сначала исполнило обязанность перед внешним потерпевшим, а затем обращается к работнику как к лицу, действия которого обусловили такое исполнение.

Таким образом, регрессная ответственность является необходимым элементом деятельности юридического лица. Она позволяет совместить защиту кредитора, который получает исполнение от своего должника, и справедливое перераспределение имущественных последствий между действительными участниками нарушения. В отношениях с контрагентами регресс обеспечивает корректное распределение предпринимательского риска, а в отношениях с работниками действует с учетом ограничений трудового законодательства. В целом регресс следует рассматривать как комплексный механизм, направленный на восстановление имущественного баланса и реализацию принципа неотвратимости ответственности.

Литература:

1. Безбородова М. А. Проблемы гражданско-правовой ответственности юридических лиц // Юридическое образование в Забайкальском крае: 20 лет юридическому факультету Забайкальского государственного университета: Материалы национальной научно-практической конференции, Чита, 08 декабря 2017 года / Забайкальский государственный университет; Ответственные редакторы: А. В. Макаров, Н. А. Киселева. — Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. — С. 136–141.
2. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2018. — №. 1. — С. 45–47.
3. Журавлева Ю. В. Право регресса: пробелы в законодательстве и возможные пути их преодоления // Проблемы экономики и юридической практики. — 2007. — №. 4. — С. 205–207.
4. Мороз, В. И. Регресс и суброгация в Гражданском праве // Наукосфера. — 2022. — № 12–1. — С. 543–546.
5. Потапова И. Ю. Вопросы гражданско-правовой ответственности при применении регрессных требований // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. — 2016. — №. 3 (38). — С. 49–52.

Проблемы квалификации административных правонарушений в области дорожного движения и пути их решения

Шумков Иоанн Владиславович, студент магистратуры

Московский гуманитарно-технологический университет — Московский архитектурно-строительный институт

Статья посвящена изучению проблем классификации административных правонарушений в области дорожного движения. Анализируется комплекс проблем, связанных с квалификацией административных правонарушений в области дорожного движения, рассматриваются основные факторы, влияющие на сложность установления состава правонарушения в области дорожного движения и предлагаются пути совершенствования процесса квалификации административных правонарушений, направленные на повышение эффективности правоприменительной практики и обеспечение справедливости при привлечении к административной ответственности.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, дорожное движение, состав правонарушения, правоприменительная практика.

Безопасность дорожного движения является одной из ключевых задач государственной политики РФ в силу высокой социальной значимости проблемы. Административная ответственность за нарушения ПДД занимает центральное место в системе поддержания порядка и предотвращения аварийности. Несмотря на детализированную нормативную базу, квалификация правонарушений в этой сфере остается сложной и вызывает трудности на практике.

Несмотря на меры государства, количество ДТП в России остается высоким. Согласно данным МВД, в 2022 году зафиксировано 126 705 ДТП с пострадавшими, каждое девятое — со смертельным исходом. Погибло 14 172 человека, ранено — 159 635. Статистика показывает тенденцию к утяжелению последствий аварий [5].

Административные правонарушения в области дорожного движения регламентируются главой 12 КоАП РФ [2]. Она охватывает нарушения от нечитаемых номеров до управления в состоянии опьянения и без прав, устанавливая штрафы, лишение прав и административный арест. Однако применение главы 12 сопряжено с правовыми противоречиями, требующими постоянного пересмотра, особенно в условиях цифровизации и появления новых видов нарушений (электронные документы, мобильные приложения).

Важным аспектом является правильное разграничение административных и уголовных деяний для эффективного применения санкций и устранения межотраслевых разногласий.

В условиях развития транспортной инфраструктуры остро стоит проблема чрезмерной формализации правоприменения, проявляющейся в стандартизированном подходе к санкциям, без учета специфических обстоятельств. Это ведет к нарушению принципа индивидуализации ответственности.

Технологический прогресс (системы видеофиксации, автоматические комплексы) повысил эффективность контроля и снизил человеческий фактор, но создал новые вызовы. Отсутствие четких стандартов применения таких средств может приводить к необоснованному привлечению к ответственности (например, при плохой видимости знаков или неисправности оборудования). Развитие технологий (распознавание лиц, анализ данных) требует баланса между контролем и правами водителей, а также выработки унифицированных процедур для обеспечения точности, справедливости и пропорциональности.

Пример из судебной практики (ВС РФ): Организация оштрафована за проезд по трамвайным путям на служебном авто, зафиксированный автоматической камерой. Компания доказала, что за рулем был сотрудник, а не она как собственник. Нижестоящие суды оставили штраф в силе. Верховный Суд РФ отменил решение, сославшись

на ст. 2.6.1 КоАП РФ, которая освобождает собственника от ответственности при управлении другим лицом. Суд подчеркнул необходимость учета фактических обстоятельств и индивидуализированного подхода, особенно при использовании автоматизированных систем, которые не всегда точно отражают конкретную ситуацию [6].

Для повышения эффективности технического контроля необходимо:

1. Установить четкие требования к качеству оборудования (разрешение камер не ниже 1080p, погрешность радаров не более +/- 2 км/ч с регулярной поверкой).
2. Внедрить системы автоматической проверки работоспособности оборудования.
3. Ввести процедуру проверки данных сотрудниками ГИБДД с учетом смягчающих обстоятельств и возможность для водителей предоставлять доказательства.
4. Создать систему фильтрации ложных срабатываний.
5. Обеспечить понятный порядок обжалования: право на запрос видеозаписи и обращение в независимую экспертную комиссию.

Особую значимость приобретает адаптация законодательства к новым видам транспорта (электросамокаты, моноколеса, гироскутеры, электровелосипеды). Отсутствие четкого правового статуса их владельцев ведет к ДТП. Согласно Постановлению Правительства РФ № 1769 от 06.10.2022 [4] и изменениям в ПДД с 1 марта 2023 года, СИМ (средства индивидуальной мобильности) определены как транспортные средства с двигателем, рассчитанные на одиночное передвижение. Для решения проблемы требуется:

- установление единых требований к регистрации СИМ для идентификации участников ДТП;
- разработка критериев категорирования (например, для электровелосипедов сделано исключение — они приравнены к обычным велосипедам при мощности мотора до 0,25 кВт [8]);
- создание системы проверки знаний ПДД для пользователей СИМ;
- определение специальных зон передвижения (частично уже реализовано для самокатов).

Совершенствование правоприменения требует гибкого подхода к оценке нарушений, баланса между контролем и правами участников движения. Необходимы методические рекомендации для должностных лиц, улучшение процедур обжалования и система оценки значимости нарушений с учетом всех обстоятельств.

Комплекс мер должен включать:

1. Улучшение сбора и анализа данных о ДТП для точного определения причин нарушений, выявления частотности и оценки эффективности мер, что позволит разрабатывать профилактические меры.

2. Оптимизацию санкций — их строгость должна быть соразмерна тяжести правонарушения (например, дифференциация штрафов за превышение скорости в городе и на трассе с учетом разных скоростных режимов).

3. Создание специализированных судов для профессионального рассмотрения спорных вопросов и повышения справедливости правоприменения.

Пример из практики: на перекрестке автомобиль Н. проехал на красный свет (повторно, зафиксировано камерой), назначен штраф 5 тыс. рублей. Н. обжаловала, заявив, что за рулем был другой человек. В подтверждение предоставила справку с места работы (нахождение на рабочем месте в момент нарушения) и полис ОСАГО с указанием родственников, допущенных к управлению. Такой подход позволяет объективно рассматривать дело с учетом всех фактических данных.

Для решения проблем необходимо внедрение организационно-технических мер:

- создание единой цифровой платформы для учета и анализа административных дел с интеграцией данных систем фиксации;

- утверждение четких методических требований к допустимой погрешности приборов и регламентация их поверки;

- повышение квалификации сотрудников ГИБДД и судей через цикличные образовательные программы с участием метрологов, IT-специалистов и ученых для ускорения и повышения качества рассмотрения дел.

Важно обеспечить единообразие правоприменительной практики по всей стране через согласованность действий законодателей, исполнительных органов и судов. Комплексное улучшение системы приведет к повышению эффективности правосудия, снижению аварийности и смертности, а также обеспечит справедливое и пропорциональное применение ответственности.

Необходимо внедрение аналитических инструментов для отслеживания тенденций, оценки эффективности законодательства и выявления «узких мест» в системе контроля, требующих доработки. Технологическая модернизация — важный шаг к созданию безопасных и справедливых условий для всех участников дорожного движения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / СПС Консультант плюс / [электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 2.09.2025)
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.07.2025) / СПС Консультант плюс / [электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ddf872bbf0198a5ffe733c85ac8e65649ba9824d/ (Дата обращения: 22.07.2025)
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.10.2022 № 1769
4. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» / Официальное опубликование нормативно-правовых актов / [электронный ресурс]: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070049?index=1> (Дата обращения: 24.07.2025)
5. Госавтоинспекция: Показатели состояния безопасности дорожного движения / [электронный ресурс]: URL: <https://stat.gibdd.ru/> (Дата обращения: 22.07.2025)
6. ВС решил, кто ответит за нарушение ПДД на служебном автомобиле — компания или водитель / Адвокат Быков А. К. / [электронный ресурс]: <https://www.advokatbykov.ru/news/vs-reshil-kto-otvetit-za-narusheniya-pdd-na-služhebnom-avtomobile-kompaniya-ili-voditel/> (Дата обращения: 24.07.2025)
7. Статистика ДТП в России за 2022 г.: причины ДТП, статистический фактор / [электронный ресурс]: URL: <https://auto.rambler.ru/roadaccidents/42607002-statistika-dtp-v-rossii-za2022-god-prichiny-dtp-staticheskiy-faktor/> (Дата обращения: 22.07.2025)
8. Средства индивидуальной мобильности: что это такое, со сколько лет можно кататься и нужны ли права / [электронный ресурс]: URL: https://auto.ru/mag/article/credstva-individualnoy-mobilnosti-cto-eto-takoe-pravila-polzovaniya-i-shtrafy-za-ih-narusheniya/?utm_referrer=https%3A%2F%2Falice.yandex.ru%2F (Дата обращения: 24.07.2025)

История становления и развития института административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения

Шумков Иоанн Владиславович, студент магистратуры

Московский гуманитарно-технологический университет — Московский архитектурно-строительный институт

В статье анализируется становление административной ответственности за нарушения правил дорожного движения в России на различных исторических этапах. Рассматривается эволюция правового регулирования от норм «Русской Правды» и указов Ивана IV до современного КоАП РФ 2001 года. Особое внимание в статье уделяется влиянию развития транспортных средств и усложнения дорожного движения на изменение законодательных подходов к ответственности. Исследуются факторы, которые обуславливают трансформацию санкций, социально-политические процессы, рост аварийности и международное сотрудничество. Предлагается авторская периодизация развития данного института и обозначаются актуальные проблемы обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: история права, безопасность дорожного движения, нормативно- правовое регулирование, периодизация.

История формирования института административной ответственности важна для понимания его правовой природы и особенностей правоотношений, в том числе в сфере дорожного движения. Ее развитие неразрывно связано с эволюцией общественных отношений, связанных с передвижением, и ошибочно сводить его начало исключительно к появлению автомобилей. Первые попытки упорядочить движение относятся еще к Древнему Риму, где во времена Юлия Цезаря вводились ограничения на движение повозок и элементы одностороннего движения.

В России первые элементы правового регулирования безопасности дорожного движения, по мнению В. И. Лисеевского, прослеживаются уже в «Русской Правде» XI века, где содержались положения об ответственности за вред, причиненный при использовании гужевого транспорта. Однако большинство ученых считают, что полноценные аналоги современной административной ответственности сформировались значительно позже. Так, А. Н. Мещеряченко относит их появление к XV веку, когда начали устанавливаться первые правила эксплуатации почтовых трактов. Расширение дорожной сети, в том числе на Урале и Дальнем Востоке, при Иване Грозном привело к учреждению центрального органа управления ямской гоньбой, а во второй половине XVI века появились ямские слободы и была построена «Большая Московская дорога». Одним из первых официальных актов стал указ Ивана Грозного, устанавливавший ответственность за езду по левую руку — вплоть до битья батогами или штрафа.

Соборное уложение 1649 года предусматривало строгую ответственность за опасное поведение при передвижении верхом, включая телесные наказания, возмещение вреда, тюремное заключение и даже смертную казнь в случае смерти потерпевшей. В XVII веке активно закреплялись правила передвижения конных всадников и гужевого транспорта, особо выделялись запреты въезда на территорию Московского Кремля.

В начале XVIII века в Санкт-Петербурге была сформирована система полицейского контроля. В 1718 году вве-

дена должность генерал-полицмейстера, а с 1720 года полиция начала вести учет извозчиков, присваивать им номера и следить за соблюдением правил. Ответственность была жесткой: за первое нарушение — телесное наказание, за повторное — штраф, за последующее — каторга. Также вводились запреты на выгон скота на улицы и требования к благоустройству.

В XIX веке регулирование продолжило развиваться. В 1838 году в Санкт-Петербурге было утверждено Положение о городской полиции, которое закрепляло правила для владельцев экипажей и кучеров: запрет на управление в нетрезвом виде, на неисправных лошадях и повозках, обязанность снижать скорость у перекрестков и людных мест, не создавать помех пешеходам, а также иметь номерные знаки для установления личности нарушителя. В 1840 году указ Николая I «О действии правил о езде по Московскому шоссе» стал первым единым комплексом ПДД для всей империи, возложив на полицию контроль не только за движением, но и за состоянием дорог и инфраструктуры. На этом этапе уже сложились основы государственного участия: единые правила, надзорные органы и обязанность государства обеспечивать инфраструктуру.

Следующий этап связан с появлением автомобилей. Рост промышленности и отмена крепостного права увеличили интенсивность движения, что потребовало более развернутого регулирования. В 1900 году Санкт-Петербургская дума приняла постановление из 53 статей, регулирующее автомобильное движение: регистрация транспорта, техосмотр, медосвидетельствование водителей, ограничение скорости до 12 верст в час, движение по правой стороне, звуковые сигналы, фонари, а также экзамены на право управления и ответственность в виде штрафов, ареста и лишения прав. Одновременно вводились требования для велосипедистов — регистрация, фонарь, звонок, запрет на езду по центральным улицам в определенные часы, штрафы и арест.

В 1909 году Россия присоединилась к Международной конвенции об автомобильном движении, что закрепило единые знаки и правила. После революции 1917 года регу-

лирование децентрализовалось, но в 1918 году была принята первая советская инструкция, а в 1920 году — декрет СНК о скорости, регистрации и документах. Позже создавались отделы регулирования движения и Госавтоинспекция. В 1940 году утверждены типовые общесоюзные ПДД. В 1950-х годах в РСФСР приняты новые правила, расширившие полномочия ГАИ, в том числе по лишению прав за пьянство.

В 1959 году СССР присоединился к Женевской конвенции 1949 года, что послужило основой для первых единых ПДД СССР с 1 января 1961 года. В 1963 году утвержден госстандарт на дорожные знаки, а после присоединения к Венской конвенции 1968 года и ее ратификации в 1973 году введены обновленные ПДД с едиными скоростными лимитами, ремнями безопасности, аптечками и огнетушителями. В 1980-е годы сформирована единая система ответственности: в 1983 году принят Указ об административной ответственности, в 1984 году — КоАП РСФСР.

После распада СССР Россия создала собственную базу: в 1993 году утверждены новые ПДД, обновлены правила регистрации и допуска водителей. Ключевым актом стал Федеральный закон от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», который закрепил приоритет жизни и здоровья человека, ведущую роль государства, баланс интересов личности, общества и государства, а также программно-целевой подход. В законе определены основные понятия (дорожное движение, безопасность, ДТП, участник), полномочия органов власти и требования к участникам. Он неоднократно дополнялся новыми понятиями (систематические нарушения, социальный риск). Современная политика ориентирована на технические и инфраструктурные решения, снижение человеческого фактора, а в развитие закона утверждена Стратегия повышения безопасности дорожного движения и предусмотрены экспериментальные правовые режимы с цифровыми технологиями.

Литература:

1. Avtovzglyad.ru. Как менялись ПДД в СССР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.avtovzglyad.ru/> (дата обращения: 30.01.2026).
2. Георги И. Г. Описание столичного города Санкт-Петербурга. — Санкт-Петербург, 1794. — С. 128–130.
3. Кузнецова Т. А., Свистунова И. В. Безопасность дорожного движения в российском государстве: история вопроса и современность // Материалы Международной научно-технической конференции. — Тюмень, 2016. — С. 197–199.
4. Лисеенко В. И. Функция государственного контроля и надзора в сфере автомобильного транспорта и дорожного хозяйства: генезис и исторические особенности развития со времён Петра Великого до современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 4. — С. 97–104.
5. Лихов А. Р. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения. — Нальчик, 2018. — 233 с.
6. Мещеряченко А. Н. Административная ответственность за правонарушения в области организации дорожного движения: история и современность // Академическая публицистика. — 2023. — № 2–2. — С. 135–142.
7. Нугаев М. А. История организации безопасности дорожного движения (с 1683 г. до начала XX в.) // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. — Москва, 2021. — С. 168–171.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIII. Отд. 1. 1838 г. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1839. — № 11166. Положение о городской полиции. Ст. 187–194.
9. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. № 16/12/У «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. — Москва, 1950.
10. Приказ МВД СССР от 11 января 1960 г. № 25
11. «Правила движения по улицам и дорогам Союза ССР» // Сборник приказов и инструкций Министерства внутренних дел СССР. — Москва, 1960.
12. РИА Новости. История правил дорожного движения в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 30.01.2026).
13. Санкт-Петербургская городская полиция в XIX веке: документы и материалы / сост. А. В. Приймак. — Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — С. 45–48.
14. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1961. — 455 с.
15. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 50. — Ст. 4873.
16. Федеральный закон от 27 декабря 2017 г. № 443-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 1 (ч. I). — Ст. 31.

Роль судебной практики в конкретизации института воинской обязанности

Щуровский Николай Александрович, студент магистратуры
Ивановский государственный университет

Статья посвящена исследованию тех узких мест, которые возникают на стыке конституционных принципов и повседневной реализации воинской обязанности. Поднимается вопрос о том, как законодательные положения, формализация процедур влияют на права и свободы граждан. Особое внимание уделено анализу того, как правоприменительные действия формируют реальное положение воинской обязанности.

Ключевые слова: воинская обязанность, судебная практика, суды общей юрисдикции, оспаривание решений органов военного управления, позиции высших судов.

Институт воинской обязанности, будучи неотъемлемым составляющим системы национальной безопасности, в своем теоретическом понимании представляет из себя четкую и логическую конструкцию. Однако при переходе от законодательных положений к реалиям правоприменительной практики обнаруживается целый спектр проблем. Высокая идея защиты Отечества, изложенная в Конституции РФ, неизбежно сталкивается с административными барьерами, законодательной волокитой и вызовами текущей обстановки, требуя постоянного анализа и совершенствования.

Можно было бы предположить, что исполнение конституционной обязанности по защите Отечества протекает беспрепятственно и не вызывает затруднений у призывников. Однако, судебная практика свидетельствует об обратном. За последние три десятилетия Верховный Суд Российской Федерации многократно рассматривал проблемы, возникающие в связи с исполнением воинской обязанности, разрешая целый ряд сложных правовых вопросов и формируя правовые позиции, имеющие существенное значение для всех участников соответствующих общественных отношений.

Крайне важны для регулирования правоприменительной практики решения Верховного суда РФ. Верховный Суд РФ (далее — ВС РФ), являясь высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, играет ключевую роль в унификации судебной практики и формировании правовых позиций по вопросам воинской обязанности. Его решения не только разрешают конкретные споры, но и служат важным ориентиром для нижестоящих судов, органов военного управления и граждан. Анализ последних актов ВС РФ позволяет выявить основные тенденции в толковании законодательства о воинской обязанности, особенно в контексте новых вызовов и изменений.

Так, в октябре 2025 года Пленум Верховного Суда РФ внес изменения в свое постановление о воинской обязанности, уточнив круг лиц, подпадающих под действие соответствующего законодательства. Эти изменения коснулись, в частности, добровольцев и резервистов, расширив и детализировав их правовой статус в системе воинской обязанности. Данное постановление отражает эволюцию подходов к формированию Вооруженных Сил и других воинских форми-

рований. В условиях, когда роль добровольческих формирований и мобилизационного резерва возрастает, возникает необходимость в четком правовом регулировании их статуса. Уточнение Пленумом ВС РФ этих аспектов способствует унификации правоприменительной практики, предотвращает возможные споры и гарантирует единообразное понимание прав и обязанностей этих категорий граждан. Это также свидетельствует о стремлении законодателя и судебной власти адаптировать правовую базу к меняющимся реалиям оборонной политики [1].

По мимо этого вопросы, связанные с исполнением воинской обязанности рассматривает и коллегия по административным делам Верховного Суда РФ. Так, Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20 ноября 2024 года № 49-КАД24-13-К6 стало важным прецедентом в вопросах оспаривания решений призывных комиссий, особенно в части медицинского освидетельствования. В данном деле Верховный Суд отменил решения нижестоящих судов, которые удовлетворили административный иск гражданина Д. С. Елистратова о признании незаконным решения призывной комиссии и ненадлежащего проведения медицинского освидетельствования.

Это определение подчеркивает фундаментальный принцип административного судопроизводства — активную роль суда в установлении всех фактических обстоятельств дела и необходимость всесторонней оценки доказательств. В данном случае, несмотря на наличие заключения судебной военно-врачебной экспертизы, признавшей гражданина ограниченно годным к военной службе, Суд указал на существенные нарушения норм материального и процессуального права нижестоящими инстанциями. Суд напомнил, что заключение эксперта не является обязательным для суда и должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами. Это решение служит важным напоминанием о том, что даже при наличии экспертного заключения, суды обязаны глубоко исследовать все аспекты дела, особенно когда речь идет о столь значимых для гражданина вопросах, как годность к военной службе [2].

Также существует практика рассмотрения вопросов касающихся воинской обязанности и в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ.

В сентябре 2025 года Верховный Суд РФ выступил с важными разъяснениями относительно применения статьи 328 Уголовного кодекса РФ. Суд указал, что раскаяние обвиняемых в уклонении от военной службы, их положительные характеристики или добровольное возмещение ущерба не могут служить безусловным основанием для прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, таким как судебный штраф. Эта позиция Верховного Суда имеет принципиальное значение для формирования единообразной судебной практики по делам об уклонении от призыва. Верховный Суд подчеркнул, что преступление, предусмотренное статьей 328 УК РФ, направлено против порядка управления и комплектования Вооруженных Сил РФ, что придает ему особую общественную опасность. Возмещение вреда в области общественных отношений, которые непосредственно не связаны с исполнением воинской обязанности не снижает общественную опасность деяния. Таким образом, даже при наличии признаков раскаяния, в данном случае это возмещение вреда, не может автоматически освобождать от уголовной ответственности. Данное разъяснение направлено на усиление неотвратимости наказания за уклонение от воинской обязанности и подчеркивает важность соблюдения конституционного долга по защите Отечества [3].

Практика судов нижестоящих инстанций также разнообразна. Особое внимание при рассмотрении данного вопроса следует уделить категории дел, которые возникают в связи с неисполнением решения суда в разумный срок. Так, в решении Ивановского областного суда от 5 мая 2025 года по делу № 3а-22/2025 по административному исковому заявлению гражданина Тюхтякова о взыскании компенсации за нарушения права на исполнение судебного акта в разумный срок. Рассмотрев дело, суд пришел к вы-

воду об удовлетворении заявленных требований и выделил следующие принципы надлежащего исполнения судебных актов, которые касаются исполнения воинской обязанности. Принцип обязательности судебного акта — суд определил, что вступившее в силу решение суда не является «предложением к обсуждению» для органов военного управления. Оно обязательно для исполнения всеми должностными лицами. В контексте воинской обязанности это означает, что ведомственные инструкции военкоматов не могут служить оправданием для игнорирования судебного предписания. Законодатель устанавливает не просто обязанность исполнить решение, а исполнить его в разумный срок. В рассматриваемом деле истец указывал на просрочку в 634 дня. Разумность срока — это категория оценочная, однако в делах, связанных с призывом, она четко лимитирована рамками призывных кампаний. Административные ответчики (военкомат и казначейство) пытались обосновать неисполнение решения тем, что истец сам не являлся по повесткам и что срок действия медицинского заключения истек. Однако суд критически оценил подобные доводы. Если решение суда возлагает обязанность на орган власти, именно этот орган должен проявить инициативу и создать условия для исполнения, а не ссылаться на процедурные сложности, возникшие в результате его же первоначального бездействия. Рассматриваемое дело подтверждает, что в сфере воинской обязанности право на исполнение решения суда в разумный срок является ключевым составляющим права на судебную защиту. Игнорирование судебных актов под предлогом сложности процедур или неявки призывника при наличии четкого судебного предписания ведет к нарушению баланса интересов личности и государства, что дает гражданину право на реальную денежную компенсацию [4].

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 октября 2025 года № 21 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».
2. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20 ноября 2024 года № 49-КАД24-13-К6.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 августа 2025 года № 60-УДП25-8-К9.
4. Решение Ивановского областного суда от 5 мая 2025 года по делу № 3а-22/2025. Архив Ивановского областного суда.

Искусственный интеллект и автоматизация в административном судопроизводстве: перспективы и риски

Ямбатрова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется проблема внедрения искусственного интеллекта (ИИ) и автоматизации в административное судопроизводство в контексте цифровой трансформации судебной системы РФ. Сделан вывод о том, что успешное внедрение ИИ в административное судопроизводство требует баланса между инновациями и соблюдением процессуальных

гарантий. Ключевыми условиями выступают: совершенствование нормативно-правовой базы, обеспечение прозрачности алгоритмов, защита данных и сохранение активной роли судьи в принятии решений. Результаты исследования могут быть полезны законодателям, судьям, юристам и исследователям в области цифрового права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автоматизация, административное судопроизводство, цифровизация правосудия, КАС РФ, алгоритмическая предвзятость, кибербезопасность, прозрачность алгоритмов, цифровое неравенство.

Современное развитие информационных технологий радикально трансформирует традиционные подходы ко многим сферам общественной жизни, включая систему правосудия. В условиях цифровой трансформации особую актуальность приобретает вопрос внедрения искусственного интеллекта (ИИ) и автоматизации в административное судопроизводство — область, где сталкиваются потребности в повышении эффективности судебной системы и необходимости соблюдения фундаментальных процессуальных гарантий.

Стремительное развитие технологий ИИ открывает новые возможности для оптимизации административного судопроизводства: от автоматизации рутинных процедур (подготовки документов, протоколирования заседаний) до анализа больших массивов данных и прецедентной практики. Государственная политика в сфере цифровизации, закреплённая в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, ред. от 15.02.2024) [4], задаёт вектор внедрения цифровых решений в судебную практику.

Вместе с тем интеграция ИИ в судопроизводство порождает комплекс правовых, этических и технических вызовов. Возникают вопросы о допустимых границах автоматизации, прозрачности алгоритмов, ответственности за принимаемые решения, а также о сохранении ключевых принципов правосудия — справедливости, независимости суда и равенства сторон. Особую значимость эти проблемы приобретают в контексте административного судопроизводства, где суд выполняет активную функцию защиты прав граждан в публично-правовых спорах (ст. 14 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ; далее — КАС РФ) [1].

Например, в деле № 12–1182/2023 (решение Мещанского районного суда от 14.06.2023) рассматривался жалоба Чумакова А. В. на постановление о привлечении к административной ответственности за неуплату за размещение транспортного средства на платной городской парковке. Мещанский районный суд Москвы рассмотрел дело 14 июня 2023 года и отменил постановление, прекратив производство по делу. Ссылаясь на п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 года № 20, суд указал, что ст. 2.6.1 и ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ устанавливают особый порядок привлечения к административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения при их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами. В таких случаях протокол не составляется,

а постановление выносится без участия собственника (владельца) транспортного средства. Суд отметил, что фотоматериалы, полученные с использованием работающего в автоматическом режиме средства «ПаркНет-М», должны были использоваться в качестве одного из доказательств совершения правонарушения. Однако в данном случае постановление было вынесено без составления протокола об административном правонарушении, что нарушило порядок привлечения к административной ответственности, установленный действующим законодательством. Эти нарушения являются существенными, так как не позволили всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело. Возможность устранения этих недостатков отсутствует [6].

Международный опыт использования ИИ в судебных системах (в США, Китае, Эстонии и других странах) демонстрирует как успешные кейсы автоматизации приказного производства и онлайн-урегулирования споров, так и серьёзные риски — алгоритмическую предвзятость, проблемы конфиденциальности данных, отсутствие прозрачности «чёрных ящиков» машинного обучения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью найти баланс между технологическим прогрессом и сохранением фундаментальных ценностей правосудия.

Технологии искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для оптимизации процессуальных процедур в рамках административного судопроизводства, регулируемого КАС РФ [1], что подтверждается результатами отечественных и зарубежных исследований [11] [12]. Внедрение ИИ позволяет автоматизировать рутинные операции — подготовку типовых документов, сортировку обращений, проверку комплектности материалов и протоколирование заседаний, — тем самым снижая нагрузку на судей и судебный аппарат [11].

Кроме того, системы машинного обучения способны анализировать обширные массивы судебных решений и законодательства: выявляя закономерности и сопоставляя текущие дела с прецедентной практикой, они ускоряют процесс рассмотрения споров и способствуют обеспечению единообразия правоприменения [12] [13]. Например, анализ решений по делам об оспаривании нормативных актов (ст. 208 КАС РФ) показывает, что автоматизированный поиск схожих дел сокращает время подготовки к заседанию на 30–40 %.

ИИ также может прогнозировать вероятность удовлетворения иска на основе имеющихся данных, помогая сторонам оценить перспективы разбирательства [13], а ещё — оперативно предоставлять судьям релевантную правовую

информацию и релевантные прецеденты, сокращая временные затраты на поиск необходимых сведений [11] [14]. В отдельных категориях административных дел, например, по вопросам штрафов, перспективно внедрение автоматизированных систем онлайн-урегулирования споров, позволяющих разрешать конфликты без непосредственного участия судьи.

Так, в деле № 21–316/2024 (Верховный Суд Чувашской Республики, решение от 16 апреля 2024 года) суд рассматривал вопросы, связанные с использованием технических средств фиксации нарушений ГИС «Безопасный город». Хотя в материалах дела упоминалась видеозапись из системы «Безопасный город», суд подчеркнул, что она не была должным образом оформлена и не могла служить основанием для вынесения постановления. Это акцентирует внимание на необходимости соблюдения процессуальных требований при использовании технических средств фиксации нарушений [7].

Внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство, несмотря на значительный потенциал, сопряжено с комплексом серьёзных рисков. Принцип «чёрного ящика», характерный для многих ИИ-систем, затрудняет понимание логики принимаемых решений и вступает в противоречие с требованием мотивированности судебных актов (ст. 177 КАС РФ) [11] [15].

Например, в деле № 2–2592/2021 (Центральный районный суд г. Хабаровска) заявитель оспаривал автоматическое начисление транспортного налога через систему ФНС. Суд признал решение недействительным из-за отсутствия понятной методики расчёта и невозможности проверить корректность алгоритма [8].

Кроме того, алгоритмическая предвзятость, обусловленная скрытыми предубеждениями в обучающих данных, может приводить к дискриминационным решениям — что уже фиксировалось в зарубежных системах [12] [15]. В российской практике подобные риски решение Верховного Суда РФ от 6 ноября 2013 года № АКПИ13–908. В этом деле оспаривались положения Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утверждённой приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Заявитель считал, что инструкция допускает систематическое распределение заявлений о пересмотре решений суда тому же судье, который их выносил, а также позволяет должностным лицам предопределять состав суда через приказы о специализации судей. В данном решении Суд подтвердил законность использования ГАС «Правосудие» для распределения дел, подчеркнув, что это соответствует требованиям процессуального законодательства [9].

Не менее остро стоит вопрос ответственности: действующее законодательство, включая КАС РФ [1], не определяет, кто должен нести ответственность за ошибочные решения, принятые с использованием ИИ — разработчик системы, судья или суд в целом [16]. Повышенные риски утечек конфиденциальной информации и кибератак, связанные с обработкой больших данных, создают угрозы ин-

формационной безопасности. Эти аспекты регулируются: Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]; Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2].

К ограничениям также относится неспособность ИИ учитывать психологические аспекты и нюансы взаимоотношений сторон, критически важные для справедливого разрешения сложных дел, — полная замена судей алгоритмами противоречит основополагающим принципам правосудия [13] [16].

Наконец, цифровое неравенство усугубляет ситуацию: недостаточная цифровая грамотность части участников процесса может ограничивать их доступ к правосудию при внедрении ИИ-систем [11] [17]. В деле № 2–654/2024 (Челябинский областной суд, решение от 17.02.2024) пенсионерка добилась отмены решения, вынесенного через онлайн-сервис, из-за невозможности корректно подать возражения в электронной форме. Суд признал нарушение права на защиту и обязал предоставить возможность традиционного (бумажного) взаимодействия [10].

Таким образом, фрагментарность правового регулирования и совокупность обозначенных рисков требуют тщательной проработки механизмов внедрения ИИ в судебную практику.

Зарубежный опыт внедрения искусственного интеллекта в правосудие демонстрирует неоднозначные результаты: с одной стороны — успешные кейсы, с другой — существенные проблемы. Так, в Китае технологии ИИ активно применяют для анализа доказательств и подготовки проектов судебных решений, однако их использование подвергается критике из-за недостаточной прозрачности алгоритмов [13]. В США система COMPAS, предназначенная для оценки рисков рецидива, была признана предвзятой в отношении отдельных социальных групп, что выявило риски алгоритмической дискриминации [15]. В то же время положительный пример демонстрирует Эстония: в стране успешно функционирует система онлайн-разрешения мелких споров, — данный подход потенциально может быть адаптирован в России для отдельных категорий административных дел.

Для безопасного внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство требуется комплексный подход, предусматривающий разработку стандартов прозрачности и объяснимости алгоритмов [11] [16]; установление чётких правил ответственности за ошибки автоматизированных систем [16]; обеспечение надёжной кибербезопасности данных и защиту персональных сведений в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ и Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ; законодательное регулирование, в т.ч. внесение соответствующих норм в КАС РФ, которое должно закрепить порядок использования ИИ, гарантировать права сторон процесса и предусмотреть механизмы обжалования решений, принятых с привлечением технологий ИИ [14] [16]; организацию обучения судей и иных участников судопроиз-

водства работе с ИИ-системами [11]; ограничение сферы применения ИИ категориями дел с формализованными процедурами, сохранив рассмотрение сложных правовых споров под контролем квалифицированных судей — это позволит сочетать преимущества автоматизации с соблюдением фундаментальных принципов правосудия.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в административное судопроизводство обладает значительным потенциалом для повышения эффективности и доступности правосудия. Автоматизация рутинных процессов и анализ данных могут сократить сроки рассмотрения дел и снизить нагрузку на суды. Однако реализация

этих преимуществ требует взвешенного подхода, учитывающего правовые, этические и технические риски. Ключевыми условиями успешного внедрения являются совершенствование законодательства, включая развитие норм КАС РФ и смежных актов, обеспечение прозрачности ИИ-систем в соответствии с принципами открытости правосудия, защита данных в рамках требований Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ и Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ, сохранение активной роли судьи в принятии решений. Дальнейшее развитие этой сферы должно основываться на балансе между инновациями и соблюдением фундаментальных принципов правосудия.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
2. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 42. — Ст. 5892.
5. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
6. Решение Мещанского районного суда от 14.06.2023 по делу № 12-1182/2023 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
7. Решение Верховного Суда Чувашской Республики (Чувашская Республика) от 16.04.2024 по делу № 21-316/2024 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).
8. Решение Центрального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 20.06.2021 по делу № 22592/2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).
9. Об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании абзацев первого, второго, пятого пункта 1.4, пункта 3.4 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36: Решение Верховного Суда РФ от 06.11.2013 № АКПИ13-908 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
10. Решение Челябинского областного суда от 17.02.2024 № 2-654/2024 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).
11. Романовская, О. В. Правовой режим цифровой юстиции: проблемы и перспективы / О. В. Романовская, Е. А. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Право». — 2024. — № 1 (45). — С. 21–31.
12. Курындин, П. А. Цифровая трансформация административного судопроизводства: российский и зарубежный опыт / П. А. Курындин // Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции. — Вып. 23. — 2023. — С. 439–442.
13. Захаров, Г. Н. Цифровизация судопроизводства: иллюзии и реальность / Г. Н. Захаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. — 2025. — № 2 (82). — С. 202–209.
14. Иншакова, Е. Г. «Электронное правосудие» и Кодекс административного судопроизводства: концептуальное изменение способов взаимодействия суда и сторон / Е. Г. Иншакова // Журнал административного судопроизводства. — 2016. — № 1. — С. 79–81.
15. Резаева, А. А. Электронное правосудие: новые процессуальные риски и гарантии / А. А. Резаева, М. Ю. Лебедев // Вестник науки. — 2026. — Т. 3, № 5 (98). — С. 706–712.
16. Айбатулина, А. К. Цифровизация административного судопроизводства: новые возможности и потенциальные риски / А. К. Айбатулина // Право и практика. — 2025. — № 3. — С. 35–40.
17. Ерёмченко, А. К. Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития / А. К. Ерёмченко // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 29. — С. 74–84

Электронное правосудие в административном судопроизводстве: возможности и ограничения

Ямбатрова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию возможностей и ограничений электронного правосудия в административном судопроизводстве в контексте цифровой трансформации судебной системы РФ. В работе проанализированы преимущества внедрения цифровых инструментов, выявлены ключевые риски и ограничения, рассмотрены этические и юридические аспекты применения ИИ в судопроизводстве, предложены направления минимизации рисков. Сделан вывод о том, что успешное внедрение электронного правосудия требует сбалансированного учёта технологических, правовых и социокультурных факторов. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность и справедливость судопроизводства, гарантируя защиту прав и законных интересов граждан в цифровую эпоху.

Ключевые слова: электронное правосудие, административное судопроизводство, цифровизация, КАС РФ, электронный документооборот, видеоконференцсвязь, цифровая грамотность, информационная безопасность, искусственный интеллект, Правосудие онлайн.

Актуальность исследования возможностей и ограничений электронного правосудия в административном судопроизводстве обусловлена масштабной цифровизацией судебной системы в рамках государственных программ, в т. ч. Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы [6] и Концепции развития информатизации судов до 2030 года [7]. Внедрение электронного документооборота, видеоконференцсвязи, аудио- и видеопотоколирования повышает доступность и эффективность правосудия — в частности, за счёт дистанционного взаимодействия участников процесса с судами, что особенно значимо для жителей удалённых регионов. С 1 июля 2025 года такое взаимодействие по делам об административных правонарушениях стало возможным через портал «Госуслуги» и Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), что закреплено соответствующими нормативными актами Правительства РФ.

Вместе с тем цифровизация порождает ряд проблем: технические сбои, угрозы информационной безопасности (подтверждённые, например, хакерской атакой на ГАС «Правосудие» в 2024 году), риски утечки данных, алгоритмическую предвзятость ИИ и сложности оценки электронных доказательств. Фрагментарность правового регулирования, включая размытость разграничения понятий «электронное правосудие» и «электронный документооборот», создаёт дополнительные риски для реализации права на доступ к правосудию, гарантированного ст. 46 Конституции РФ [1]. Кроме того, цифровое неравенство и разная степень цифровой грамотности участников процесса осложняют соблюдение базовых принципов судопроизводства, закреплённых в ст. 123 Конституции РФ [1] и гл. 1 Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) [2], и защиту прав граждан. Перспективы перехода к «электронным судам», где все процедуры будут осуществляться онлайн, требуют не только технологических решений, но и существенных изменений в законодательстве. Таким образом, изучение обозначенной темы

имеет теоретическую и практическую значимость для модернизации судебной системы и повышения качества правосудия в цифровую эпоху.

Электронное правосудие в административном судопроизводстве представляет собой использование информационно-коммуникационных технологий для осуществления процессуальных действий, взаимодействия суда и участников процесса, а также повышения эффективности и доступности правосудия [21]. Внедрение цифровых инструментов открывает новые возможности, но также сопряжено с рядом ограничений и рисков.

Электронное правосудие представляет собой комплекс цифровых инструментов, обеспечивающих взаимодействие участников административного судопроизводства с судом посредством электронного документооборота, дистанционного участия в заседаниях (в т. ч. через видеоконференцсвязь и веб-конференции), аудио-и видеопотоколирования, формирования «электронного дела» с управлением информацией и доступом к ней, а также исследования электронных доказательств [21]. Правовая основа применения этих технологий в административном процессе закреплена в Кодексе административного судопроизводства РФ: в частности, ч. 2 ст. 45 КАС РФ гарантирует участникам право направлять документы в суд в электронной форме, а ч. 2 ст. 126 и ч. 5 ст. 353 КАС РФ предусматривают возможность получения судебных актов в электронном виде [15]. Дополнительно порядок электронного взаимодействия регламентируется Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 31.07.2023) [3], устанавливающим общие принципы использования информационных систем в государственных органах.

Электронное правосудие существенно повышает доступность, эффективность и прозрачность судопроизводства [21] [22] [14]: благодаря дистанционному взаимодействию участники процесса (в т. ч. жители удалённых регионов) могут подавать документы и участвовать в за-

седаниях без необходимости физического присутствия в суде. Внедрение электронного документооборота сокращает сроки рассмотрения дел и снижает затраты на печать и доставку документов, а публикация информации о делах и судебных актах в электронном виде усиливает общественный контроль за деятельностью судов в соответствии с принципами открытости правосудия, закреплёнными в Федеральном законе от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [4]. Использование электронных доказательств — документов, записей и данных информационных систем — расширяет возможности доказывания, а автоматизация рутинных процессов посредством специализированных систем документооборота и управления делами позволяет снизить нагрузку на судебный аппарат.

Электронное правосудие сопряжено с рядом существенных ограничений и рисков, способных повлиять на законность и эффективность судопроизводства. Технические уязвимости — сбои в работе систем, обрывы связи и кибератаки — могут нарушить ход процесса, как это произошло в случае, рассмотренном в Определении Верховного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № 74-КГ21–8-К9, когда из-за отключения оборудования для видео-конференц-связи истец лишился возможности изложить свою позицию [8].

Показательным примером проблем идентификации и аутентификации является решение ВС РФ от 11 сентября 2017 г. № АКПИ17–581, в котором судебная коллегия признала недопустимым доказательство, представленное через систему электронного правосудия, из-за отсутствия подтверждения личности отправителя, и указала, что нарушение требований Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» влечёт невозможность установления подлинности документа [9].

Цифровое неравенство также выступает значимым барьером: ограниченный доступ к интернету и недостаточная цифровая грамотность части граждан затрудняют их полноценное участие в электронном судопроизводстве [21]. Например, определение Пятого кассационного СОЮ по делу № 88–2932/2023. В этом споре заявитель своевременно подал апелляционную жалобу в электронном виде, но из-за сбоя в системе документ не поступил. Суд восстановил пропущенный срок, приняв во внимание незначительный пропуск — всего четыре дня [10].

Правовая неопределённость, в частности отсутствие чётких критериев признания электронной почты каналом официальной коммуникации и подтверждения факта получения электронных сообщений, создаёт дополнительные риски для реализации процессуальных прав [21].

Применение искусственного интеллекта для автоматизации отдельных задач, например, подготовки проектов документов, хотя и обсуждается, но вызывает этические и юридические опасения: полная замена судей «цифровыми аналогами» ставит под вопрос соблюдение принципов справедливости, поскольку ИИ не способен учиты-

вать контекстные и психологические нюансы, критически важные для принятия взвешенного решения [18]. Например, суд отклонил обзор рынка услуг, подготовленный нейросетью, указав, что такой обзор носит информативный характер и не является допустимым доказательством (постановление Девятого ААС от 27.01.2026 по делу № А40–251278/2022) [11].

Кроме того, технические неполадки могут провоцировать риск «цифровой волокиты», когда недобросовестные участники намеренно затягивают процесс. Например, в постановлении АС Дальневосточного округа от 25 января 2023 года по делу № А04–6166/2016 суд отказал в отложении, так как сторона документально не подтвердила наличие технических неполадок, а подключиться к веб-конференции можно было посредством любого устройства с доступом к интернету [12].

Наконец, консервативность правосознания среди судей и иных участников судопроизводства формирует культурный и психологический барьер, порождающий скептическое отношение к дистанционным форматам взаимодействия [15]. Например, гражданское дело № 2–2930/2023 по иску Мимикина Виктора Олеговича к Ткачеву Евгению Ивановичу и ООО «ЯММИ ДО» о взыскании денежных средств, в котором суд установил, что на дату и время судебного разбирательства в Бутырском районном суде города Москвы отсутствовала техническая возможность осуществления видеоконференцсвязи с судами, расположенными в городе Ижевске. Согласно ст. 155.1 ГПК РФ, возможность участия в судебном заседании через видеоконференцсвязь является правом, а не обязанностью суда. Суд определил, что ходатайство подлежит отклонению из-за отсутствия технической возможности [13].

Для минимизации рисков и повышения эффективности электронного правосудия требуется комплексный подход, предусматривающий совершенствование технического и программного обеспечения судов с обеспечением их равномерной оснащённости [16] [18] [19]. Одновременно необходимо развивать нормативно-правовую базу, в т. ч. закреплять правовой режим цифровых платформ — таких как суперсервис «Правосудие онлайн», — и чётко регламентировать процедуры работы с электронными доказательствами, использования видеоконференцсвязи и идентификации участников процесса в соответствии с положениями КАС РФ и Федерального закона № 149-ФЗ. Не менее важно повышать уровень цифровой грамотности как судейского корпуса, так и иных участников судопроизводства, а также разрабатывать этически и юридически обоснованные стандарты применения искусственного интеллекта в судебной практике с учётом требований Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» и вне-

сении изменений в статьи 6 и 7 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5].

Таким образом, внедрение электронного правосудия в административном судопроизводстве — закономерный этап модернизации судебной системы в условиях цифровой трансформации общества. Для дальнейшего развития электронного правосудия необходим комплексный подход, сочетающий совершенствование технической инфраструктуры и равномерную оснащённость судов, развитие нормативноправовой базы, включая регламентацию работы цифровых платформ (например, суперсервиса

«Правосудие онлайн») и процедур использования электронных доказательств, повышение цифровой грамотности судей и участников процесса, разработку этически и юридически обоснованных стандартов применения ИИ.

Следовательно, электронное правосудие обладает значительным потенциалом для оптимизации административного судопроизводства, но его реализация требует сбалансированного учёта технологических, правовых и социокультурных факторов. Последовательное решение выявленных проблем позволит обеспечить не только эффективность, но и справедливость правосудия в цифровую эпоху, гарантируя защиту

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6217.
5. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
6. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы: одобрена Советом судей РФ 05.12.2019 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ssrf.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
7. Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года: утверждена постановлением Президиума Совета судей РФ от 02.12.2019 № 785 [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).
8. О возмещении ущерба, причинённого неправомерными действиями должностных лиц: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2022 № 74-КГ21–8-К9 (УИД 14RS0035–01–2020–017872–20) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
9. Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» и пунктов 3.1.3, 3.2.4, подпункта 11 пункта 4.5 утверждённого им Порядка: Решение Верховного Суда РФ от 11.09.2017 № АКПИ17581 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 11. — (извлечение).
10. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.03.2023 № 88–2932/2023 (УИД 09RS0001–01–2022–000243–61) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2026 № 09АП–64279/2025 по делу № А40–251278/2022 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
12. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.01.2023 № Ф03–43/2023 по делу № А04–6166/2016 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
13. Гражданское дело № 22930/2023 по иску Мимикина Виктора Олеговича к Ткачеву Евгению Ивановичу и ООО «ЯММИ ДО» о взыскании денежных средств [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
14. Айбатулина, А. К. Цифровизация административного судопроизводства: новые возможности и потенциальные риски / А. К. Айбатулина // Право и практика. — 2025. — № 3. — С. 35–40.

15. Резаева, А. А. Электронное правосудие: новые процессуальные риски и гарантии / А. А. Резаева, М. Ю. Лебедев // Вестник науки. — 2026. — Т. 3, № 5 (98). — С. 706–712.
16. Романовская, О. В. Правовой режим цифровой юстиции: проблемы и перспективы / О. В. Романовская, Е. А. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Право». — 2024. — № 1 (45). — С. 21–31.
17. Ерёменко, А. К. Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития / А. К. Ерёменко // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 29. — С. 74–84.
18. Морозова, Г. А. Цифровые технологии в административном судопроизводстве / Г. А. Морозова, Э. Х. Губайдулина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 4–2. — С. 188–192.
19. Борисова, Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России / Л. В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6 (115). — С. 105–111.
20. Захаров, Г. Н. Цифровизация судопроизводства: иллюзии и реальность / Г. Н. Захаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. — 2025. — № 2 (82). — С. 202–209.
21. Иншакова, Е. Г. «Электронное правосудие» и Кодекс административного судопроизводства: концептуальное изменение способов взаимодействия суда и сторон / Е. Г. Иншакова // Журнал административного судопроизводства. — 2016. — № 1. — С. 79–81.
22. Ючмарова Я. Э. Электронное правосудие в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / Я. Э. Ючмарова, П. В. Шумов // Электронный научный журнал «Дневник науки». — 2020. — № 6.

ИСТОРИЯ

Белая книга 1939 г.: поворотный пункт в британской политике в Палестине

Абдаллах Мария Махеровна, студент
Московский педагогический государственный университет

Статья посвящена анализу Белой книги 1939 г. — ключевого документа британской политики в Палестине, ознаменовавшего отказ от обязательств, данных еврейскому народу в Декларации Бальфура. Рассматриваются предпосылки принятия документа, включая арабское восстание 1936–1939 гг., работу комиссий Пила и Вудхеда, а также Сент-Джеймскую конференцию. Анализируются основные положения Белой книги, ограничивавшие еврейскую иммиграцию и покупку земли. Особое внимание уделяется реакции сионистского движения и арабского населения, а также последствиям документа для дальнейшего развития арабо-еврейского конфликта в Палестине.

Ключевые слова: Белая книга 1939 г., Великобритания, Палестина, арабское восстание, сионизм, еврейская иммиграция, мандатная система, арабо-еврейский конфликт.

The 1939 White Paper: a turning point in British policy in Palestine

The article analyzes the 1939 White Paper — a key document of British policy in Palestine that marked the renunciation of commitments made to the Jewish people in the Balfour Declaration. The prerequisites for the adoption of the document are examined, including the Arab Revolt of 1936–1939, the work of the Peel and Woodhead Commissions, and the St. James Conference. The main provisions of the White Paper, which restricted Jewish immigration and land purchases, are analyzed. Special attention is paid to the reaction of the Zionist movement and the Arab population, as well as the consequences of the document for the further development of the Arab-Jewish conflict in Palestine.

Keywords: 1939 White Paper, Great Britain, Palestine, Arab Revolt, Zionism, Jewish immigration, mandate system, Arab-Jewish conflict.

1929–1939 гг. называют Пятой алией — пятой волной иммиграции евреев в Палестину. В этот период в подмандатную Палестину прибыло около 250 000 евреев, из которых 174 000 — в 1936–1939 гг. Такой большой поток иммигрантов был вызван всемирным экономическим кризисом, ухудшением положения евреев в Европе и ростом антисемитизма.

Несмотря на то, что в 1920-е гг. евреи иммигрировали в Палестину небольшими партиями, между поселенцами и коренным арабским населением практически сразу обострились отношения. Арабские крестьяне, в частности, пострадали от покупки земли сионистами, изменений на рынках, вызванных политикой мандата, а также от практики еврейской трудовой деятельности, которая свидетельствовала о предпочтении еврейской рабочей силы арабской. Напряженность сохранялась на протяжении десятилетия, а в 1929 г. вылилась в еврейский погром у Стены плача, беспорядки охватили сначала Иерусалим, а вскоре и другие города.

После этих беспорядков администрация была вынуждена признать нестабильность ситуации. В октябре 1929 г. в Палестину было направлено официальное расследование под руководством сэра Уолтера Шоу для выяснения обстоятельств произошедшего. Отчет Шоу признал, что конфликт связан с действием мандата, и рекомендовал новые меры по ограничению еврейской иммиграции, а также провести исследование методов выращивания сельскохозяйственных культур в Палестине. Затем в Палестину прибыл Джон Хоуп Симпсон, представитель Лиги Наций по вопросам беженцев, чтобы выполнить просьбу доклада Шоу о проведении нового расследования по вопросам сельского хозяйства. Опубликованная одновременно с докладом Хоупа Симпсона Белая книга Пассфилда (по имени министра по делам колоний Лорда Пассфилда) 1930 г. сформулировала эти рекомендации. Доклады Шоу и Хоупа Симпсона, а также Белая книга Пассфилда указывали на необходимость проведения новой политики, которая бы отвечала положению палестинских арабов.

В документе Пассфилда содержался призыв ограничить еврейскую иммиграцию и критика исключительной еврейской трудовой практики. В «Белой книге Пассфилда» фактически пересматривались положения британской мандатной системы и ставились под сомнения принципы Декларации Бальфура, а недостаток пригодных для обработки земель использовался в качестве доказательства того, что нет необходимости в увеличении рабочей силы. В «Книге» приводились аргументы в пользу значительного сокращения еврейской иммиграции [1, с. 34].

Арабские палестинские лидеры отреагировали на «Белую книгу» Пассфилда со сдержанным оптимизмом, но сионисты, в числе которых был Хаим Вейцман, с тревогой отнеслись к этой попытке ограничить строительство Ишува. Под давлением Х. Вейцмана правительство вскоре изменило интерпретацию политики, чтобы развеять опасения евреев. В письме к Вейцману премьер-министр Рамси Макдональд вернулся к «Белой книге Черчилля» 1922 г.

Накопленный опыт присутствия на заседаниях разных комиссий и принятия отчетов, которые затем игнорировались или отменялись, заставил палестинских арабов отвергнуть дипломатический процесс. Еврейская иммиграция приобрела еще большее значение для Ишува, поскольку положение евреев в Европе ухудшилось. Еврейское агентство могло аргументированно добиваться иммиграционных сертификатов на въезд в Палестину, но их просьбы не всегда удовлетворялись. 20 декабря 1933 г. газета *Palestine Post* опубликовала текст речи Давида Бен-Гуриона и профессора Зелига Бродецкого, представлявших руководство Еврейского агентства и Всемирный сионистский совет, в которой критиковалась иммиграционная политика мандата.

Главным образом в сокращении еврейских виз обвиняли британского Верховного комиссара Артура Уокопа. В свою защиту он ссылался на заявления министра иностранных дел и министра по делам колоний, которые утверждали, что при всем сочувствии к положению немецких евреев мандатное правительство не может отступить от политики, согласно которой численность иммигрантов должна определяться экономическими показателями Палестины. Уокоп подчеркнул, что он лично вмешивался снова и снова, чтобы обеспечить максимально возможное выделение сертификатов в рамках трудового графика немецким евреям, включая, в частности, беженцев из Франции и Бельгии [2, с. 48].

Несмотря на заявления сионистов о том, что еврейская иммиграция помогла сократить миграцию арабов в города, остановила инфляцию заработной платы и способствовала развитию легального бизнеса, эти аргументы, по мнению Уокопа, были ширмой для реализации политических планов сионистов. Одной из проблем сионистов, по словам Уокопа, был демографический баланс в Палестине: «Срочная важность увеличения числа евреев в Палестине, чтобы они составляли по крайней мере половину от общей численности населения и, таким образом, были в состоянии игнорировать протесты или мнение арабов» [3, с. 40]. С этого мо-

мента споры по поводу соотношения численности населения между арабами и евреями только усилились.

Уже в 1933 г. официальная иммиграционная политика мандата была настолько ограничительной (до 10 000 человек в год), что некоторые евреи придумывали способы обойти эту систему. Так в еврейской истории 1933–1948 гг. называют «Алией Бет» (по второй букве еврейского алфавита) — нелегальный въезд евреев в Палестину. В связи с увеличением численности нелегальных репатриантов к середине 1930-х гг. Ишув составлял почти треть населения Палестины. То, что они смогли сделать за счет поддержки британской политики, несмотря на явные опасения Верховного комиссара, еще больше отдали палестинских арабов от поддержки мандатной администрации.

В 1936 г. массовое недовольство палестинцев британским правлением достигло своего апогея. С осени 1935 г. напряженность по всей Палестине росла, и в середине апреля 1936 г. вспыхнуло восстание, когда последователи Кассамы напали на колонну грузовиков между Наблусом и Тулькармусом, убив двух водителей-евреев. На следующий день боевики Иргун убили двух палестинских рабочих недалеко от Петах-Тиквы, а в последующие дни в Тель-Авиве и Яффо произошли массовые беспорядки. В Наблусе был создан Арабский национальный комитет, и 19 апреля была объявлена забастовка. Национальные комитеты в других городах поддержали призыв к забастовке, и 25 апреля был создан Высший арабский комитет под председательством Хадж Амина аль-Хуссейни для координации и поддержки общенациональной всеобщей забастовки, которая началась 8 мая [4].

Забастовка вызвала широкий резонанс и привела к остановке коммерческой и экономической деятельности в палестинском секторе. Тем временем палестинцы по всей сельской местности объединились в вооруженные группы для нападения — сначала нерегулярного, но все более организованного — на британские и еврейские объекты. Британцы использовали различные тактические приемы в попытке остановить забастовку и подавить восстание в сельской местности. Ряды британских и еврейских полицейских пополнились, а палестинцы подверглись обыскам в домах, ночным рейдам, избиениям, тюремному заключению, пыткам и депортации. Большие районы Старого города Яффо были разрушены, и британцы вызвали военное подкрепление [5, с. 22].

Одновременно с военными операциями и репрессивными мерами британское правительство направило следственную комиссию во главе с лордом Пилем для исследования причин восстания. В октябре 1936 г. под совместным давлением британской политики, глав других арабских государств и последствий шестимесячной всеобщей забастовки палестинского населения Арабский комитет отменил забастовку и согласился предстать перед комиссией Пила. В июле 1937 г. комиссия Пила опубликовала свой доклад, в котором рекомендовала разделить Палестину на еврейское и арабское государства [1, с. 35].

На втором этапе восстания, длившемся с июля 1937 г. до осени 1938 г., палестинские повстанцы добились значительных успехов. Обширные районы холмистой палестинской территории, включая на некоторое время Старый город Иерусалима, полностью перешли под контроль повстанцев. Повстанцы создали институты, в первую очередь суды и почтовую службу, взамен структур британского мандата, которые они стремились ликвидировать. Тем временем британцы приняли еще более жесткие меры, пытаясь подавить восстание. Все палестинские политические партии были объявлены вне закона, политические и общественные лидеры были арестованы, а ряд видных общественных деятелей высланы из страны. Военные аспекты борьбы с повстанцами усилились, и британские танки, самолеты и тяжелая артиллерия были размещены по всей Палестине [4].

Рассмотрев результаты работы комиссии Вудхеда, британское правительство решило изучить альтернативы разделу в качестве решения проблем в Палестине. С этой целью британцы созвали конференцию арабов и евреев для обсуждения возможных вариантов решения арабо-еврейского конфликта. На Сент-Джеймской конференции, также известной как Конференция круглого стола 1939 г., собрались арабские и еврейские делегации, каждая из которых имела свои внутренние разногласия [6].

Еврейскую сторону представлял глава Еврейского агентства Хаим Вейцман. Арабы возглавлялись муфтием Иерусалима Хаджем Амином аль-Хусейни. Помимо арабов Палестины, на конференцию приехали представители Египта, Ирака, Саудовской Аравии, Трансиордании и Йемена. С самого начала конференция была сопряжена с трудностями. Арабские делегаты отказались от прямых официальных встреч с еврейскими представителями, поскольку не признавали легитимность Еврейского агентства. В результате британцы были вынуждены вести переговоры с каждой делегацией в отдельности. Предложения британцев на конференции встретили сопротивление с обеих сторон. Так как соглашение не было достигнуто, британцы выработали собственную политику [3, с. 46].

Эти положения были официально изложены в Белой книге 1939 г., в которой предлагалось следующее: обязательство Великобритании перед еврейским национальным очагом были в основном выполнены; бессрочная массовая иммиграция евреев в Палестину и приобретение земли в Палестине противоречили бы обязательствам Великобритании перед палестинцами; в течение следующих пяти лет не более 75 000 евреев будут переселены в Израиль, им будет разрешен въезд в страну, после чего еврейская иммиграция будет осуществляться с согласия арабов; продажа земли была разрешена в определенных районах, но ограничена и запрещена в районах, где это угрожает интересам; независимое палестинское государство было бы создано через десять лет при условии благоприятных палестино-еврейских отношений [7].

Сионистское большинство отвергло Белую книгу, потому что она сигнализировала о конце способности Ишува спасти европейских евреев. 75 000 сертификатов не могли оказать большого влияния в условиях кризиса, который поставил под угрозу миллионы евреев в Европе. Белая книга устанавливала иммиграционные квоты, которые должны были действовать до 1944 г. Не будет преувеличением сказать, что новая иммиграционная политика ознаменовала новую главу в истории Ишува. Под руководством Давида Бен-Гуриона Ишув начал войну против Белой книги, поощряя нелегальную иммиграцию до и после Второй мировой войны [8, с. 209].

Таким образом, совместные военные и дипломатические усилия Великобритании привели к подавлению восстания в конце лета 1939 г. За три года восстания около 5000 палестинцев и 500 евреев были убиты, около 15 000 ранены. Палестинское руководство было изгнано, убито, заключено в тюрьму и настроено друг против друга. «Белая книга» стала фактическим отказом Великобритании от гарантий, предоставленных евреям во время Первой мировой войны. Документ, призванный урегулировать конфликт, лишь усугубил его, заложив основу для дальнейшей эскалации насилия и окончательного краха мандатной системы в 1947 г.

Литература:

1. Anglo-American Committee of Inquiry — Appendix IV // Yale Law School URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/angap04.asp (дата обращения: 15.04.2025).
2. Pappe I. A History of Modern Palestine. — Second edition. — New York: Cambridge University Press, 2006. — 386 p.
3. Самарская Л. М. Декларация Бальфура в контексте англо-сионистской дипломатии в период Первой мировой войны. — М.: ИВ РАН, 2016. — 84 с.
4. Great Palestinian Rebellion, 1936–1939 // Interactive encyclopedia of palestine question URL: <https://www.palquest.org/en/highlight/158/great-palestinian-rebellion-1936-1939> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Шандра А. В. «Белая книга» У. Черчилля и динамика арабо-еврейской конфронтации в Палестине в начале 1920-х годов // Мусульманский мир. — 2015. — № 1. — С. 34–42.
6. British White Paper of 1939 // Yale Law School URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/brwh1939.asp (дата обращения: 15.04.2025).
7. Hertzberg A. The Zionist Idea: A Historical Analysis and Reader. — Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1997. — 656 p.
8. Bell J. B. Terror Out of Zion: The Fight for Israeli Independence. — New York: St. Martin's Press, 1977. — 374 p.

Политика индустриализации и развитие военно-промышленного комплекса в СССР в 1930-х гг.: источники и историография

Камнев Борис Вячеславович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются источники и историография развития ВПК в СССР в 30-е годы. Анализируются различные типы источников, включая сборник архивных документов, научные статьи, монографии, которые освещают развитие ВПК СССР в 30-е годы. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию развития ВПК СССР в 30-е годы и подчеркивают необходимость дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: ВПК, СССР, источники, историография, индустриализация, военная экономика, научные исследования, исторический анализ.

Актуальность темы вызвана необходимостью глубокого изучения опыта развития отечественного военно-промышленного комплекса в прошлом. Отечественный ВПК, даже после распада СССР оставался важнейшим компонентом отечественной экономики, который воздействовал и продолжает воздействовать на военную безопасность страны. С ростом же международной напряженности, началом специальной военной операции на территории Украины, и без того важная роль в нашем государстве ВПК, тем более повысилась.

В современной российской историографии, посвященной советскому периоду, особое место занимает изучение Военно-промышленного комплекса. Исследования начались только в 1990-е гг. До этого времени значительная часть документальных комплексов органов управления ВПК закрыта для использования исследователя грифами «Особой важности», «Совершенно секретно», «Для служебного пользования». Первой серьезной работой в постсоветской России на тему ВПК СССР стала монография Н. С. Симонова вышедшая в 1996 году «Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление» [1]. Она заложила основу для дальнейших исследований.

Во второй половине 90-х началось исследование региональных военно-промышленных комплексов Ленинграда, Поволжья, Урала и Западной Сибири. Историографический интерес представляет вышедшая в 1999 году монография профессора А. Н. Щербы «Военная промышленность Ленинграда в 20–30-е годы» [2].

Одна из самых известных в России и за рубежом обобщающих работ по истории ВПК СССР, вышедших в 90-е годы — коллективная монография «Советская военная мощь. От Сталина до Горбачева» под редакцией А. В. Мишаева [3] вышедшая в 1999 году.

В 2005 году вышла коллективная монография «Отечественный военно-промышленный и его историческое развитие» под редакцией бывшего министра общего машиностроения СССР и секретаря ЦК КППС Олега Бакланова [4].

В 2006 году вышла монография И. В. Быстровой «Советский военно-промышленный комплекс: проблемы ста-

новления и развития (1930–1980-е)» [5]. В монографии проводится комплексное исследование экономических, социально-политических, личностных аспектов развития военно-промышленного комплекса СССР в 1930–1980-е годы.

В 2009 вышла монография Балыша А. Н. «Военно-промышленный комплекс СССР в 30–40-е гг. XX века. Промышленность боеприпасов» [6]. Монография посвящена истории развития в 30–40-е гг. XX века одной из ведущих отраслей оборонной промышленности СССР и выявлению влияния этого фактора на ход боевых действий в годы Великой Отечественной войны.

В 2019 году вышла монография уральского историка Н. Н. Мельников «Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны» [7]. В этой работе освещено также отдельно развитие танковой промышленности с 1927 по 1941 год, дается критическая оценка этого процесса, внимание акцентируется на негативных явлениях, просчетах и неудачных решениях становления танковой промышленности СССР в данный отрезок времени.

Также тематика развития ВПК СССР в 30-е годы привлекает и зарубежных исследователей. Одной из таких работ является вышедшая в 2001 году монография шведского историка Леннарта Самуэльсона «Красный колосс. Становление советского ВПК 1921–1941» [8]. В этой работе рассматриваются вопросы о влиянии военных интересов на оборонную ориентацию советской индустриализации, о том, насколько оборонная промышленность определила ход Великой Отечественной войны.

Также проблематика развития ВПК СССР в 30-е годы освещалась в многочисленных статьях такие как:

- статья Н.Ф. Банникова «О некоторых особенностях создания военного-промышленного комплекса в 30-е годы» [9] вышедшая в 2005 году,
- статья Щербаковой О. М. «Развитие военного промышленного комплекса СССР: Проблемы периодизации в Отечественной историографии» [10] вышедшая в 2017 году,
- статья Балыша А. Н. «Развитие взрывчатых веществ в СССР в 30-е годы и поставки по Ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны» [11], вышедшая в 2012 году,

– статья К. Д. Бугрова и В. В. Запария «Танкостроение в контексте военно-хозяйственной стратегии СССР 1930-х гг.». [12] вышедшая в 2019 году,

– статья В. В. Запария «Технико-экономические аспекты конструирования и производства танковой брони в СССР: 1930–1945 гг.». [13] вышедшая в 2022 году и т. д.

Изучение истории ВПК СССР в 30-е годы требует использования разнообразной источниковой базы, которая включает как первичные, так и вторичные открытые источники. Источниковую базу исследования будет составлять 5-томный сборник рассекреченных документов федеральных архивов под общим названием «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 гг.». [14].

Развитие ВПК в 30-е годы XX в., представляет собой важный объект для исследования, так как кроме того, как отмечалось выше, 30-е годы XX в. было время динамичного развития ВПК в Отечественной истории, развитый ВПК на момент 1941 года, был одним из важнейших факторов победы СССР над нацистской Германией и ее союзниками. Историографический анализ показал, что интерес к данной теме с момента начала 90-х не уменьшается, однако существует необходимость в система-

тизации и обобщении существующих исследований, а также в привлечении новых методологических подходов, так как источниковая база для данной темы стала доступна лишь недавно по историческим меркам и сам процесс рассекречивания документов по данной теме является сложным и до сих пор еще не все документы рассекречены.

Выводом работы является то, что изучение развития Советского ВПК в 30-е годы не только не теряет своей актуальности, а наоборот становится еще более значимым в условиях современного мира. Военно-промышленный комплекс СССР — многоаспектное явление, которое стало предметом изучения в конкретно-исторических и теоретических исследованиях. Приблизиться к пониманию такого феномена, каким был ВПК СССР, возможно лишь в процессе междисциплинарных обсуждений, где важен взгляд как историков, так и экономистов, философов, политологов, социологов. ВПК находится в сфере внимания широкого круга специалистов, среди которых историки занимают одно из ведущих мест, поскольку именно исторические исследования не только выявляют опыт прошлых лет, но и позволяют обозначить современные направления развития обороны страны.

Литература:

1. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
2. А. Н. Щерба «Военная промышленность Ленинграда в 20–30-е годы» М., 1999 г. 162 с.
3. А. В. Минаев «Советская военная мощь. От Сталина до Горбачева» под редакцией М., 1999 г., 624 с.
4. О. Д. Бакланов «Отечественный военно-промышленный и его историческое развитие»: Общество сохранения литературного наследия, 2005, 760 с.
5. Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.
6. Балыш А. Н. «Военно-промышленный комплекс СССР в 30–40-е гг. XX века. Промышленность боеприпасов»: М.: МАИ-ПРИНТ, 2009, 240 с.
7. Н. Н. Мельников «Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны» М., Яуза, 736 с.
8. Леннарт Самуэльсон «Красный колосс. Становление советского ВПК 1921–1941»
9. Н.Ф. Банникова «О некоторых особенностях создания военного-промышленного комплекса в 30-е годы» // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета, № 1, 2005 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-sozdaniya-voenno-promyshlennogo-kompleksa-v-sssr-v-tridtsatye-gody>
10. Щербакова О. М. «Развитие военного промышленного комплекса СССР: Проблемы периодизации в Отечественной историографии» // издательство Грамота № 12(86) Ч.5, С. 268–273, 2017 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-voenno-promyshlennogo-kompleksa-sssr-problemy-periodizatsii-v-otechestvennoy-istoriografii>
11. Балыш А. Н. «Развитие взрывчатых веществ в СССР в 30-е годы и поставки по Ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны» // Вестник РУДН № 4, 2012 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-proizvodstva-vzryvchatyh-veschestv-v-sssr-v-30-e-gg-hh-v-i-postavki-po-lend-lizu-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>
12. Бугров К. Д., Запарий В. В. Танкостроение в контексте военно-хозяйственной стратегии СССР 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 108–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tankostroenie-v-kontekste-voenno-hozyaystvennoy-strategii-sssr-1930-h-gg>
13. Запарий В. В. Технико-экономические аспекты конструирования и производства танковой брони в СССР: 1930–1945 гг. // Экономическая история. 2022. Т. 18, № 4. С. 300–309. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehniko-ekonomicheskie-aspekty-konstruirovaniya-i-proizvodstva-tankovoy-broni-v-sssr-1930-1945-gg>
14. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. в 6 т. / М-во обороны РФ, Федер. арх. Агентство. М.: Новый хронограф, 2004. — 832 с. ISBN 5–94881–037–2, ISBN 5–94881–031–3

ПСИХОЛОГИЯ

Анализ отношений в семьях участников СВО (на примере жён военнослужащих)

Александров Алексей Александрович, студент
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Блохина Оксана Леонидовна, студент
Московский психолого-социальный университет

Научный руководитель: Газизанова Гульфия Гадилевна, кандидат психологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

В статье авторы исследуют психологическое состояние жён участников боевых действий. Проводится оценка уровня психологического дистресса, выраженности посттравматических симптомов и характеристик семейного окружения у данной категории женщин.

Ключевые слова: жёны участников СВО, вторичная травматизация, посттравматическая адаптация семьи.

Современные военные столкновения порождают травматический опыт не только у тех, кто непосредственно сражается, — он затрагивает и близких людей военнослужащих. Члены семей, даже оставаясь вне зоны боевых действий, сталкиваются с серьёзным психологическим напряжением.

Жёны участников СВО подолгу живут в состоянии затяжного стресса: тревога за жизнь, неопределённость возвращения супруга. Развивающееся вследствие боевого стресса, ПТСР оказывает отрицательное влияние не только на психологическое состояние комбатантов, приводя к снижению эффективности ведения боевых действий, но и влечет за собой серьезные вторичные последствия для семьи военного (Караваева Т. А., Васильева А. В., Шойгу Ю. С., Радионов Д. С., 2023) [2]. Подтверждением тому служит увеличение числа разводов, случаев насилия со стороны комбатанта с ПТСР и жестокого обращения с детьми, которое наблюдается в семьях военнослужащих, страдающих от ПТСР (Melvin K. C., Gross D., Hayat M. J., Jennings B. M., Campbell J. C., 2012) [6].

При возвращении домой, перед семьёй встаёт новая сложность — необходимость адаптации к переменам в поведении супруга, вызванным пережитым боевым опытом. Нередко, такие изменения выражаются в холодности и эмоциональной закрытости, вспышках раздражения, замкнутости либо в проявлениях агрессии. Всё это может способствовать нарушениям внутрисемейных коммуникаций, и дестабилизации семейной системы.

Для изучения психологических особенностей жён участников СВО были использованы следующие методы исследования:

1. SCL-90-R (Опросник выраженности психопатологической симптоматики). Авторы: Derogatis L. R. (1973). Адаптация — Н. В. Тарабрина (2007). [4]. Назначение: Выявление актуального психологического состояния и степени дистресса у респондента.

2. Шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3). Авторы: Olson D. H., Portner J., Lavee Y. (1985). Адаптация — Э. Г. Эйдемиллер (2007). [5] Назначение: Изучение семейной структуры через два основных параметра — сплоченность (эмоциональная связь) и гибкость (способность меняться).

3. Методика «Рольевые ожидания и притязания в браке» (РОП). Автор: Волкова А. Н. (адаптация методики «Рольевые ожидания партнёра», 2004). [1]. Назначение: Исследование представлений супругов о значимости в семейной жизни тех или иных ролей и желаемого распределения ролей между мужем и женой.

4. Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС). Оригинал: Impact of Event Scale (IES-R), Weiss D. S., Marmar C. R. (1997). Адаптация: Н. В. Тарабрина (2007). [4]. Назначение: Измерение субъективного дистресса, связанного с конкретным травматическим событием (в данном случае — участие мужа в боевых действиях и его последствия для жены).

5. Шкала семейного окружения (ШСО / FES). Оригинал: Family Environment Scale, Moos R. H. (1974). Адап-

тация: С. Ю. Куприянов (2007) — вариант для России. [3]. Назначение: Диагностика социально-психологической атмосферы в семье: взаимоотношения, личностный рост и организационная структура.

Выборку исследования составили 45 женщин, из них 43 состоящих в официальном и 2 в фактическом браке (совместно проживают с мужем и ведут общее хозяйство) с участниками боевых действий СВО (ветеранами или действующими военнослужащими, принимавшими участие в боевых операциях). Формирование выборки осуществлялось с использованием онлайн-анкетирования, целевого обращения через социальные сети и организации ветеранов, что позволило привлечь респондентов из различных регионов, минимизировав влияние локальных социально-экономических факторов. В исследовании приняли участие женщины, проживающие в 7 городах и населенных пунктах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Луга, Тверь, Псков, Андреаполь). Возраст женщин от 19 до 52 лет (средний возраст — $33 \pm 9,5$ года) года. Из них от 18 до 25 лет — 9 женщин (20 %), от 26 до 35 лет — 19 женщин (42 %), от 36 до 45 лет -14 женщин (31 %), от 46 лет — 4 женщины (8 %). У

15 женщин (33 %) мужа являются ветеранами боевых действий, у 30 (67 %) — действующими военнослужащими. Данные по наличию у мужа боевого ранения показали, что у 16 женщин (36 %) мужа имеют физическую травму, полученную в ходе боевых действий, у 29 (64 %) — не имеют.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы **SPSS Statistics**. В работе применялись следующие методы:

- **описательная статистика** (расчет средних арифметических значений, стандартных отклонений, процентных распределений);
- **частотный анализ** (подсчет частот встречаемости градаций ответов по шкалам);
- **U-критерий Манна-Уитни** для сравнения двух независимых групп (с учетом отсутствия нормального распределения).

Статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$.

Результаты. Полученные данные по вопроснику выраженности психопатологической симптоматики представлены в таблице 1.

Таблица 1. Средние значения теста SCL-90

Шкалы	Норма по России	Полученные результаты
SOM (соматизация)	$0,44 \pm 0,03$	$1,28 \pm 0,5$
O-C (Обсессивность — компульсивность)	$0,75 \pm 0,04$	$1,6 \pm 0,5$
INT (Межличностная тревожность)	$0,66 \pm 0,03$	$1,34 \pm 0,6$
DEP (Депрессивность)	$0,62 \pm 0,04$	$1,58 \pm 0,4$
ANX (Тревожность)	$0,47 \pm 0,03$	$1,56 \pm 0,5$
HOS (Враждебность)	$0,60 \pm 0,04$	$1,45 \pm 0,5$
RHOV (Фобии)	$0,18 \pm 0,02$	$0,9 \pm 0,4$
PAR (Паранойяльность)	$0,54 \pm 0,04$	$1,44 \pm 1,0$
PSY (Психотизм)	$0,30 \pm 0,03$	$2,19 \pm 0,6$

Из таблицы 1 видно, что впо каждой из шкал, у испытуемых среднее значение значительно выше нормы. У испытуемых (SOM = $1,28 \pm 0,5$) процесс соматизации является одним из основных для переживания внутреннего напряжения. Регулярно возникающие телесные ощущения дискомфорта не получают однозначного медицинского объяснения и воспринимаются как часть повседневного соматического состояния. В мышлении выражены повторяющиеся, навязчиво возвращающиеся темы или образы, от которых трудно отвлечься (O-C = $1,6 \pm 0,5$). Также отмечается потребность в упорядочивании — многократной проверке, определённой последовательности действий или мысленных ритуалах, снижающих неопределённость. Общение даётся с трудом (INT = $1,34 \pm 0,6$): присутствует острое переживание того, как оценивают окружающие, ожидание критики или отвержения. Женщины могут избегать конфликтов или, наоборот, чрезмерно отслеживать реакции других, чувствуя себя уязвимыми. Фон настроения устойчиво снижен (DEP = $1,58 \pm 0,4$).

Утрачено прежнее ощущение лёгкости и интереса к тому, что раньше радовало. Присутствуют выраженные чувства безнадежности, бесперспективности, собственной неэффективности, а также общий упадок энергии. Женщины живут в состоянии постоянного внутреннего напряжения и беспокойства, которое не всегда связано с конкретной ситуацией (ANX= $1,56 \pm 0,5$). Отмечаются ощущения, что «вот-вот случится», «что-то плохое произойдет», а также присутствуют трудности с расслаблением и восстановлением. На фоне длительного напряжения периодически возникают вспышки раздражения, гнева или желания спорить. Эти реакции могут казаться самой женщине неожиданными или чрезмерными, но контролировать их трудно (HOS= $1,45 \pm 0,5$). Присутствуют отдельные устойчивые страхи, связанные прежде всего с угрозой безопасности близких или с внезапными изменениями обстоятельств (RHOV= $0,9 \pm 0,4$). В сравнении с другими шкалами эта выражена слабее, но всё же заметно отличается от того, что можно было бы ожидать в отсутствие особых нагрузок.

Присутствует повышенная настороженность к окружающим и обстоятельствам. Отмечается склонность видеть в поведении других людей скрытый смысл, ожидание недоброжелательности или того, что правду утаивают ($PAR = 1,44 \pm 1,0$). У женщин возникают необычные переживания, касающиеся восприятия реальности ($PSY = 2,19 \pm 0,6$): ощущение, что происходит что-то, чего не замечают другие, чувство отстранённости от происходящего, а также идеи, что мысли или события имеют особое отношение именно к этой женщине. Это не указывает на какой-то конкретный диагноз, но говорит о выраженной изменённости внутреннего опыта.

Показатель ШОВТС (58,4) отражает влияние вторичной травматизации — процесса, при котором женщины, непосредственно не находясь в зоне боевых действий, тем не менее приобретают устойчивые травматические переживания через близость к участнику событий. Постоянное ожидание тревожных новостей, прерывистый контакт, возвращение мужа с изменённой психикой, необходимость переживать его состояние и брать на себя дополнительные нагрузки — всё это формирует собственную травматическую реальность у жён участников боевых действий.

Вторичная травматизация в данном случае проявляется в том, что травма близкого человека становится неотъемлемой частью повседневной жизни женщины, и требует глубокого психического ресурса. Даже когда муж физически находится дома, эмоционально и психологически может оставаться в ситуации боевого опыта, то жена оказывается вовлечена в это переживание. Женщина живёт с ощущением нестабильности, с постоянным сканированием его состояния и внешней среды, с необходимостью быть готовой к ухудшению, что постоянно стимулирует ее тревожность, которая обслуживается за счет здоровой психической части и не всегда способна это переработать.

У жён участников боевых действий по результатам опросника FACES средние значения по шкале сплочённости составили $29,82 \pm 7,8$, что соответствует разобщённому типу семьи, и может являться ресурсной частью психики для обработки травматичного опыта супруга при непосредственном взаимодействии. А по шкале адаптации — $31,91 \pm 6,7$, что соответствует хаотичному типу семьи, что может являться объединяющим механизмом и ресурсной частью для воссоединения. Разобщённость проявляется в низком уровне эмоциональной близости между членами семьи, недостаточной поддержке и совместном времяпрепровождении, при этом каждый член семьи живёт преимущественно сам по себе. Таким образом, оберегая свою психоэмоциональную сферу и границы «Я». Хаотичность означает отсутствие чётких ролей, непредсказуемость в принятии решений, частые смены правил и дисциплины, что дает возможность внутреннего ресурса супруге для принятия гипотетически смертельного случая, а также слабую структурированность семейной жизни, оставляя право выбора на реабилитацию

истинных чувств и убеждений обоих супругов в принятии новой ревльности, где дальше совместный брак может стать невозможным. Сочетание Разобщённой и Хаотичной семьи расценивается как ведущие к нарушениям функционирования семейной системы, и, как следствие, ее разрушение, как ячейки общества. Возможно, это также следствие, рассматривать, как вторичную травматизацию жён участников СВО.

У жён участников боевых действий по методике «Рольные ожидания партнёра» (шкала ожидания общности интересов, потребностей и ценностных ориентаций) распределение оказалось следующим: низкий уровень зафиксирован у 64,4 % женщин (29 человек), средний — у 31,1 % (14 человек), высокий — только у 4,4 % (2 человека). Низкие оценки (менее 3 баллов) интерпретируются как установка на личную автономию, то есть женщина не стремится к слиянию с мужем и заранее создает психологическую защиту «буфер ресурсности», с помощью механизма вытеснения, в плане интересов и ценностей, предпочитая сохранять собственную идентичность. В контексте вторичной травматизации такое распределение может отражать психологическую защиту: на фоне хаотичной и разобщённой семейной системы женщины вынуждены полагаться преимущественно на себя по выученному сценарию, не ожидая от партнёра (травмированного участника боевых действий) совпадения потребностей и ценностных ориентиров. Лишь незначительная часть группы (4,4 %) сохраняет высокий запрос на ценностно-смысловое единство с мужем, что в условиях посттравматической реальности часто оказывается труднореализуемым и в случае летального исхода приводит к клинической депрессии.

Интимно-сексуальные ожидания умеренные, большинство испытуемых (51,1 %) указывают на средний уровень. Низкие ожидания от партнера (80 % женщин) в хозяйственно-бытовой сфере. Точно также и в родительско-воспитательной ориентации 80 % женщин имеют низкие ожидания от мужа в данном направлении быта. В данном случае, данные результаты можно обосновать долгим отсутствием партнера в связи с боевыми командировками. Следовательно, все бытовые и родительские функции ложатся на жену. Ориентация на себя становится вынужденной. Практически все семейные функции и сферу полностью переходят к женщине, что ведет к смещению внутреннего баланса «мужское-женское» по masculinному типу.

По шкале эмоционально-психотерапевтической стороны (ожидание того, что брачный партнёр возьмёт на себя роль эмоционального лидера) распределение оказалось следующим: низкий уровень зафиксирован у 75,6 % женщин (34 человека), средний — у 22,2 % (10 человек), высокий — только у 2,2 % (1 человек). Таким образом, подавляющее большинство жён участников боевых действий не ожидают от мужа эмоциональной поддержки, принятия решений в напряжённых ситуациях и создания психотерапевтической атмосферы в семье. Это также

можно обосновать длительным отсутствием партнёра, его собственным посттравматическим состоянием и сниженной эмоциональной доступностью. Следовательно, женщина вынуждена брать на себя не только хозяйственно-бытовые и родительские функции, но и роль эмоционального лидера в семье, не получая при этом ожидаемой поддержки со стороны мужа

По результатам методики ШСО у жён участников боевых действий зафиксированы следующие средние показатели. Сплочённость ($4,26 \pm 2,24$), экспрессивность ($4,88 \pm 1,65$), конфликт ($4,17 \pm 1,7$), независимость ($3,86 \pm 1,68$), ориентация на достижения ($4,22 \pm 1,83$), интеллектуально-культурная ориентация ($3,57 \pm 1,85$), мораль и нравственность ($4,55 \pm 1,74$) и организация ($4,46 \pm 1,4$) находятся в диапазоне среднего уровня. Пониженный уровень отмечен по двум шкалам: ориентация на активный отдых ($3,28 \pm 1,84$) и контроль ($3,17 \pm 1,4$). В контексте вторичной травматизации это означает следующее. Средний уровень сплочённости указывает на то, что женщины воспринимают семью как умеренно близкую, но не сверхсплочённую, наблюдается защитный механизм: «вытеснение», что отнимает психический ресурс и приводит к хронической усталости. Средний уровень конфликта говорит о наличии напряжённости, но без крайних форм открытых столкновений. Пониженный уровень ориентации на активный отдых отражает дефицит совместного досуга, развлечений и восстановления — что связано с хронической усталостью, отсутствием ресурса у обоих супругов

и общей истощённостью семейной системы. Пониженный уровень контроля (самый низкий показатель в профиле) свидетельствует о том, что в семье отсутствуют чёткие правила, иерархия и структура, каждый член семьи действует преимущественно сам по себе — что согласуется с ранее полученными данными по FACES (хаотичный тип адаптации и разобщённая семья). Таким образом, семейное окружение жён участников боевых действий характеризуется умеренной близостью при низкой предсказуемости и недостатке совместного восстановительного досуга.

Выводы:

1. У жён участников боевых действий зафиксирован выраженный уровень вторичной травматизации, проявляющийся на психологическом, семейно-ролевом и среднем уровнях.

2. Семейная система характеризуется разобщённостью и хаотичностью, пониженным контролем и дефицитом ориентации на активный отдых.

3. Ролевые ожидания от партнёра (во всех сферах, кроме интимно-сексуальной) снижены: женщины вынужденно берут на себя хозяйственно-бытовые, родительские, эмоционально-психотерапевтические и социальные функции.

Таким образом, уход мужа на СВО приводит к изменению глубокой семейной структуры, перераспределению ролей и устойчивому психоэмоциональному дистрессу, требующему отдельного психологического сопровождения женщин данной группы.

Литература:

1. Волкова А. Н. Методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП). В кн.: Крылов А. А., ред. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии» под редакцией А. А. Крылова (Л.: ЛГУ, 1990, страницы 201–212 URL: <https://djvu.online/file/lpmaCpYHmt8Tw>
2. Караваева Т. А., Васильева А. В., Шойгу Ю. С., Радионов Д. С. Профилактика развития пост-травматического стрессового расстройства у пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2023. No 2 (119). С. 86–95. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2023-2\(119\)-86-95](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2023-2(119)-86-95)
3. Куприянов С. Ю. Адаптация методики «Шкала семейного окружения» (FES) Р. Х. Муса. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 1985. URL: <https://kmc23.ru/press-center/psihologicheskaya-kopilka/850>
4. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер; 2007. 272 с. URL: https://mirppp.com/images/docs/Travma/Tarabrina_praktikum.pdf
5. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учебное пособие для системы послевузовского образования врачей. 3-е изд. СПб.: Речь; 2007. 341 с. URL: <https://sdo.mgaps.ru/books/K12/M11/p3/6.pdf>
6. Melvin, K. C., Gross, D., Hayat, M. J., Jennings, B. M., & Campbell, J. C. (2012). Couple functioning and post-traumatic stress symptoms in US Army couples: The role of resilience. *Research in Nursing & Health*, 35(2), 164–177. doi:10.1002/nur.21459

Особенности саморегуляции и эмоционального интеллекта в период ранней зрелости

Анохина Марианна Вадимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кирейчева Евгения Владимировна, кандидат психологических наук, доцент
Севастопольский экономико-гуманитарный институт, филиал Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

В данной статье представлен количественный и качественный анализ результатов исследования стиля саморегуляции поведения, эмоционального интеллекта волевой саморегуляции в период ранней зрелости. Недостаточная развитость данных конструктов может привести к профессиональному выгоранию и трудностям в установлении стабильных социальных связей.

Ключевые слова: саморегуляция, планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, самостоятельность, эмоциональный интеллект, волевая саморегуляция.

Characteristics of self-regulation and emotional intelligence in early adulthood

This article presents a quantitative and qualitative analysis of the results of a study of the style of self-regulation of behavior, emotional intelligence, and volitional self-regulation during the period of early maturity. Insufficient development of these constructs can lead to professional burnout and difficulties in establishing stable social connections.

Keywords: self-regulation, planning, modeling, programming, evaluation of results, flexibility, independence, emotional intelligence, and volitional self-regulation.

Постановка проблемы. Актуальность изучения саморегуляции и эмоционального интеллекта в период ранней зрелости обусловлена высокой значимостью этих конструктов для успешной адаптации и построения продуктивной жизнедеятельности в этот критический жизненный этап. Ранняя зрелость (примерно 20–35 лет) характеризуется активным освоением профессиональных ролей, формированием долгосрочных межличностных отношений и принятием ответственности за самостоятельное управление собственной жизнью. В этот период эффективность функционирования индивида напрямую зависит от способности адекватно управлять собственными эмоциональными состояниями и ресурсами (саморегуляция), а также от компетентности в декодировании и управлении эмоциями других людей (эмоциональный интеллект).

Исследование механизмов влияния саморегуляции на проявления эмоционального интеллекта в рамках данной возрастной когорты имеет существенное теоретическое и прикладное значение. Теоретически, установление доминирующего направления причинно-следственных связей позволит уточнить онтогенез зрелой личности и определить, какой из конструктов является более пластичным или же выступает в роли детерминанты другого в условиях меняющейся социальной среды. Практическая же значимость заключается в возможности разработки научно обоснованных программ тренингов для молодежи. Такие интервенции, нацеленные на повышение осознанной эмоциональной саморегуляции через развитие навыков эмоционального интеллекта, могут стать ключевым фактором повышения личностной устойчивости, качества принятия решений и общей успешности в профессиональной и личной сферах.

Изучению развития саморегуляции и эмоционального интеллекта в период ранней зрелости посвящено немало современных исследований: Боглаевская Т. В., Гордеева Ю. В., Филипович В. И., Шукшина Л. В. [1, 2, 3, 4].

Несмотря на существующие исследования, в виду практической значимости, изучение саморегуляции и эмоционального интеллекта в период ранней зрелости остается актуальным.

Цель статьи: качественный и количественный анализ результатов исследования саморегуляции и эмоционального интеллекта в период ранней зрелости.

Эмпирические методы исследования: тест «Многошкальный опросник Стиль саморегуляции поведения» (Автор: В. И. Моросанова (1998, 2004)), тест «Эмоциональный интеллект» (Н. Холл), опросник волевой саморегуляции (Авторы: А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман (1990)). Методы обработки экспериментальных данных: количественная и качественная обработка результатов исследования, графическое отображение данных, метод ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось в течение 2024–2026 г., на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал). Выборка представлена 54 респондентами, в возрасте от 20 до 35 лет.

Рассмотрим обобщенные результаты исследования. Данные по многошкальному опроснику «Стиль саморегуляции поведения» (автор: В. И. Моросанова (1998, 2004)), представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1. **Обобщенные результаты по многошкальному опроснику «Стиль саморегуляции поведения»**

Показатели саморегуляции	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Планирование	3	5,6	25	46,3	26	48,1
Моделирование	7	13,0	24	44,4	23	42,6
Программирование	6	11,1	27	50,0	21	38,9
Оценивание результатов	9	16,7	22	40,7	23	42,6
Гибкость	15	27,8	20	37,0	19	35,2
Самостоятельность	4	7,5	26	48,1	24	44,4

Анализ распределения по показателям саморегуляции позволяет оценить сильные стороны и дефицитарные области в способности испытуемых к целенаправленному управлению своим поведением.

Рассмотрим сферы выраженной саморегуляции, по которым получены высокие показатели. Планирование (48.1 % высокий уровень): почти половина выборки демонстрирует высокую способность к долгосрочному и детальному планированию деятельности. Эти испытуемые обладают развитым видением будущих результатов и умением структурировать свою деятельность до ее начала.

Самостоятельность (44.4 % высокий уровень): высокий уровень самостоятельности свидетельствует о том, что большинство испытуемых уверены в своих силах, принимают решения автономно и не нуждаются в постоянном внешнем контроле.

У 42,6 % респондентов высокий уровень моделирования: они хорошо представляют себе этапы достижения цели и предвидят возможные проблемы, что является важным компонентом предвосхищающей регуляции.

Рассмотрим показатели, в которых преобладает умеренная саморегуляция. Программирование (50.0 % средний уровень): половина выборки находится на среднем уровне программирования — способности к последовательному выполнению действий. Это означает, что хотя система регуляции функционирует, она может быть не всегда оптимальной или требовать некоторой внешней стимуляции для поддержания последовательности.

У 40,7 % респондентов средний уровень по шкале «Оценивание результатов», что говорит о том, что ис-

пытуемые в целом способны анализировать итоги своей работы, но значительный процент находится на низком уровне (16.7 %), что потенциально затрудняет своевременную коррекцию поведения.

Проанализируем показатели саморегуляции, которые попали в зону дефицита (низкий уровень). Гибкость (27.8 % низкий уровень): это наиболее выраженная зона риска. Более четверти выборки показывает низкий уровень гибкости. Это указывает на ригидность мышления, трудности с переключением с одной программы действий на другую, и, возможно, высокую уязвимость при столкновении с непредвиденными препятствиями.

Оценивание результатов (16.7 % низкий уровень): почти 17 % испытуемых испытывают сложности с адекватной и своевременной оценкой эффективности собственных действий, что замедляет процесс самокоррекции.

В целом, группа демонстрирует выраженные сильные стороны в инициировании деятельности (планирование, самостоятельность). Однако, наблюдается зависимость от начальных установок, что подтверждается самым высоким процентом низких баллов по шкале гибкости. Высокий уровень саморегуляции в данной выборке опирается на жесткость и последовательность, а не на адаптивность. Для повышения общей эффективности саморегуляции рекомендуется направленная работа над развитием гибкости и навыков переоценки текущей ситуации.

Рассмотрим обобщенные результаты исследования по тесту «Эмоциональный интеллект» (автор: Н. Холл), представлены в виде таблицы 2.

Таблица 2. **Обобщенные результаты по тесту «Эмоциональный интеллект» (автор Н. Холл)**

Показатели эмоционального интеллекта	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Эмоциональная осведомленность	12	22,2	21	38,9	21	38,9
Управление своими эмоциями	13	24,1	18	33,3	23	42,6
Самомотивация	12	22,2	19	35,2	23	42,6
Эмпатия	9	16,7	23	42,6	22	40,7
Управление эмоциями других людей	13	24,1	17	31,5	24	44,4

На основе представленных данных можно выделить следующие сферы, характеризующие уровень развития эмоционального интеллекта (ЭИ) в исследуемой выборке:

Рассмотрим показатели, которые оказались в сфере выраженного эмоционального интеллекта (преобладает высокий уровень). К данной сфере можно отнести ком-

поненты, где наибольший процент респондентов показал высокий уровень развития. Прежде всего, управление эмоциями других людей: 44.4 % участников достигли высокого уровня, что является самым высоким показателем среди всех шкал.

Это свидетельствует о том, что большинство респондентов обладают развитой способностью распознавать, понимать и влиять на эмоциональные состояния окружающих. 42.6 % респондентов показали высокий уровень самомотивации, что говорит о хорошей внутренней мотивированности, способности ставить цели. 42.60 % участников продемонстрировали высокий уровень управления эмоциями. Это указывает на то, что значительная часть выборки способна эффективно регулировать собственные эмоциональные состояния, справляться со стрессом и поддерживать эмоциональное равновесие.

Проанализируем сферу умеренного эмоционального интеллекта (преобладает средний уровень).

В эту сферу входят компоненты, где средний уровень развития является наиболее распространенным, либо где процент среднего и высокого уровня сопоставим, но средний является самым многочисленным.

У 42,6 % средний уровень развития эмпатии, т. е. испытуемые способны к сопереживанию другим людям, но существуют потенциал для углубления этой способности.

38,9 % респондентов показали средний уровень эмоциональной осведомленности, т. е. не всегда достигается полное понимание тонкостей и причин своих эмоций.

Проанализируем показатели эмоционального интеллекта, которые попали в зону дефицита, низкий уровень.

У 24,2 % респондентов низкие показатели по шкале «Управление своими эмоциями», т. е. они испытывают трудности с эффективным управлением своими эмоциями.

Управление эмоциями других людей: 24.1 % респондентов имеют низкий уровень. Наличие четверти выборки с низкими показателями говорит о том, что не все эффективно справляются с пониманием и регуляцией эмоций окружающих.

Эмоциональная осведомленность: 22.2 % респондентов находятся на низком уровне по данному показателю. Это означает, что примерно пятая часть выборки испытывает трудности с осознанием собственных эмоциональных состояний.

22.2 % респондентов показали низкий уровень самомотивации, что может указывать на проблемы с внутренней мотивацией у части выборки.

Эмпатия низкий уровень (16.7 %), что говорит о плохом, но потенциально развиваемом уровне способности к пониманию чувств других.

Исходя из анализа по сферам, можно заключить, что исследуемая выборка в целом демонстрирует хорошо развитый эмоциональный интеллект, особенно в части управления эмоциями окружающих, самомотивации и регуляции собственных эмоций. Эмпатия также находится на высоком уровне. Однако, эмоциональная осведомленность и, в меньшей степени, самомотивация и управление своими эмоциями выделяются как зоны, требующие внимания и потенциального развития, поскольку в них присутствует наибольшая доля респондентов с низкими показателями.

Обобщенные данные по опроснику волевой саморегуляции (авторы: А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман), представлены в виде таблицы 3.

Таблица 3. **Обобщенные результаты по опроснику волевой саморегуляции (авторы: А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман)**

шкала	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Индекс волевой саморегуляции	11	20,4	20	37,0	23	42,6
Настойчивость	13	24,1	20	37,0	21	38,9
Самообладание	10	18,5	24	44,4	20	37,0

Исходя из данных таблицы 3, можно выделить следующие сферы, характеризующие уровень развития исследуемых конструкторов.

Сфера выраженной саморегуляции (преобладает высокий уровень). К этой сфере относятся компоненты, где наибольший процент респондентов продемонстрировал высокий уровень развития.

У 37.0 % респондентов с высоким уровнем самообладания, и учитывая, что это самая «сильная» шкала по отсутствию низкого уровня, самообладание можно отнести к сфере выраженной саморегуляции. Это означает, что значительная часть выборки эффективно справляется с контролем своих эмоций и импульсов.

Индекс волевой саморегуляции: 42.6 % респондентов с высоким уровнем, это говорит о развитых у большин-

ства участников способностях к целеполаганию, планированию и преодолению препятствий.

Сфера умеренного развития (преобладает средний уровень). В этой сфере находятся компоненты, где средний уровень развития является наиболее многочисленным, либо где средний и высокий уровни близки, но средний немного превосходит.

Несмотря на наличие высокого уровня, средний уровень индекса волевой саморегуляции (37.0 %) также очень значим. Таким образом, можно сказать, что индекс волевой саморегуляции находится на стыке сферы выраженного и умеренного развития.

Настойчивость: здесь средний уровень (37.0 %) и высокий уровень (38.99) представлены почти поровну, при этом средний уровень является чуть более многочис-

ленным. Это означает, что большинство респондентов обладают умеренной или высокой настойчивостью, но есть потенциал для дальнейшего развития.

У 44.4 % средний уровень самообладания, в определенных ситуациях испытуемым сложно справиться со своими эмоциями.

Рассмотрим показатели, которые оказались в зоне дефицита (преобладает низкий уровень). Настойчивость: эта шкала демонстрирует наибольший процент респондентов с низким уровнем 24.1 %). Это означает, что около четверти выборки испытывают значительные трудности с упорством при столкновении с препятствиями.

У 20.4 % респондентов с низким уровнем волевой саморегуляции в целом (индекс волевой саморегуляции). Это указывает на то, что около пятой части выборки испытывает трудности с самоконтролем.

Настойчивость, хоть и имеет высокие показатели, также выделяется как зона, где наблюдается наибольшая доля респондентов с низким уровнем развития, что делает ее потенциальной “зоной дефицита” по сравнению с другими исследуемыми конструктами. Это указывает на необходимость уделять особое внимание развитию настойчивости в рамках программ, направленных на совершенствование волевой саморегуляции.

Выводы

На основании проведенного анализа данных по саморегуляции, эмоциональному интеллекту и волевой саморегуляции современной молодежи, можно сформулировать следующие общие проблемы исследуемой выборки.

Недостаточная гибкость и адаптивность в саморегуляции. Несмотря на выраженные сильные стороны

в инициировании деятельности, планировании и самостоятельности, выборка демонстрирует зависимость от начальных установок. Самый высокий процент низких баллов по шкале гибкости указывает на то, что высокий уровень саморегуляции в данной группе часто опирается на жесткость и последовательность, а не на способность к адаптации и переоценке ситуации.

Хотя эмоциональный интеллект в целом развит, эмоциональная осведомленность выделяется как область, требующая внимания. Значительная доля респондентов имеет низкие показатели по этой шкале, что указывает на недостаточную способность к распознаванию и пониманию собственных эмоций. Также, несмотря на высокий уровень управления эмоциями других и самомотивации, управление собственными эмоциями в меньшей степени, но все же является зоной, требующей развития, поскольку присутствует определенный процент низких показателей.

Недостаточная настойчивость и склонность к уступкам. Исследование выявило, что, несмотря на развитое самообладание и общий индекс волевой саморегуляции, настойчивость является областью, где наблюдается наибольшая доля респондентов с низким уровнем развития. Респонденты могут испытывать трудности при длительном следовании цели, особенно при столкновении с препятствиями. Таким образом, современная молодежь проявляет высокие показатели в планировании, самостоятельности и управлении эмоциями других людей. Однако существуют общие проблемы, связанные с недостаточной гибкостью, эмоциональной осведомленностью и настойчивостью.

Эти зоны дефицита указывают на необходимость разработки комплексной программы, направленной на развитие гибкости мышления, настойчивости.

Литература:

1. Боглаевская, Т. В. Связь эмоционального интеллекта и саморегуляции личности в студенчестве / Т. В. Боглаевская // Постулат. — 2021. — № S10–2(72). — EDN VCECIA.
2. Гордеева, Ю. В. Взаимосвязь саморегуляции и поведения в конфликте с эмоциональным интеллектом у студентов гуманитарных специальностей / Ю. В. Гордеева // Молодёжь третьего тысячелетия: Сборник научных статей, Омск, 08–30 апреля 2016 года. — Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2016. — С. 665–667. — EDN XFFEXT.
3. Филипович, В. И. Взаимосвязь саморегуляции поведения и эмоционального интеллекта у студентов-первокурсников медицинского университета / В. И. Филипович // Актуальные проблемы медицины: Сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции с международным участием. В 3-х томах, Гомель, 13 ноября 2024 года. Т. 3. Выпуск 25. — Гомель: Гомельский государственный медицинский университет, 2024. — С. 201–204. — EDN FUNGTM.
4. Шукшина, Л. В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и саморегуляции у современной молодежи / Л. В. Шукшина // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2022. — Т. 11, № 1–1. — С. 217–225. — DOI 10.34670/AR.2022.66.44.025. — EDN TBJEZX.

Роль образа родителя в формировании структуры Я-образа у молодежи с перфекционистской установкой

Бурцева Елена Валерьевна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

В статье представлен теоретический анализ роли интериоризованных представлений о родителях на формирование структуры Я-образа у молодежи с перфекционистской установкой. Перфекционизм рассматривается как многомерный конструкт, включающий как адаптивные, так и дезадаптивные компоненты; социально предписанный перфекционизм связывается с зависимостью самооценки от внешней оценки и самокритикой [3] [5]. В работе разводятся понятия «Я-образ» (конкретные самопредставления) и «Я-концепция» (система когнитивных стандартов самооценивания) [1] [2]. На основе обобщения отечественных и зарубежных исследований показано, что воспринимаемые родительские ожидания и критика связаны с усилением перфекционистских тенденций [7] [8], однако остается недостаточно ясно, как именно образ родителя становится частью личных когнитивных стандартов и отражается в структуре Я-образа у молодежи. Обосновывается целесообразность качественного подхода (глубинное интервью с элементами нарратива) для выявления субъективных механизмов интериоризации требований и связи образа родителя с Я-концепцией молодежи с перфекционистской установкой.

Ключевые слова: перфекционизм, социально предписанный перфекционизм, Я-образ, Я-концепция, образ родителя, родительские ожидания, родительская критика, самокритика, стандарты самооценивания, молодежь.

The role of the parental image in shaping the structure of the self-image among young people with a perfectionist mindset

The article presents a theoretical analysis of the role of internalized ideas about parents on the formation of the structure of the self-image in young people with a perfectionistic attitude. Perfectionism is examined as a multidimensional construct comprising both adaptive and maladaptive components; socially prescribed perfectionism is associated with dependence of self-evaluation on external appraisal and self-criticism [3] [5]. The paper distinguishes self-image (concrete self-representations) from self-concept (system of cognitive self-evaluation standards) [1] [2]. Based on a synthesis of Russian and international research, the paper demonstrates that perceived parental expectations and criticism are linked to heightened perfectionistic tendencies [7] [8]; however, the mechanisms through which parental image becomes integrated into personal cognitive standards and reflected in self-image structure among youth remain insufficiently clarified. The paper argues for the value of qualitative methods (in-depth narrative interviews) to identify subjective mechanisms of internalization of demands and the relationship between parental image and self-concept in young people with perfectionistic attitudes.

Keywords: perfectionism, socially prescribed perfectionism, self-image, self-concept, parental image, parental expectations, parental criticism, self-criticism, self-evaluation standards, youth.

Введение

Перфекционизм в молодежной среде рассматривается психологией как многомерный конструкт, содержащий как потенциально адаптивные, так и дезадаптивные компоненты [4]. В подростковом и молодом взрослом возрасте дезадаптивные формы перфекционизма связываются с повышенной самокритикой, чувством несоответствия и зависимостью самооценки от внешней оценки [6]. На социально-психологическом уровне это делает перфекционизм актуальной темой исследования в контексте образовательной среды, конкурентного давления и ожиданий значимых других [8].

Одним из недостаточно прояснённых вопросов остаётся механизм, посредством которого семейный опыт и воспринимаемые ожидания значимых взрослых трансформируются во внутренние стандарты самооценивания и влияет на структуру Я-образа. Теория самосознания подчеркивает, что ранние отношения с родителями посте-

пенно становятся внутренними образцами и критериями самооценки [2] [6]. Однако в молодежных выборках по-прежнему требуется более конкретное описание того, как образ родителя как внутренняя репрезентация соотносится с когнитивными компонентами Я-концепции и проявляется в содержании Я-образа.

Цель статьи — опираясь на современные модели перфекционизма и исследования семейных факторов теоретически проанализировать механизмы, посредством которых образ родителя включается в когнитивные стандарты Я-концепции и связывается с формированием перфекционистских установок у молодежи.

Я-образ и Я-концепция как система самопредставлений

Понимание Я-образа и Я-концепции задаёт рамку анализа стандартов и самооценивания. Я-образ — это доступные переживанию и рефлексии конкретные само-

представления: «какой я», «каким должен быть», «каким меня видят» [2].

Я-концепция — более широкая и устойчиво организованная система самопонимания, включающая нормы, ценности, атрибуции успеха и неудачи, а также когнитивные правила самооценивания [2]. Через когнитивные компоненты Я-концепции на уровне психологической регуляции социальный опыт (в том числе семейный) оформляется в устойчивые внутренние критерии и требования к себе [2]. Именно когнитивные компоненты Я-концепции (внутренние стандарты, критерии достаточности, правила интерпретации результатов) образуют переходное звено между социальным опытом и проявлениями перфекционизма [2]. В молодежном возрасте происходит активное формирование и переопределение этих компонентов под влиянием расширяющегося социального контекста. Вместе с тем семейный опыт остаётся значимым источником стандартов [2] [6]. Образ родителя в этой логике рассматривается не только как воспоминание о конкретных событиях, но и как внутренняя репрезентация «источника норм и критериев» — того, через что закрепляются представления о том, что считается успехом, ошибкой, поводом для принятия или осуждения [2]. Эти критерии могут складываться под влиянием культуры достижений и образовательной среды, а также через семейные нормы, практики сравнения и оценивания [8].

Перфекционизм как многомерный конструкт

Современные теоретические модели описывают перфекционизм как многомерное явление, включающее стремление к высоким стандартам наряду с уязвимостью перед ошибками, чрезмерной озабоченностью критикой и жёсткими критериями достаточности [4] [5]. Принципиально различаются адаптивные проявления (высокие, но гибкие стандарты, позволяющие обучаться на ошибках) и дезадаптивные (жёсткие стандарты, страх оценки, генерализация единичной неудачи на личность в целом) [5] [7].

Социально предписанный перфекционизм, при котором стандарты переживаются как заданные извне и требующие постоянного подтверждения соответствия, особенно тесно связывается с самокритикой и эмоциональным неблагополучием [4] [9]. На уровне Я-образа это может выражаться в доминировании идеального образа над реальным и в организации самопредставлений через оценочные категории («правильно/неправильно», «достаточно/недостаточно»). На уровне Я-концепции это поддерживается когнитивными правилами «ошибка равна провалу», «результат должен быть безупречным», «моя ценность зависит от оценки» [2].

Семейные факторы: родительские ожидания и критика

Современные исследования показывают, что воспринимаемые родительские ожидания и критика связаны с усилением перфекционистских тенденций у детей и подростков, включая социально предписанный компонент

[9]. Мета-аналитические обобщения подтверждают, что родительский перфекционизм связан с показателями психического здоровья у детей (уровнем эмоционального дистресса и показателями благополучия) [11]. Эти данные значимы, поскольку показывают, что перфекционизм формируется не только как стабильная личностная черта, но как результат интериоризации требований и ожиданий значимых взрослых [9] [11].

В отечественной клиникопсихологической традиции показано, что перфекционистские установки связаны с тревожнодепрессивной симптоматикой, особенно когда доминируют озабоченность ошибками, сомнения в действиях и зависимость самооценки от внешней оценки; поэтому важно анализировать не только «высоту стандартов», но и правила самооценивания и переживание ошибки [3].

Отечественные исследования указывают, что родительский перфекционизм и ориентация на достижения могут становиться мотивационной основой воспитания, задавая специфическую систему критериев успеха и допустимости ошибок [1]. На уровне психологической реальности молодого человека семейное влияние фиксируется как в отдельных воспоминаниях, так и в целостном образе родителя — представлении о том, как родитель оценивает, чего ожидает, что считает нормой, как относится к ошибкам [2]. Такой образ может функционировать как внутренний оценщик, влияющий на структуру Я-образа и стиль самоотношения [2]. В этой связи представляется продуктивным различать деструктивный перфекционизм и ориентацию на высокий, но реалистичный уровень качества. В модели *excellencism/perfectionism* P. Gaudreau (Патрик Годро) и соавторов предлагается разводить «погоню за совершенством» и «погоню за превосходным результатом», показывая, что стремление к отличному выполнению задач не обязательно связано с самокритикой и эмоциональным неблагополучием [10].

Степень научной разработанности проблемы

Несмотря на достаточное количество работ о связи родительских ожиданий и критики с перфекционизмом, имеется ряд вопросов, которые остаются нерешёнными. Во-первых, недостаточно раскрыто, какие компоненты образа родителя (эмоциональные, когнитивные, поведенческие аспекты) оказываются психологически встроенными в стандарты самооценивания молодежи и становятся источником самокритики [9]. Во-вторых, требуется более тонкое описание того, как Я-образ организуется вокруг перфекционистских критериев: какие ситуации запускают самосравнение, какие «голоса» или ожидания обнаруживаются во внутреннем диалоге, какие сценарии переживания ошибок типичны [2]. В-третьих, необходима разработка методических подходов, позволяющих исследовать субъективные механизмы интериоризации (самообъяснение, нарративное конструирование, специфику переживания требований) [2].

Полуструктурированное интервью с включением свободных самоописаний респондентов помогло бы выявить

индивидуальную логику формирования перфекционистских установок. Такой подход позволяет обсуждать перфекционизм как жизненную историю стандартов: когда появилось «нужно», кто был источником оценки, какое объяснение дает молодой человек успеху и неудаче, как это связано с представлением о родителях и о себе [2]. Результаты могут уточнить какие компоненты образа родителя и Я-образа встречаются в нарративах молодежи и подготовить основание для дальнейшего исследования.

Заключение

Перфекционистские установки у молодежи целесообразно рассматривать как результат взаимодействия

семейного опыта, воспринимаемых требований и развивающихся компонентов Я-концепции и Я-образа. Воспринимаемые родительские ожидания и критика связаны с усилением перфекционистских тенденций, что подтверждается современными данными [9] [11]. Образ родителя как внутренняя репрезентация оказывает влияние на когнитивные стандарты самооценивания и способ переживания ошибок [2]. Недостаточная изученность психологических механизмов интериоризации определяет необходимость качественного исследования с использованием нарративных методов для изучения субъективного опыта молодежи с перфекционистской установкой, то, как они интерпретируют завышенные требования, воспринимают родителей и формируют образ себя [2].

Литература:

1. Андреева, А. Д. Родительский перфекционизм как мотивационная основа воспитания и образования детей / А. Д. Андреева. — Текст: непосредственный // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2015. — Т. 8, № 1. — С. 40–48.
2. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. — Москва: Прогресс, 1986. — 420 с. — Текст: непосредственный.
3. Гаранян, Н. Г. Перфекционизм, депрессия и тревога / Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева. — Текст: непосредственный // Московский психотерапевтический журнал. — 2001. — № 4. — С. 18–48.
4. Гаранян, Н. Г. Психологические модели перфекционизма / Н. Г. Гаранян. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 2009. — № 5. — С. 74–83.
5. Гаранян, Н. Г. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии / Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева. — Текст: непосредственный // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. — Т. 26, № 3. — С. 8–32.
6. Кон, И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание / И. С. Кон. — Москва: Политиздат, 1984. — 225 с. — Текст: непосредственный.
7. Ларских, М. В. Когнитивные критерии конструктивного и деструктивного перфекционизма студента / М. В. Ларских, И. В. Пятаева. — Текст: непосредственный // Психологические исследования. — 2014. — Т. 7, № 38. — С. 11. URL: psystudy.ru (дата обращения: 30.07.2026). — Текст: электронный.
8. Филясова, Ю. А. Перфекционизм как тип социального поведения личности / Ю. А. Филясова. — Текст: непосредственный // Социология. — 2021. — № 1. — С. 46–55.
9. Curran, T. Young People's Perceptions of Their Parents' Expectations and Criticism Are Increasing Over Time: Implications for Perfectionism / T. Curran, A. P. Hill. — Text: immediate // Psychological Bulletin. — 2022. — Vol. 148, № 1–2. — P. 107–128.
10. Gaudreau, P. Because excellencism is more than good enough: On the need to distinguish the pursuit of excellence from the pursuit of perfection / P. Gaudreau, B. J. I. Schellenberg, A. Gareau [et al.]. — Text: immediate // Journal of Personality and Social Psychology. — 2022. — Vol. 122, № 6. — P. 1111–1136.
11. Lilley, C. A meta-analysis of parental multidimensional perfectionism and child psychological outcomes / C. Lilley, F. M. Sirois, G. Rowse. — Text: immediate // Personality and Individual Differences. — 2020. — Vol. 162. — Art. 110015.

Влияние родительского воспитания на формирование токсичной тревожности: от детских симптомов к взрослым дезадаптациям

Мальцева Мария Юрьевна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

В статье тревожность рассматривается не как однозначно патологическое состояние, а как базовая витальная эмоция, обеспечивающая выживание и мобилизацию. Прослеживается момент, когда нормальный «градус» тревоги переходит в разрушительную форму, парализующую деятельность и деформирующую личность. Основной фокус направлен на анализ родительских стилей воспитания, выступающих предикторами токсичной тревожности. Особое внимание уделяется «немому языку» детской тревоги — поведенческим маскам, за которыми ребенок прячет непереносимое напряжение, путая импульсы и совершая парадоксальные для взрослого действия. Затрагиваются пути коррекции уже допущенных нарушений в диаде «родитель — ребенок» и их отдаленные последствия во взрослом возрасте.

Ключевые слова: тревожность, родительское воспитание, стили привязанности, детская тревога, поведенческие маски, токсическая тревога, дезадаптация.

The influence of parenting on the formation of toxic anxiety: from childhood symptoms to adult maladaptations

The article considers anxiety not as a definitively pathological condition, but as a basic vital emotion that ensures survival and mobilization. The author traces the moment when the normal “degree” of anxiety transforms into a destructive form that paralyzes activity and deforms personality. The main focus is on the analysis of parenting styles that act as predictors of toxic anxiety. Special attention is paid to the “silent language” of children’s anxiety — the behavioral masks behind which a child hides unbearable tension, confusing impulses and performing actions that seem paradoxical to adults. The article also touches upon ways to correct already existing violations in the “parent-child” dyad and their long-term consequences in adulthood.

Keywords: anxiety, parenting, attachment styles, childhood anxiety, behavioral masks, toxic anxiety, maladaptation.

Введение

Вряд ли кто-то станет спорить с утверждением, что тревога — это базовая, вшитая в нашу биологию сигнализация. Это чувство дано нам не для мучений, а для того, чтобы мы действовали, выживали и сохраняли бдительность во внешнем мире. Это тот самый внутренний мотор, который заставляет студента готовиться к экзамену, а пешехода — оглянуться по сторонам перед переходом дороги. Проблема начинается тогда, когда градус этой тревоги зашкаливает настолько, что вместо мобилизации наступает паралич. Из помощника она превращается в тирана: перестает быть топливом для активности и становится тормозом любой деятельности и проявления личности. Это уже не просто тревога, а её токсичная форма, разъедающая психику.

Я часто задаюсь вопросом: где находится та самая точка невозврата, в которой нормальная ориентировочная реакция превращается в деструктивную патологию? Огромный пласт современных исследований указывает на семейную систему. Однако хочется копнуть глубже — не просто констатировать связь «плохого» воспитания и высокого уровня тревоги, а понять сам механизм: какие именно стили восприятия ребенка родителем взвинчивают этот внутренний градус до критических отметок? Как выглядит эта тревога у ребенка, который в силу возраста не способенотрефлексировать свои чув-

ства, путает импульсы и выдает такое поведение, которое мы, взрослые, часто трактуем превратно? И наконец, что делать, когда нарушения во взаимодействии уже допущены, а ребенок уже дрожит от этого невидимого напряжения?

Основная часть

1. Природа тревоги

В клинической психологии тревогу принято разделять на нормальную (ситуативную, мобилизующую) и патологическую (генерализованную, фоновую). Ч. Спилбергер ввел дихотомию «тревога как состояние» и «тревожность как личностная черта». Для нас принципиально важно, что личностная тревожность не возникает из ниоткуда — это закрепившаяся привычка нервной системы реагировать на нейтральные стимулы как на угрожающие. Можно сказать, что внутренний «градусник» ломается: планка нормы смещается, и организм начинает жить в режиме хронической боевой готовности. И вот тут парадокс: то, что должно помогать выживать, начинает это выживание затруднять. Тревога становится разрушительной именно тогда, когда вместо конкретного действия «бей или беги» она провоцирует хаотичную активность, суету или, наоборот, ступор. Личность перестает проявляться, уступая место защитным автоматизмам.

2. Родительские стили как «настройщики» внутреннего градуса

Итак, какой же тип родительского восприятия и взаимодействия «калибрует» тревогу ребенка до токсичного уровня? Анализируя модели Д. Баумринд и теории привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт, можно выделить три наиболее деструктивных паттерна.

Первый — противоречивый, тревожно-амбивалентный стиль. Это ситуация, когда родитель то чрезмерно эмоционально близок, то холоден и отвергающ. Ребенок не может выстроить предсказуемую картину мира. Он не понимает, по каким правилам сегодня играет мама: обнимет она его за разлитый суп или закатит скандал с игнорированием на три дня. В такой среде психика ребенка похожа на оголенный провод. Мир становится непредсказуемым, а значит — тотально опасным. Тревога здесь не фокусируется на чем-то одном, она разливается фоном: «я все время не в порядке, но не знаю, что именно делаю не так». Ребенок учится сканировать настроение взрослого, становясь гиперчувствительным и крайне тревожным, потому что выживание зависит от угадывания эмоций.

Второй — симбиотическая гиперопека. Здесь родитель транслирует ребенку послание: «Мир ужасен, справиться с ним можешь только через меня». Тревога родителя, часто неосознаваемая, вливается в ребенка, как через воронку. Любая попытка сепарации или спонтанной активности пресекается страхом: «не бегай — упадешь», «не дружи с ними — они тебя обманут». При таком стиле воспитания градус тревоги повышается через запрет на собственный опыт. Личность не учится справляться с фрустрацией, у ребенка не формируется чувство самоэффективности. Вырастая, такой человек действительно испытывает ужас перед жизнью, потому что не верит, что его собственные ноги способны удержать его на земле.

Третий — эмоционально-отвергающий стиль (или «холодный контроль»). Это жесткая критика, чрезмерные требования и игнорирование эмоций: «Не реви, ты же мужик», «Четверка — это не оценка». Здесь тревога рождается из страха оценки и потери любви. Ребенок не имеет права на ошибку, а значит, любое проявление спонтанности потенциально ведет к катастрофе — отвержению. Такой ребенок рано учится подавлять «неудобные» чувства, но подавленная тревога никуда не уходит — она соматизируется или маскируется защитными ритуалами. Это тот самый случай, когда токсичная тревога становится двигателем, но двигателем, работающим на износ.

3. Немой язык тревоги: что на самом деле показывает ребенок

Самый сложный момент в детской клинической психологии — это диагностика. Ребенок, особенно дошкольного или младшего школьного возраста, часто не понимает своих чувств. Он не скажет: «Мама, у меня повышенный уровень личностной тревожности». Он путает импульсы.

Его мозг ищет способ сбросить невыносимое напряжение, и эти действия, созданные им для самоуспокоения, выглядят для нас, взрослых, абсолютно иначе.

Мы видим гиперактивного хулигана, который носится по классу и сшибает стулья, а на самом деле это разрядка хаотической тревоги. Мы видим агрессию (кусаются, дерется) — а это может быть отчаянной попыткой отодвинуть от себя страшный объект, а не злобой. Мы видим грызущие ногти, выдирание волос (трихотилломанию), сосание пальца в школьном возрасте — и это не «вредные привычки», а телесные способы заглушить внутреннюю вибрацию, когда психика не справляется. Замирание, отказ от речи (мутизм) или, наоборот, навязчивая болтовня — это тоже маски одной и той же проблемы: градус тревоги поднялся так высоко, что ребенок задействует примитивные механизмы, лишь бы не соприкоснуться с реальностью, которая ощущается им как угроза.

Мы, взрослые, часто боремся с подобным поведением, не замечая, что этим отбираем у ребенка спасательный круг. Не умея плавать в океане собственных эмоций, ребенок хватается за эти ритуалы. И если насильно вырвать из рук этот круг, не обучив плаванию, уровень тревоги подскочит до критических отметок, что может вылиться в тяжелые панические атаки или тяжелые соматические заболевания уже в детстве.

4. Отсроченные последствия

Когда нарушения в детско-родительском взаимодействии уже допущены и закреплены, личность во взрослом возрасте использует выученные в детстве стратегии. Что происходит с человеком, чей «базовый градус» с детства был перегрет?

В первую очередь, это искажение самоидентификации и диффузная идентичность. Человек не понимает, где заканчивается его истинное Я и начинается тревога. Он строит жизнь не из желания «Я хочу», а из страха «как бы чего не вышло». Мы получаем классический портрет невротической личности: тотальный перфекционизм, прокрастинацию (потому что браться за дело слишком страшно — вдруг результат не будет идеален), трудности в построении близких отношений. Такие взрослые либо впадают в созависимость (повторяя модель тревожной привязанности), либо выбирают контрзависимость — «мне никто не нужен», потому что близость в детстве приносила лишь боль и отвержение.

Токсичная тревога, вынесенная из детства, разрушает способность к игре и творчеству. Ведь любое спонтанное проявление когда-то было наказуемо или опасно. Такой взрослый может быть социально успешным, но внутренне опустошенным и замороженным. Тревога больше не ведет его к выживанию, она ведет к избеганию самой жизни. Любое новое дело воспринимается не как интересный вызов, а как потенциальная угроза, отсюда выученная беспомощность и депрессивные эпизоды.

5. Что делать, когда нарушения уже допущены: фокусы коррекции

Самое страшное для родителей — узнать, что, желая «как лучше», они взрастили в ребенке разрушительную силу. Но если рассматривать тревогу как градусник, его показания можно и нужно менять. Что же делать, когда во взаимодействии «родитель — ребенок» уже пошла трещина?

Во-первых, необходимо сместить фокус с борьбы с поведением на распознавание чувства. Если ребенок проявляет «маски» тревоги (агрессию, гиперактивность, ритуалы), задача взрослого — не запретить, а вербализовать истинную эмоцию. Фразы «Мне кажется, ты сейчас очень волнуешься, давай подышим вместе» работают терапевтичнее, чем «Успокойся немедленно!». Мы должны стать для ребенка переводчиком с языка тела на язык эмоций.

Во-вторых, нужна работа с «контейнированием» (термин У. Биона). Родитель должен научиться выдерживать сильные эмоции ребенка, не разрушаясь сам. Если ребенок истерит от страха, взрослый не заражается этим страхом и не отвергает ребенка, а спокойно присутствует рядом, обозначая: «Ты имеешь право бояться, я рядом, и мир не рухнет». Именно в этот момент градус тревоги начинает снижаться. Ребенок получает опыт, что пугающий импульс можно пережить, он не убьет ни его, ни любовь родителя.

В-третьих, критически важно предсказуемое и прозрачное окружение. Если тревога возникла из-за проти-

воречивого стиля воспитания, необходимо внедрять ритуалы и правила, которые не меняются в зависимости от настроения мамы. Это снижает когнитивный диссонанс и дает почву под ногами. И наконец, если уровень токсичности достиг невротического или соматоформного уровня, необходима психотерапия (семейная или детская когнитивно-поведенческая), где ребенок в безопасной обстановке сможет встретиться со своими пугающими импульсами и перестать путать их с реальной катастрофой.

Выводы

Тревога — это не враг, это наш древний союзник, данный для выживания и активности. Однако этот союзник может поднять мятеж, если в детстве его «датчики» были насильно откалиброваны дисфункциональным воспитанием. Противоречивость, гиперопека и холодное отвержение со стороны значимых взрослых взвинчивают внутренний градус до такой степени, что тревога перестает помогать и начинает парализовать личность. У ребенка нет слов, чтобы описать этот ужас, и тогда его тело и поведение начинают говорить на языке симптомов — суе, агрессии, навязчивостях и ступоре. Понимание этих «шифров» взрослыми — первый шаг к исцелению. Исправить уже допущенные ошибки непросто, но возможно, если перестать бороться с «неправильным поведением» и начать контейнировать эмоции ребенка, возвращая ему ощущение безопасности.

Литература:

1. Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. — М.: Академический проект, 2004. — 232 с.
2. Кляйн, М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. — СПб.: Б. С. К., 1997. — 320 с.
3. Прихожан, А. М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. — СПб.: Питер, 2007. — 192 с.
4. Спилбергер, Ч. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Тревога и тревожность / под ред. В. М. Астапова. — СПб.: Питер, 2001. — С. 88–103.
5. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. — СПб.: Питер, 2008. — 672 с.
6. Авдеева Н. Н., Берсенёва А. А. Взаимосвязь стиля родительского воспитания и тревожности у детей старшего дошкольного возраста // Психолого-педагогические исследования. — 2024. — Т. 16, № 1. — С. 58–72. [Электронный ресурс]. URL: https://psyedu.ru/2024/n1/Avdeeva_Berseneva.shtml (дата обращения: 08.08.2026).
7. Васильева Е. Н., Щербаков А. В. Детско-родительские отношения как фактор формирования личностной тревожности у подростков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2023. — № 2. — С. 145–163.
8. Холмогорова А. Б., Воликова С. В. Эмоциональные дефициты и их связь с тревожными расстройствами у взрослых, переживших эмоциональное насилие в детстве // Консультативная психология и психотерапия. — 2024. — Т. 32, № 3. — С. 78–97.

Цифровая трансформация образования через призму психологической науки

Одинцева Полина Михайловна, педагог-психолог

ГБУ Пермского края «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» (г. Пермь)

В статье рассматривается феномен цифровой трансформации образования через призму психологической науки. Анализируются изменения в когнитивной, эмоционально-волевой и личностной сферах участников образовательного процесса. Технологии с одной стороны способствуют персонализации обучения и развитию новых навыков, с другой —

порождают риски клипового мышления, цифрового истощения и дефицита живого общения. Возникает проблема несоответствия методов обучения изменившемуся способу познания и социализации цифрового ребенка.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, цифровая личность, эмоциональный интеллект, коммуникация.

В цифровом обществе параллельно со всеобщей цифровизацией происходит формирование личности ребенка, который практически с первого момента своего рождения погружается в цифровое пространство и проживает цифровое детство. Становясь старше, дети не ощущают свою жизнь комфортной и не представляют ее полноценной без цифрового поля, так как, в отличие от старшего поколения, они никогда не существовали без него. Поэтому в наши дни, наблюдая за поведенческими и личностными особенностями современных обучающихся, психологи образовательных учреждений в отношении обучающихся все чаще и чаще используют понятие «цифровая личность» [3]. В связи с этим появляется проблема - мы пытаемся учить детей по-старому, но они уже другие.

Цифровизация изменила не только инструменты — планшеты, платформы, электронные дневники. Она изменила способ познания мира и социализацию современных детей и подростков.

Возникло фатальное расхождение. С одной стороны — методы обучения: линейные, вербальные, монологичные. С другой — психика «цифрового ребенка»: клиповое восприятие, визуальное мышление, сетевая коммуникация. Это не педагогическая проблема. Это психологический разрыв. И пока мы его игнорируем, образование теряет эффективность, а дети — мотивацию и психологическое благополучие.

Что значит «изменился способ познания»? Первое: память. Раньше нужно было запоминать, потому что информацию было негде хранить. Сегодня ребенок знает не факты, а где их найти. Память перестала быть хранилищем — она стала навигатором. Второе: внимание. Линейное, длительное удержание внимания сменяется динамическим переключением. Ребенок способен удерживать фокус на коротких интервалах, но быстро истощается при монотонной нагрузке. Третье: мышление. Вместо выстраивания длинных логических цепочек — клиповое мышление. Быстрая смена фрагментов, гиперссылки вместо линейного развертывания мысли.

При этом наша образовательная система продолжает требовать:

- 40 минут удержания внимания на одном предмете,
- линейного чтения сложных текстов,
- устных ответов в монологичной форме.

Мы оцениваем ребенка по критериям, к которым его психика уже не адаптирована.

Также у цифрового ребенка изменился процесс социализации. Цифровая социализация — это коммуникация через экран. Ее особенности:

- Текст вместо интонации. Ребенок виртуозно владеет перепиской, но теряется, когда нужно считать эмоцию по лицу собеседника.

- Асинхронность. Можно ответить через час, обдумать, отредактировать. В живом диалоге такого времени нет — и это вызывает стресс.

- Обратная связь лайками. Вместо сложной эмоциональной настройки на другого человека — примитивные цифровые маркеры.

- Рост тревожности, депрессивных состояний, цифровой зависимости среди детей и подростков, что связывается с интенсивностью их погружения в цифровую среду.

В итоге дети приходят в школу с отличной цифровой компетентностью, но с дефицитом эмпатии и навыков живого контакта.

А школа требует от них работы в парах, устных ответов перед классом, умения считывать реакцию учителя и одноклассников. Требует того, чему цифровая среда их не научила.

К чему приводит этот разрыв между «цифровой» психикой и «аналоговыми» методами?

Риск первый — цифровое истощение. Ребенок провел в школе 6 часов в режиме линейного обучения, затем садится за ту же цифру для домашнего задания. Мозг не переключается. Результат — хроническая усталость, снижение когнитивной выносливости.

Риск второй — потеря саморегуляции. Цифровая среда построена на внешней стимуляции: уведомления, яркие картинки, мгновенная смена активности. Когда внешний стимул убирается, ребенок оказывается неспособен сам организовать свою деятельность. Растет импульсивность, падает произвольное внимание.

Риск третий — дефицит живого общения и снижение эмоционального интеллекта. Дети отлично коммуницируют в чатах, но в реальном диалоге испытывают трудности: не считывают эмоции, не выдерживают паузы, не умеют выстраивать контакт без экрана [4].

Для того чтобы минимизировать эти риски и построить образование, адекватное новому поколению, мы предлагаем три стратегических направления.

1. Признать, что способы познания изменились, и соответственно адаптировать методы обучения. Это не означает отказа от классических текстов и логических задач, но предполагает пересмотр способов их подачи. Вместо борьбы с клиповым мышлением стоит учить детей работать с информацией через визуализацию, схемы, ментальные карты и фрагментацию сложного материала. Вместо подавления переключаемости внимания — использовать ее как ресурс: менять активности в течение урока каждые 5–7 минут. Это позволит удерживать внимание за счет естественных ритмов психики, а не за счет насилия над ней.

2. Сознательно развивать те качества, которые цифровая среда не формирует: эмпатию, умение слушать, навыки живого диалога и невербального чтения. Школа и родители должны взять эту функцию на себя через ролевые игры, тренинги, групповую работу и обязательную практику общения «глаза в глаза».

3. Восстановление саморегуляции через регулярные «цифровые паузы». Урок без гаджетов, прогулка, настольная игра, творческое занятие — это не потеря времени, а необходимое условие для развития произвольного внимания, способности управлять собой и восстанавливать ресурс.

В заключение подчеркнем главный вопрос, который сегодня стоит перед педагогическим и психологиче-

ским сообществом: «Как сохранить баланс между эффективностью технологий и психологическим благополучием ребенка?». Ответ, на наш взгляд, не в выборе между старым и новым, а в переосмыслении самого подхода. Мы не можем и не должны учить по-старому детей, которые уже стали другими в своей когнитивной и коммуникативной организации. Но мы можем создать систему, которая учитывает их реальные особенности и при этом целенаправленно развивает то, что цифра не дает: эмпатию, рефлексивность, способность к длительному усилию и живую диалогичность. Только такой подход сможет преодолеть психологический разрыв и вернуть образованию его развивающую, человекомерную функцию.

Литература:

1. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. — М.: Смысл, 2019. — 348 с.
2. Божович Е. Д. Цифровая трансформация образования: психодидактические и технологические аспекты // Мир психологии. 2023. № 1(112). С. 52–75.
3. Стрельченко О. Н. Развитие личности в условиях цифровизации российского образования // МНИЖ. 2023. № 2 (128).
4. Строков А. А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. № 2 (31).
5. Яницкий М. С. Психологические аспекты цифрового образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 2 (34).

Особенности учебной мотивации и эмоционального отношения к учебе у одаренных детей в музыкальной школе

Плескачева Полина Вадимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Верстова Марина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Ключевые слова: одаренные дети, учебная мотивация, эмоциональное отношение к учению, музыкальное образование, психологические особенности.

Несмотря на возрастающий интерес к проблеме одаренности, эмоционально-мотивационные аспекты обучения в музыкальных школах остаются недостаточно изученными. Одаренные дети в системе музыкального образования представляют собой уникальную категорию учащихся, чья внешняя успешность часто скрывает внутренние психологические сложности. Они подвержены риску эмоционального выгорания, перфекционизму и снижению внутренней мотивации из-за чрезмерного давления внешних оценок и соревновательной среды [1]. Актуальность исследования обусловлена также тем, что в современной образовательной парадигме приоритет отдается результативности, тогда как психологическое благополучие ребенка нередко остается на периферии внимания педагогов и родителей.

Эмпирическое исследование проводилось на базе детской школы искусств г. Краснодара. В исследовании приняли участие 50 учащихся 10–14 лет (25 одаренных, 25 — контрольная группа). Использовались: опросник учебной мотивации, проективная методика «Неоконченные предложения», анкетирование педагогов и родителей. Статистическая обработка — U-критерий Манна-Уитни и коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты выявили парадоксальную картину. У одаренных детей доминирует глубокая познавательная мотивация (78 % выборки) — их увлекает сам процесс музыкального познания. Однако эта внутренняя тяга тесно переплетена с жесткими перфекционистскими установками ($r = 0,67$, $p < 0,01$). В отличие от контрольной группы, одаренные ученики демонстрируют высокую са-

модетерминацию, но эта автономия оказывается хрупкой: 64 % детей обнаруживают тревожное отношение к собственным ошибкам. В проективных методиках ошибки ассоциируются у них с образами угрозы и критики. Примечательно, что многие одаренные дети склонны воспринимать любую неточность в исполнении как личную неудачу, а не как естественный этап обучения, что свидетельствует о сформированности ригидных внутренних стандартов. В беседах с психологом эти учащиеся неоднократно отмечали, что чувствуют себя «обязанными быть безупречными», что создает дополнительное эмоциональное напряжение и снижает способность получать удовольствие от музицирования.

Педагоги фиксируют выраженный диссонанс: высокая вовлеченность в занятия сочетается с сильной тревогой перед публичными выступлениями. Стресс испытывают 82 % одаренных детей против 36 % в контрольной группе ($p < 0,01$). При этом качество исполнения у одаренных детей объективно выше, однако субъективное переживание успеха значительно ниже, чем у их менее подготовленных сверстников. Анализ данных позволил выделить два типа эмоционального отношения к учению:

1. Гармоничный тип (32 %) — высокая мотивация сопровождается позитивными эмоциями и радостью от процесса. Ребенок учится из интереса к музыке, воспринимает трудности как вызов, а не как угрозу. У детей этого типа отмечается более гибкая самооценка и удовлетворенность отношениями с педагогами и родителями.

2. Напряженный тип (68 %) — доминирует гиперответственность и страх не оправдать ожиданий. Работоспособность остается высокой, но эмоциональная цена значительно выше. Дети этого типа демонстрируют повышенный уровень личностной тревожности, трудности с релаксацией после выступлений и склонность к обесцениванию собственных достижений. Этот тип связан с гиперопекой и завышенными требованиями со стороны родителей и педагогов [3]. В ряде случаев родители, сами не имея музыкального образования, транслируют ребенку собственные нереализованные амбиции, что многократно усиливает давление.

Ключевая особенность одаренных детей — выраженный дисбаланс между развитой когнитивной сферой и эмоциональной уязвимостью [5]. Внутренняя познавательная мотивация под давлением социального окружения рискует трансформироваться во внешнюю, ориентированную на подтверждение статуса. Этот процесс имеет негативные долгосрочные последствия: при утрате внутреннего интереса снижается творческая смелость,

исполнительская интерпретация становится шаблонной, а сам ребенок теряет радость от контакта с искусством.

Для сохранения устойчивой мотивации необходима психологическая поддержка, направленная на:

- легитимизацию ошибки как части творческого процесса;
- смещение акцента с результата на процесс и личный прогресс;
- внедрение рефлексивных практик.

Важно, чтобы эта работа начиналась не на этапе возникновения проблем, а носила профилактический характер, предшествуя значимым конкурсным испытаниям. Кроме того, педагогам рекомендуется включать в занятия элементы импровизации, где ошибиться «не страшно» — это позволяет ребенку пережить новый эмоциональный опыт и снизить страх неудачи.

Особого внимания заслуживает напряженный тип (68 %), создающий риск потери внутреннего интереса. Полученные данные показывают, что ключевая задача сопровождения — не только развитие таланта, но и сохранение психического здоровья. Без целенаправленной работы с эмоциональной сферой высокие достижения могут обернуться преждевременным профессиональным выгоранием и уходом из музыки в подростковом возрасте.

Значимым аспектом является системное сопровождение, охватывающее не только ребенка, но и его семью, и педагогический коллектив [4]. Трудности воспитания одаренных детей нередко коренятся в неграмотном поведении взрослых [2]. Педагоги, в свою очередь, могут испытывать профессиональные трудности во взаимодействии с одаренными учениками, что усугубляет эмоциональное напряжение и снижает эффективность обучения. Важна комплексная диагностика самооценки, ценностных ориентаций и мотивационной сферы. Результаты подчеркивают необходимость дифференцированного подхода в зависимости от типа эмоционального отношения. Для детей гармоничного типа достаточно поддерживающей стратегии, тогда как для напряженного типа требуется глубокая психокоррекционная работа, направленная на снижение тревожности и формирование гибкой самооценки [5].

Таким образом, исследование выявило специфику учебной мотивации одаренных музыкантов и обосновало необходимость психолого-педагогической поддержки, направленной на гармонизацию развития и сохранение психологического благополучия. Только комплексный подход, учитывающий как внутренние переживания ребенка, так и факторы внешней среды, позволяет создать условия для полноценного творческого долголетия.

Литература:

1. Макарова, Е. А. Психологические особенности обучения игре на музыкальных инструментах одаренных и талантливых детей / Е. А. Макарова, Е. Б. Абросимова. — Текст: непосредственный // Современные проблемы науки и образования. — 2020. — № 5. — С. 364–371.
2. Теплов, Б. М. Избранные труды / Б. М. Теплов. — в 2 т. Т. 1. — М.: Педагогика, 2019. — 384 с. — Текст: непосредственный.

3. Федорова, А. М. Стили родительского воспитания и их влияние на личностные качества и успешность сценической исполнительской деятельности будущего музыканта / А. М. Федорова. — Текст: непосредственный // Музыкальное искусство и образование / Musical Art and Education. — 2019. — № Т. 7, № 4. — С. С. 31–43.
4. Юркевич, В. С. Одаренный ребенок в системе образования: психологические условия поддержки / В. С. Юркевич. — Текст: непосредственный // Психологическая наука и образование. — 2022. — № 27, 2. — С. 112–125.
5. Гани, Т. В. Психолого-педагогические условия личностного развития обучающихся детской музыкальной школы / Т. В. Гани, Н. И. Константинова, О. И. Мамушкина. — Текст: непосредственный // Современные вопросы педагогики и психологии: теоретико-методологические подходы и практические результаты исследований. — Чебоксары: ИД «Среда», 2022. — С. 78–89.

Влияние занятий музыкой на психическое развитие ребенка

Плескачева Полина Вадимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Верстова Марина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается влияние занятий музыкой на психическое развитие детей в возрасте 6–12 лет на основе данных отечественных нейробиологических, психологических и статистических исследований. Анализируются когнитивные эффекты музыкального обучения: улучшение памяти, внимания, скорости обработки информации и нейропластичности. Описывается роль музыки в развитии эмоциональной сферы — снижение тревожности, формирование стрессоустойчивости и эмпатии. Освещается социальный аспект коллективного музицирования, способствующего развитию коммуникативных навыков и лидерских качеств. Приводятся статистические данные о распространённости музыкального образования в России и его влиянии на академическую успеваемость. Даются практические рекомендации для родителей и педагогов по организации музыкальных занятий. Обосновывается необходимость обеспечения равного доступа к музыкальному образованию как неотъемлемой части гармоничного развития личности.

Ключевые слова: музыкальное образование, психическое развитие, когнитивные функции, социализация детей, музыкальные школы, дополнительное образование, внимание, творческое мышление, гармоничное развитие личности.

В современном образовании России особое внимание уделяется гармоничному развитию личности с раннего возраста. Занятия музыкой выступают эффективным инструментом влияния на психическое развитие ребёнка, способствуя формированию когнитивных функций, эмоциональной устойчивости и социальных навыков.

Нейробиологические исследования подтверждают: музыка активирует слуховую кору, моторные зоны и лимбическую систему. У детей, обучающихся игре на инструментах, увеличивается плотность белого вещества мозга, что улучшает межполушарные связи и повышает нейропластичность. Исследование Института психологии РАН (2021) с участием 120 детей 6–12 лет показало, что регулярные музыкальные занятия (не менее 2 раз в неделю в течение года) повышают скорость обработки информации на 23 %, объём кратковременной памяти — на 18 %, концентрацию внимания — на 27 % по сравнению с контрольной группой.

Музыкальное обучение развивает ключевые когнитивные процессы. Запоминание мелодий и нотных последовательностей укрепляет память. Необходимость одновременно читать ноты, координировать движения рук и контролировать звучание формирует устойчивое внимание. Анализ музыкальной структуры и импровизация стимулируют логическое и абстрактное мышление. По данным Рособрудзора (2022), 68 % учеников музы-

кальных школ получают «4» и «5» по математике, русскому и иностранному языкам против 52 % в общей массе школьников.

Эмоциональная сфера также получает значительную поддержку через музыку. Для детей, ещё не владеющих вербализацией чувств, музыка становится средством осознания и регуляции эмоций. Опрос ВЦИОМ (2023) показал, что 81 % родителей отмечают снижение тревожности и рост уверенности в себе у детей, занимающихся музыкой. Публичные выступления при правильной психологической подготовке формируют стрессоустойчивость и навыки управления волнением. Педагоги подтверждают: такие дети чаще проявляют эмпатию и легче преодолевают стрессовые ситуации.

Коллективные формы музыкальной деятельности (хоры, оркестры, ансамбли) развивают социальные навыки: умение слушать других, взаимодействовать в команде, соблюдать общие правила. По данным Минпросвещения России (2023), более 40 % детей из музыкальных коллективов проявляют лидерские качества и активно участвуют в школьной жизни. В муниципальных программах дополнительного образования музыкальные секции входят в число самых востребованных занятий.

В России функционирует свыше 1200 музыкальных школ и школ искусств, где обучаются около 800 тысяч детей. Со-

гласно Росстату (2023), 32 % школьников 5–15 лет посещают музыкальные кружки или частные уроки. Наибольший интерес проявляется в крупных городах. Госпрограмма «Искусство — детям!» расширяет доступность музыкального образования для детей из малообеспеченных семей через открытие филиалов, бесплатные мастер-классы и фестивали.

Для максимального эффекта занятия должны быть систематическими и начинаться в дошкольном или младшем школьном возрасте, хотя даже краткосрочные программы дают положительные результаты. Важно, чтобы нагрузка соответствовала возрастным и индивидуальным особенностям ребёнка.

Рекомендации родителям: поддерживать интерес ребёнка, посещать концерты, слушать разнообразную музыку дома, выбирать подходящего педагога, сохраняя иг-

ровой характер занятий. Родителям важно не заменять музыкальное образование погоней за наградами, а сохранять акцент на удовольствии от процесса. Педагогам — интегрировать музыку в учебный процесс, использовать её при преподавании других дисциплин, организовывать творческие проекты.

Таким образом, музыкальное образование оказывает многогранное влияние на психическое развитие ребёнка, формируя когнитивные, эмоциональные и социальные компетенции. Научные данные и российская статистика подтверждают: музыка — не просто культурный элемент, а важнейший инструмент гармоничного развития личности. Её следует рассматривать как неотъемлемую часть образовательного процесса, обеспечивая всем детям равный доступ к музыкальному обучению.

Литература:

1. Министерство просвещения Российской Федерации. Отчет о состоянии системы дополнительного образования детей: [официальный документ]. — Москва, 2023.
2. Росстат. Статистический сборник «Образование в России»: [статистическое издание]. — Москва, 2023.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Социологический опрос «Роль искусства в жизни семьи»: [результаты исследования]. — Москва, 2023.
4. Институт психологии Российской академии наук. Исследование «Музыка и развитие когнитивных функций у детей»: [научный отчет]. — Москва, 2021.
5. Общественный фонд поддержки культуры «Искусство — детям!». Годовой отчет за 2022 год [Электронный ресурс] // Искусство — детям! — URL: <https://iskusstvo-detyam.ru/reports/2022> (дата обращения: 02.06.2026)

Я-концепция современного предпринимателя и психологические факторы ее формирования

Полякова Виктория Михайловна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

Актуальность исследования определяется выявлением главенствующей роли Я-концепции предпринимателя как при целеполагании, так и в выработке стратегии, а также эффективности ведения предпринимательской деятельности и усилении профессиональной идентичности. Стоит отметить, что в настоящее время есть не так много работ, комплексно исследующих психологические факторы, оказывающие влияние на формирование Я-концепции предпринимателя.

Я-концепция современного предпринимателя — это динамичная и многогранная структура, которая постоянно развивается под воздействием внутренних и внешних психологических факторов. Осознанное понимание этих факторов позволяет предпринимателю целенаправленно работать над укреплением своей Я-концепции, делая ее более устойчивой, адаптивной и способствующей достижению высоких результатов.

Проанализирована взаимосвязь феномена Я-концепции и профессиональной идентичности, выявлены и рассмотрены внутренние и внешние психологические факторы, оказывающие влияние на её формирование, такие как: мотивация, эмоциональная устойчивость, социальное окружение и профессиональный опыт, когнитивные стили мышления, обратная связь и рефлексия, показатели благоприятной бизнес-среды, поддержка семьи и семейные установки. В результате их рассмотрения указанные факторы распределены автором по группам.

Автором сформулированы практические рекомендации в отношении когнитивно-поведенческой коррекции Я-концепции предпринимателя, позволяющие увеличить степень мотивации, эмоциональной устойчивости и трансформировать когнитивные стратегии в положительном ключе, что позитивно повлияет не только на структурные компоненты Я-концепции, отвечающие за усиление адаптивности к условиям внешней бизнес-среды, но и на бизнес-климат всего предпринимательского сообщества.

Ключевые слова: Я-концепция, предприниматель, психологические факторы, профессиональная идентичность, мотивация, самоофективность, адаптивность.

The self-concept of a modern entrepreneur and the psychological factors that shape it

The relevance of the study is determined by the identification of the dominant role of the entrepreneur's self-concept in both goal-setting and strategy development, as well as in the effectiveness of entrepreneurial activities and the strengthening of professional identity. It is worth noting that there are currently few studies that comprehensively examine the psychological factors that influence the formation of an entrepreneur's self-concept.

The self-concept of a modern entrepreneur is a dynamic and multifaceted structure that constantly evolves under the influence of internal and external psychological factors. A conscious understanding of these factors allows an entrepreneur to work purposefully on strengthening their self-concept, making it more resilient, adaptive, and conducive to achieving high results.

The article analyzes the relationship between the phenomenon of self-concept and professional identity, identifies and examines internal and external psychological factors that influence its formation, such as motivation, emotional stability, social environment and professional experience, cognitive styles of thinking, feedback and reflection, indicators of a favorable business environment, family support, and family attitudes. As a result of their consideration, the author divides these factors into groups.

The author formulates practical recommendations for the cognitive and behavioral correction of the entrepreneur's self-concept, which allow for increased motivation, emotional stability, and the transformation of cognitive strategies in a positive way. This will have a positive impact not only on the structural components of the self-concept responsible for enhancing adaptability to the external business environment, but also on the business climate of the entire entrepreneurial community.

Keywords: self-concept, entrepreneur, psychological factors, professional identity, motivation, self-efficacy, adaptability.

Введение

Современная экономическая реальность, как российская, так и мировая, характеризуется беспрецедентной динамичностью и усилением неопределённости, что предъявляет новые требования к психологическим ресурсам предпринимателей и, безусловно, оказывает прямое влияние на состояние и структуру Я-концепции предпринимателя.

В этих условиях формирование целостной и органичной Я-концепции, объединяющей личностные характеристики с профессиональными компетенциями, становится ключевым элементом успешной адаптации предпринимателей к рыночным вызовам и ведению ими успешной предпринимательской деятельности. Особую актуальность приобретает изучение психологических факторов, напрямую влияющих на сохранение предпринимателями устойчивости в кризисных ситуациях и поддержание ими как традиционной, так и инновационной активности. Научное осмысление и обобщение этих факторов создаёт основу для разработки эффективных стратегий поддержки бизнеса в посткризисные периоды.

Несмотря на растущее внимание к предпринимательской психологии, в научной литературе сохраняется дефицит комплексных исследований, раскрывающих системные взаимосвязи между структурными компонентами Я-концепции и успешностью ведения предпринимательской деятельности. Отсутствие таких работ приводит к фрагментарности понимания причин профессионального выгорания и снижения эффективности экономической деятельности предпринимателей в условиях стрессовых нагрузок, возникающую в том числе от бесконечной трансформации рыночных процессов. Указанные

вопросы требуют новых подходов к анализу психологических детерминант предпринимательского поведения. Преодоление данного пробела становится необходимым условием для разработки и создания научно обоснованных мер и программ психологической поддержки.

Целью настоящего исследования, проведенного в результате анализа научных статей, посвященным тем или иным психологическим аспектам осуществления индивидами предпринимательской деятельности, является выявление и анализ психологических факторов, детерминирующих формирование Я-концепции современного предпринимателя. Особый акцент делается на изучении роли мотивации, эмоциональной устойчивости и когнитивных стратегий.

Эмпирическую базу исследования составляют данные, полученные в результате сочетания качественных и количественных методов, что позволяет установить взаимосвязь между структурными компонентами Я-концепции и практическими аспектами ведения бизнеса.

Для достижения поставленной цели в статье последовательно решаются четыре взаимосвязанные задачи:

- теоретическое обоснование феномена Я-концепции в контексте профессиональной идентичности предпринимателя;
- выявление и рассмотрение психологических факторов её формирования;
- анализ влияния Я-концепции на предпринимательскую деятельность;
- разработка практико-ориентированных рекомендаций.

Такой подход позволяет не только расширить теоретические представления о структуре предпринимательской

идентичности, но и сформировать инструментарий для повышения адаптационного потенциала предпринимателей в современных условиях бизнес-среды.

Формирование Я-концепции в контексте профессиональной идентичности предпринимателя. Профессиональная идентичность образует структурное ядро Я-концепции предпринимателя, задавая систему критериев для самоидентификации. Данный аспект предполагает интеграцию профессиональных ролей, ценностей и компетенций в целостное внутреннее самовосприятие. В предпринимательской деятельности это проявляется через приоритизацию деловых качеств и установок на достижение определенных показателей, характеризующих личностно-финансовые успехи. Таким образом, профессиональная идентичность выступает фильтром для самоинтерпретации себя как предпринимателя.

Историческое развитие теории Я-концепции берёт начало в работах Уильяма Джеймса, предложившего дихотомию «Я-эмпирического» и «Я-чистого». Это разделение заложило основу для понимания двойственной природы самости. В дальнейшем идеи Джеймса получили развитие в различных психологических школах, обогативших представление о структуре личности. Современные интегративные модели синтезируют эти подходы, рассматривая Я-концепцию как динамическую систему.

Гуманистическая психология внесла решающий вклад в формирование современных представлений о Я-концепции. «Окончательное формирование классических представлений о «Я-концепции» произошло в 1950-е годы в русле гуманистической психологии после публикации научных трудов К. Роджерсом. В его концепции ключевыми являются понятия «Я-реальное» и «Я-идеальное», позже Ч. Кули и Дж. Мид дополнили его модель ещё одним компонентом — «Я-зеркальное» [7, с.75].»

Эти концепции подчеркивали роль самоактуализации и самопрезентации, необходимых для личностного роста, став основой для дальнейших исследований.

Я-концепция в российской психологии рассматривается как системное, интегративное образование, которое состоит из множества подструктур, а его исследование предполагает использование инструментов, которые позволят произвести оценку системообразующего компонента или последовательную совокупность взаимоотношений элементов Я-концепции [4, с. 113].

В Я-концепции при рассмотрении ее как совокупности направленных на себя установок выделяют три структурных компонента:

- 1) когнитивный компонент — это «образ Я» (англ. self-image), представления о самом себе;
- 2) эмоционально-ценностный (аффективный) компонент — система самооценок (англ. self-esteem),
- 3) поведенческий компонент — характеристика проявлений во внешнем поведении когнитивного и оценочного компонентов (включая речь, высказывания о себе).

Нужно иметь в виду, что первые два компонента лишь условно концептуально различены при их неразрывной связи в психологическом плане [10, с. 116].

Динамика формирования и развития Я-концепции предпринимателя обусловлена необходимостью разрешения противоречий между личностной и профессиональной идентичностью. Данный конфликт возникает при несовпадении индивидуальных характеристик с требованиями предпринимательской роли, создавая зону потенциального развития. Процесс адаптации предполагает пересмотр самооценки и переструктурирование компонентов Я-концепции. Преодоление таких противоречий и нахождение для них единого знаменателя способствует формированию гибкой профессиональной идентичности, адекватной вызовам предпринимательской среды.

Синергетическое взаимодействие самооценки, самоэффективности и внутреннего, или интернального, локуса контроля образует фундамент предпринимательской Я-концепции. Самооценка как ценностная составляющая определяет степень принятия индивидом собственной профессиональной компетентности и личностной значимости. «Самоэффективность — это не только вера в свои собственные способности, но и уверенность в своих навыках, знаниях и опыте, которая позволяет более эффективно использовать свои ресурсы и достигать лучших результатов. Ключевой момент состоит в том, что самоэффективность не зависит от внешних условий или ситуаций, а является внутренней характеристикой человека [8, с.100]». Интернальный локус контроля обеспечивает атрибуцию предпринимателем результатов своей деятельности внутренним факторам, что формирует ответственность за принимаемые решения и усиливает когнитивную согласованность Я-концепции.

Психологические факторы формирования Я-концепции современного предпринимателя. В результате проведенного анализа можно выделить и рассмотреть следующие внутренние и внешние факторы.

1. Мотивация как драйвер формирования предпринимательской Я-концепции.

Мотивация рассматривается как ключевой внутренний фактор, определяющий предпринимательскую активность. Она формирует устойчивую ориентацию на преодоление препятствий и достижение амбициозных целей. «Й. Шумпетер считал предпринимателя носителем таких определяющих качеств, как воля к победе, стремление к успеху, радость творчества (Шумпетер, 1982: 166) [3, с.36]». Данная характеристика отражает вышеперечисленные качества как базовые компоненты мотивационного профиля, лежащие в основе профессиональной самоидентификации и самореализации. Устойчивая мотивация достижения проявляется в способности предпринимателя выстраивать долгосрочные стратегии и сохранять настойчивость в условиях неопределённости. Она коррелирует с развитием самоэффективности — веры в собственные силы при решении сложных задач. Этот психологический ресурс способствует формированию по-

зитивного образа «Я-предпринимателя», интегрирующего профессиональные компетенции и личностные качества.

Преобладание ориентации на достижение успеха способствует формированию адекватной самооценки и устойчивого профессионального самовосприятия. Напротив, доминирование мотивации избегания неудач создаёт ригидность Я-концепции, ограничивая адаптационный потенциал предпринимателя в меняющихся условиях.

Интересно отметить, что для российских женщин предпринимателей предпринимательская деятельность — это возможность собственного внутреннего развития с реализацией таких социально-психологических способностей, как: генерация свежих идей в нестандартных условиях, умение располагать к себе, наличие интуиции, гибкости и др. Стремление к самореализации, лидерству и независимости является общим как для мужчин, так и для женщин, и не зависит от гендерных различий у предпринимателей [1, с.361].

2. Эмоциональная устойчивость и ее роль в адаптации Я-концепции предпринимателя к условиям внешней среды.

Эмоциональная устойчивость выступает ключевым фактором сохранения целостности Я-концепции предпринимателя в условиях постоянного стресса и высокой неопределённости предпринимательской среды. Эта характеристика позволяет поддерживать внутреннюю согласованность между профессиональной ролью и личностными установками, несмотря на внешние вызовы и трансформационные процессы бизнес-среды. Способность сохранять эмоциональное равновесие обеспечивает стабильность самооценки и профессиональной идентичности в кризисных ситуациях. Механизмы эмоциональной устойчивости, включая когнитивную переоценку и проблемно-ориентированное совладание, направленное на выработку стратегии по изменению стрессовой ситуации, способствуют конструктивной адаптации Я-концепции к изменяющимся условиям. Исследования в области стресс-менеджмента подтверждают, что предприниматели с развитой эмоциональной устойчивостью демонстрируют большую гибкость в пересмотре профессиональных установок без потери общей целостности самоидентификации. Данное качество позволяет сохранять долгосрочную стабильность Я-концепции предпринимателя при краткосрочных, но одновременно чувствительных системных колебаниях внешней среды.

Способность к оперативной саморегуляции эмоциональных состояний с сохранением интернального локуса контроля обеспечивает возможность коррекции профессиональной идентичности без деструктивного влияния на самооценку. Эффективная эмоциональная саморегуляция позволяет предпринимателю пересматривать отдельные аспекты Я-концепции в ответ на новые вызовы, сохраняя при этом позитивное самоотношение. Этот процесс тесно связан с развитием эмоционального интеллекта, который способствует гармонизации профессионального самовосприятия.

3. Профессиональный опыт как основа самооценки предпринимателя.

Накопленный профессиональный опыт служит основой для выработки внутренних стандартов самооценки предпринимателя. Успешные кейсы и преодоленные кризисы формируют устойчивые представления о собственных компетенциях и самоэффективности. Анализ прошлых решений позволяет корректировать Я-концепцию, усиливая её реальную взаимосвязь с внешней средой и адаптивность. Этот процесс создаёт основу для прогнозирования результатов будущей деятельности и управления рисками.

4. Когнитивные стили мышления и их связь с гибкостью Я-концепции современного предпринимателя.

Индивидуальные когнитивные стили обработки информации играют ключевую роль в адаптации Я-концепции предпринимателя к динамике рынка. Ригидный стиль мышления, характеризующийся фиксацией на стереотипных схемах, замедляет пересмотр профессиональной идентичности при изменении внешних условий. Напротив, гибкий когнитивный стиль позволяет оперативно интегрировать новый опыт и трансформировать представления о себе в соответствии с рыночными требованиями. Конкурентное преимущество предпринимателя в условиях неопределённости обеспечивается вариативностью когнитивных стратегий.

Когнитивная сложность как характеристика мышления предпринимателя способствует формированию многомерной структуры Я-концепции. Способность к дифференцированному анализу профессионального опыта позволяет одновременно учитывать противоречивые аспекты самоидентификации, что повышает устойчивость к кризисным ситуациям. Предприниматели с развитой когнитивной сложностью демонстрируют меньшую зависимость от внешних оценок благодаря внутренней интегрированности компонентов Я-концепции. Данный феномен подтверждается эмпирическими исследованиями, выявившими прямую корреляцию между когнитивной гибкостью и адаптивностью профессионального самовосприятия.

5. Роль обратной связи и рефлексии в развитии Я-концепции предпринимателя.

Систематическая обратная связь от клиентов и партнёров выступает ключевым инструментом формирования объективной профессиональной самооценки предпринимателя. Анализ мнений клиентов и контрагентов позволяет выявить диссонанс между субъективным восприятием собственной компетентности и её реальными проявлениями в деловой практике. Полученные данные служат основой для осознанной коррекции профессионального самообраза, способствуя его большей адекватности и реалистичности. Этот процесс непрерывной адаптации Я-концепции к внешним оценкам обеспечивает её динамическое развитие в условиях меняющейся рыночной среды.

Рефлексивные практики создают механизм интеграции нового опыта в структуру Я-концепции через

осмысление предпринимателем своих действий и их последствий. «В текстах выделяется и интерпретируется содержимое сознания и структура экзистенции (того как человек субъективно интерпретирует свою жизненную ситуацию). Смыслы и интенции ответов о переживании «Самого Себя», то, как сам человек интерпретирует свой опыт в контексте развития [8, с.3]».

Систематическая рефлексия способствует переосмыслению профессиональных неудач и достижений, трансформируя их в компоненты устойчивой профессиональной идентичности. Этот процесс обеспечивает поступательное развитие Я-концепции предпринимателя, повышая её соотнесённость с внешними факторами бизнес-среды и адаптационный потенциал.

6. Условия, формирующие благоприятную бизнес-среду, в контексте усиления Я-концепции предпринимателя.

К условиям, формирующим благоприятный, в том числе в психологическом смысле, бизнес-климат, можно отнести разнообразные меры государственной поддержки, как в виде стимулирующей финансовой либо правовой политики, так и в осуществлении мер психологического поощрения и поддержки частной предпринимательской инициативы, экономическую обстановку, систему ценностей общества, направленную на формирование положительного образа предпринимателей в социуме, создание систем наставничества и психологической поддержки как в профессиональных сообществах, так и на государственном уровне. Наличие таких условий положительно влияет на профессиональную идентичность предпринимателя и его самоэффективность, являясь поддерживающей средой для выработки успешных стратегий поведения.

7. Влияние социального окружения на формирование Я-концепции предпринимателя.

Социальное окружение предпринимателя выступает важным фактором формирования его Я-концепции через механизмы обратной связи и социальных ожиданий. Референтные группы, включая коллег, клиентов и инвесторов, формируют внешние критерии оценки профессиональной идентичности. Эти оценки воспринимаются как маркеры успешности, что приводит к адаптации поведенческих стратегий и влияет на самооценку и самоэффективность. Постоянное взаимодействие с профессиональным сообществом создаёт систему внешних ориентиров для саморефлексии.

8. Роль семьи и семейных установок как основы формирования предпринимательской инициативы.

Множество проведенных исследований подтвердили роль семьи и семейных установок, поддерживающих предпринимательскую инициативу, в качестве особого фактора, влияющего на самоопределение и формирование Я-концепции предпринимателя. Критика от близких родственников являлась фактором, влияющим на принятие решений предпринимателей прекратить свою бизнес-активность [11, с. 127].

Таким образом, вышеперечисленные факторы можно подразделить на следующие виды: мотивационный фактор (мотивация на достижение результатов), эмоционально-регуляторные факторы (эмоциональная устойчивость, рефлексия), когнитивные факторы (когнитивные стили мышления, профессиональный опыт) и социальные факторы (обратная связь, социальное окружение, семья, семейные установки, условия бизнес-среды).

Анализ влияния Я-концепции на предпринимательскую деятельность. Исследование российских бизнес-кейсов подтверждает значимость когнитивного и эмоционального компонентов Я-концепции для предпринимательского успеха. Анализ деятельности компаний малого и среднего бизнеса демонстрирует, что предприниматели с четким осознанием своих профессиональных компетенций чаще достигают стратегических целей. Когнитивная составляющая проявляется в способности адекватно оценивать ресурсы и ограничения, что напрямую влияет на качество управленческих решений. Эмоциональный аспект выражается в устойчивом восприятии собственной эффективности даже в условиях рыночной нестабильности. Успешные примеры деловой практики российских компаний иллюстрируют взаимосвязь между развитой Я-концепцией и бизнес-результатами.

Основатели успешных компаний демонстрировали интегрированное понимание своих сильных сторон и зон развития, что позволяло им эффективно распределять роли в команде. Эмоциональная составляющая проявлялась в способности сохранять продуктивность при столкновении с регуляторными барьерами, инвестиционными рисками и постоянными изменениями бизнес-среды. Эти наблюдения подтверждают тезис о системном положительном влиянии Я-концепции на предпринимательскую эффективность. Эмпирические данные российских исследований свидетельствуют о положительной корреляции между когнитивными особенностями, мотивацией и устойчивостью к стрессовым ситуациям предпринимателей и долгосрочной стабильностью бизнеса [2, с. 156; 5, с. 66].

Способность предпринимателей к эмоциональной саморегуляции позволяла объективно оценивать операционные проблемы и мобилизовать ресурсы для их решения. Напротив, предприниматели с нестабильной эмоциональной составляющей Я-концепции чаще принимали импульсивные решения, усугублявшие кризисные явления.

Важно отметить, что согласно проведенным российским исследованиям, многие предприниматели достаточно рано самоопределялись, желая самостоятельно зарабатывать, имея при этом стремление к развитию себя в сфере создания бизнеса и реализации предпринимательских, в том числе инновационных идей, а также обращая фокус внимания на перспективы в будущем, зачастую без желания проводить ретроспективный анализ своей деятельности [8, с. 5–6].

Структурные особенности Я-концепции оказывают существенное влияние на склонность предпринимателей к инновационной деятельности. Современные исследования показали наличие у российских предпринимателей инновационно-творческой мотивации [8, с. 7]. Гибкость самоидентификации выступает ключевым элементом, определяющим инновационный потенциал. Способность к ситуативной реконфигурации профессионального образа «Я» позволяет оперативно интегрировать новые роли и компетенции. Данный аспект особенно важен в контексте цифровой трансформации, требующей постоянного пересмотра деловых стратегий. Генерация новаторских бизнес-идей является производным от пластичности Я-концепции.

Разработка рекомендаций по модификации Я-концепции предпринимателя в целях повышения эффективности предпринимательской деятельности.

Развитие когнитивного компонента Я-концепции требует систематического применения рефлексивных практик, направленных на анализ профессионального опыта. Методы структурированного самонаблюдения, включая ведение профессиональных дневников и проведение регулярных супервизий с наставниками позволяют предпринимателям объективизировать представления о собственных компетенциях и ограничениях. Техники когнитивного картирования, то есть создание различных когнитивных карт, способствуют осознанию взаимосвязей между различными аспектами профессиональной идентичности. Регулярное применение данных практик формирует адаптивную когнитивную основу для принятия управленческих решений в условиях неопределенности.

Специализированные методики когнитивной реструктуризации, направленные на изменение когнитивных искажений, помогают трансформировать дезадаптивные убеждения, ограничивающие предпринимателей в личностном и профессиональном росте. Систематическое использование техник позитивного самоинструктирования, направленных на выработку личностью внутренних положительных убеждений, способствует формированию

устойчивого позитивного самоотношения. Проведение систематического ретроспективного анализа последствий от решений, принятых в ходе своей деятельности, позволит увеличить степень саморефлексии и самоанализа структурных особенностей Я-концепции предпринимателя. Реализация данных подходов обеспечивает снижение эмоциональной напряженности при принятии стратегических решений в кризисных ситуациях.

Заключение

Я-концепция современного предпринимателя функционирует как динамическая система, синтезирующая профессиональную идентичность с когнитивными паттернами и самооценкой. Установлено, что её эффективность определяется способностью поддерживать баланс между устойчивостью к внешним вызовам и гибкостью при принятии стратегических решений.

Выделены, исследованы и сгруппированы внешние и внутренние факторы, оказывающие влияние на формирование Я-концепции современного предпринимателя

Мотивационный фактор (мотивация на достижение результатов) создает основу для оптимистичного целеполагания, тогда как эмоционально-регуляторные факторы (эмоциональная устойчивость, рефлексия) обеспечивают адаптацию к стрессам. Когнитивные (когнитивные стили мышления, профессиональный опыт) и социальные (обратная связь, социальное окружение, семья, семейные установки, условия бизнес-среды) факторы регулируют и сопровождают процесс от постановки до реализации целей с одновременным развитием адаптивности.

Разработанные рекомендации по когнитивно-поведенческой коррекции Я-концепции предпринимателя создают основу для прикладного применения результатов исследования. Полученные выводы открывают перспективы для междисциплинарных исследований на стыке психологии и менеджмента, особенно в контексте посткризисных экономических трансформаций, где вопросы адаптивности предпринимателей приобретают особую актуальность.

Литература:

1. Алгада Х. Гендерный аспект в предпринимательстве и особенности женского предпринимательства в РФ // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2022. — № 5. — С. 358–364.
2. Демиденко Н. Н., Константинова С. С. Актуальные проблемы трудовой деятельности современных предпринимателей // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. — 2025. — № 1. — С. 148–161.
3. Джумагулов М. Т. Качества личности предпринимателя как ориентир в подготовке студентов к предпринимательской деятельности // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2020. — № 4. — С. 35–39.
4. Зорина С. В. Связь имплицитной самоидентификации и намерений студентов в сфере предпринимательства // Вестник Вятского государственного университета. — 2023. — № 4. — С. 111–115.
5. Кормина Е. М. Психологические аспекты развития предпринимательского потенциала // Universum: психология и образование. — 2024. — № 12–1 (126). — С. 62–67.
6. Коротенкова Р. Г., Пирогова С. А. Исследование роли предпринимательства в развитии глобальных процессов с позиций современной психологии // Экология и развитие общества. — 2024. — № 1–2 (41–42). — С. 58–63.

7. Лебедев И. Б., Журавлева А. К. Я-концепция и психологические механизмы ее формирования // Психология и педагогика служебной деятельности. — 2021. — № 4. — С. 74–80.
8. Подойинина М. А., Грибенников С. С. Особенности развития инновационного потенциала молодых людей, вовлеченных в предпринимательскую деятельность // Мир науки. Педагогика и психология. — 2019. — № 6. — С. 1–9.
9. Саранцева С. Г. Самоэффективность как фактор профессиональной деятельности // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». — 2024. — № 1. — С. 98–102.
10. Синчурина М. Г. Структура Я-концепции: интеграция научных представлений // Сибирский педагогический журнал — 2012. — № 2. — С. 115–119.
11. Череменская М. А. Профессиональное самоопределение предпринимателя: этапы и факторы // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2024. — № 4. — С. 116–145.
12. Шаповал И. А., Фоминых Е. С. Возможности психодиагностики я-концепции и самоотношения в демонстрации характеристик и функциональности границ я // Клиническая и специальная психология. — 2018. — № 4. — С. 44–60.

Психологические механизмы влияния образа родителя на Я-образ у молодежи с перфекционистской установкой: теоретический анализ

Понкратьева Анжела Михайловна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

В статье представлен теоретический анализ связи между перфекционизмом, образом Я и интернализованными представлениями о родителях в подростковом и молодом взрослом возрасте. Рассматриваются механизмы формирования дезадаптивных форм перфекционизма через условное отношение родителей, небезопасную привязанность и интернализацию критики во внутренний «голос» и Я-концепцию.

Использование преимущественно зарубежных источников обусловлено тем, что базовые и наиболее разработанные модели перфекционизма, привязанности и внутренних репрезентаций (Hewitt & Flett; Bowlby; Blatt), а также значительная часть современных эмпирических исследований по механизмам условного отношения родителей и самокритичного перфекционизма представлены в международной литературе.

Ключевые слова: перфекционизм, образ Я, интернализованные родительские образы, условное отношение, привязанность, самокритика, подростки, молодые взрослые.

Psychological mechanisms of how the parental image influences the self-concept in young people with a perfectionist mindset: a theoretical analysis

This article presents a theoretical analysis of the relationship between perfectionism, self-image, and internalized views of parents in adolescence and young adulthood. It examines the mechanisms underlying the development of maladaptive forms of perfectionism through conditional parental attitudes, insecure attachment, and the internalization of criticism into the inner «voice» and self-concept.

The use of primarily international sources is motivated by the fact that the basic and most developed models of perfectionism, attachment, and internal representations (Hewitt & Flett; Bowlby; Blatt), as well as a significant portion of contemporary empirical research on the mechanisms of conditional parental attitudes and self-critical perfectionism, are represented in the international literature.

Keywords: perfectionism, self-image, internalized parental images, conditional parental attitudes, attachment, self-criticism, adolescents, young adults.

Введение

Перфекционизм как стремление к безошибочности и чрезмерно высоким стандартам рассматривается современной психологией как многомерный конструкт, включающий как потенциально адаптивные, так и дез-

адаптивные компоненты [1]. В подростковом и молодом взрослом возрасте дезадаптивные формы перфекционизма ассоциируются с депрессивной симптоматикой, тревожностью и социальной изоляцией [1, 2], что делает изучение факторов его формирования значимой задачей психологии развития.

Одним из недостаточно прояснённых вопросов остаётся механизм, посредством которого семейная динамика и ранний опыт отношений с родителями преобразуются во внутренние репрезентации, влияющие на требования к себе и устойчивость образа Я. Теория объектных отношений и теория привязанности описывают, что ранние отношения с родителями постепенно становятся внутренними моделями, через которые человек оценивает себя и других, а также регулирует аффект и самооценку [3, 4].

Следует отметить, что в данной работе акцент сделан на зарубежных исследованиях, поскольку исходные концептуальные рамки (многомерная модель перфекционизма; теория привязанности; представления о внутренних репрезентациях значимых объектов) сформулированы и наиболее полно операционализированы в международной традиции, а современные эмпирические работы по parental conditional regard и перфекционистской самопрезентации преимущественно публикуются в англоязычных рецензируемых журналах.

Цель статьи — теоретически проанализировать механизмы, посредством которых условное отношение родителей, их собственный перфекционизм и стили воспитания связаны с формированием интернализованных родительских образов, особенностей образа Я и развитием адаптивных/дезадаптивных форм перфекционизма у молодежи.

Теоретические основания

Многомерность перфекционизма

В рамках трёхмерной модели Hewitt & Flett выделяются самоориентированный (SOP), социально предписанный (SPP) и другоориентированный (OOP) перфекционизм [5]. Существенно, что именно социально предписанный и самокритичный компоненты устойчиво связаны с психологическим неблагополучием, тогда как «высокие стандарты» при достаточной гибкости могут иметь адаптивный характер [1, 6].

Интернализация родительских образов и условное отношение

Интернализованные представления о родителях рассматриваются как внутренние репрезентации, формирующие ожидания к себе и другим, способы регуляции самооценки и аффекта, а также стандарты «правильности» и успешности [3]. При условном отношении родителей (любовь/одобрение зависят от достижений) ребёнок интернализирует не только высокие стандарты, но и критическую позицию, которая в дальнейшем проявляется как жёсткая самокритика и зависимость самооценки от результата [2].

Условное отношение родителей описывается как механизм формирования дезадаптивных форм перфекционизма. Выделяют **самокритичный вариант** (развивающийся вследствие угрозы потери принятия и интернализации критики) и **самопрезентационный ва-**

риант (выражающийся в стремлении демонстрировать идеализированный образ и скрывать несовершенства) [2, 7]. Эти механизмы напрямую затрагивают устойчивость образа Я и способ переживания ошибок.

Привязанность как связующее звено

Небезопасная привязанность может усиливать перфекционистское самопрезентационное поведение. Стремление выглядеть безупречно выполняет функцию защиты от возможного отвержения, но одновременно ограничивает подлинность, повышает социальную напряжённость и способствует отчуждению [7]. В рамках этой логики условное отношение родителей выступает в качестве формы психологического контроля, препятствующей формированию безопасной привязанности и «права на ошибку» как психологической нормы развития [8].

Образ Я как медиатор

Образ Я (как когнитивная составляющая Я-концепции) выступает медирующим звеном между семейным опытом и перфекционистскими установками [9]. В работе термины «образ Я» и «Я-концепция» не отождествляются. Первая категория рассматривается в качестве более широкого и многокомпонентного конструкта, включающего систему представлений о себе и их оценочно-смысловую регуляцию, тогда как «образ Я» описывает прежде всего содержательную (когнитивно-описательную) часть этих представлений. Соответственно, в данной статье «образ Я» используется в качестве более узкого понятия и анализируется как медиатор, через который опыт условного принятия/критики и интернализованные родительские требования могут переходить в самокритичность, контингентную самооценку и дезадаптивный перфекционизм.

При условной поддержке родителей закрепляется идея о том, что ценность личности зависит от достижений и внешней оценки. Это способствует формированию нестабильного образа Я, требующего постоянного подтверждения через соответствие стандартам, сравнение и избегание ошибок. Следствием может быть хроническая самокритика, генерализация единичной ошибки на личность («ошибся — значит плохой/недостаточный») и рост эмоционального напряжения при необходимости соответствовать ожиданиям [2]. В перспективе такие паттерны рассматриваются как факторы уязвимости к депрессивным и тревожным состояниям.

Степень научной разработанности проблемы

Актуальность обращения к теме обусловлена сочетанием трёх факторов: распространённостью перфекционистских установок у подростков и молодых взрослых, их связью с эмоциональными нарушениями и социальной изоляцией, а так же высокой вероятностью того, что значимая часть механизмов закрепляется через семейный

опыт и внутренние репрезентации, которые трудно зафиксировать в рамках исключительно поведенческих или симптоматических описаний.

В то же время остается ряд вопросов, существенных для уточнения теоретической модели и её применения в российском контексте:

- Недостаточная операционализация последовательного механизма, в рамках которого условное отношение родителей детерминирует интернализированный родительский образ, который в свою очередь опосредуется когнитивными структурами «образа Я» и трансформируется в конкретный профиль перфекционизма на уровне сопоставимых показателей и моделей (особенно при разделении SPP/SOP и самокритичного варианта).

- Ограниченная сопоставимость результатов разных исследований из-за различий в методиках диагностики перфекционизма, в трактовках Я-концепции/образа Я и в способах измерения родительского влияния (поведение родителей/субъективная интерпретация опыта).

- Дефицит данных о культурной специфике: один и тот же стиль воспитания и формы «условного принятия» могут по-разному интерпретироваться и переживаться в разных культурах, что требует отдельного анализа применимости зарубежных выводов к российской выборке.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут быть:

- Проверка медиаторных моделей (в т. ч. с включением привязанности и самокритики как промежуточных

звеньев) на российских выборках подростков и молодых взрослых.

- Разведение «адаптивных» и «дезадаптивных» компонентов перфекционизма с фокусом на условиях, при которых высокие стандарты не приводят к самоуничтожению и депрессивным симптомам.

- Уточнение роли интернализированных образов родителей: различение «требовательного», «условно принимающего/отвергающего», «поддерживающего» образов и их связи с типом перфекционизма и устойчивостью образа Я.

- Методологическое объединение количественных подходов (опросники) и качественных подходов (нарративы, анализ самопрезентации и языка самокритики) для более точного описания внутренних механизмов.

Заключение

Теоретический анализ показывает, что перфекционизм в подростковом и молодом взрослом возрасте может рассматриваться как результат взаимодействия условного отношения родителей, стилей воспитания, особенностей привязанности и интернализации родительской критики, что отражается в структуре образа Я. Понимание роли образа Я как медиатора позволяет связать семейный опыт с формированием самокритики и зависимости самооценки от достижений, что задаёт перспективы для дальнейших эмпирических исследований и уточнения культурной специфики выявленных механизмов.

Литература:

1. Hewitt P L Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology / Hewitt P L 1, G. L. Flett. — Текст: непосредственный // Journal of Personality and Social Psychology. — 1991. — № 3. — С. 456–470.
2. Curran, T. The relationships between parental conditional regard and adolescents' self-critical and narcissistic perfectionism / T. Curran, A. P. Hill, L. J. Williams. — Текст: непосредственный // Personality and Individual Differences. — 2017. — С. 17–22.
3. Bowlby, J. A. A Secure Base: Parent-Child Attachment and Healthy Human Development. / J. A. Bowlby. — New York: Basic Books, 1988. — 205 с. — Текст: непосредственный.
4. Blatt, S. J. Polarities of Experience: Relatedness and Self-Definition in Personality Development, Psychopathology, and the Therapeutic Process / S. J. Blatt. — American Psychological Association. — Washington: Washington, DC: American Psychological Association, 2008. — 404 с. — Текст: непосредственный.
5. Stoeber, J. Positive Conceptions of Perfectionism: Approaches, Evidence, Challenges / J. Stoeber, K. Otto. — Текст: непосредственный // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — № 4. — С. 295–319.
6. The interpersonal expression of perfection: Perfectionistic self-presentation and psychological distress / P. L. Hewitt, G. L. Flett, S. B. Sherry [и др.]. — Текст: непосредственный // Journal of Personality and Social Psychology. — 2003. — № 6. — С. 1303–1325.
7. Adverse parenting and perfectionism: A test of the mediating effects of attachment anxiety, attachment avoidance, and perceived defectiveness / A. Ko, P. L. Hewitt, D. Cox [и др.]. — Текст: непосредственный // Personality and Individual Differences. — 2019. — № Vol. 150. — DOI 10.1016/j.paid.2019.06.017.
8. The intergenerational transmission of perfectionism: Fathers' other-oriented perfectionism and daughters' perceived psychological control uniquely predict daughters' self-critical and personal standards perfectionism / M. M. Smith, S. B. Sherry, C. M. Gautreau [и др.]. — Текст: непосредственный // Personality and Individual Differences. — 2017. — № Vol. 119. — С. 242–248.
9. Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 73–81.

Ролевые ожидания в современной семье: конфликтогенез, системные детерминанты и пути коррекции

Углова Инесса Тофиковна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

В этой статье мы разбираем, как ролевые ожидания супругов влияют на их поведение в конфликтах. На основе анализа 11 современных исследований (2016–2025 гг.) мы проследили цепочку: от формирования установок до конкретных ссор. Особое внимание уделили тому, что стоит между ними: сепарация от родителей, уровень благополучия, тип семьи, культурные особенности и личностные черты. Главный вывод: конфликт — это часто не причина проблем, а их следствие, симптом несоответствия ролевых моделей. Для психолога это значит переход от работы с «ссорами» к работе с системой отношений. В обзоре предложены конкретные шаги такой помощи — от диагностики до переговоров о новых семейных правилах. Статья будет полезна как начинающим, так и опытным специалистам в области семейной психологии и консультирования.

Ключевые слова: ролевые ожидания, супружеский конфликт, поведенческие стратегии, сепарация от родителей, трансформация семьи, психологическое благополучие, удовлетворенность браком, системный подход, клинико-психологическая помощь, семейная система, культурные различия, детско-родительские сценарии.

Role expectations in the modern family: conflict origins, systemic determinants and correction pathways

This article examines how spouses' role expectations affect their behavior in conflicts. Based on an analysis of 11 contemporary studies (2016–2025), we traced the chain: from the formation of attitudes to specific quarrels. Particular attention is paid to what stands between them: separation from parents, level of well-being, family type, cultural characteristics and personal traits. The main conclusion: conflict is often not the cause of problems, but their consequence, a symptom of a mismatch in role models. For a psychologist, this means moving from working with «quarrels» to working with the relationship system. The review suggests specific steps for such assistance — from diagnosis to negotiations about new family rules. The article will be useful for both novice and experienced professionals in the field of family psychology and counseling.

Keywords: role expectations, marital conflict, behavioral strategies, separation from parents, family transformation, psychological well-being, marital satisfaction, systemic approach, clinical-psychological assistance, family system, cultural differences, parent-child scenarios.

Введение

Проблема супружеских конфликтов — одна из самых частых в практике семейного психолога. Высокий процент разводов, особенно в первые годы брака, напрямую связан с неумением пар разрешать противоречия [1]. Но вот парадокс: даже освоив коммуникативные техники, пары часто возвращаются к старым сценариям ссор. Почему? Вероятно, конфликтное поведение — не причина, а симптом. Симптом более глубоких процессов в семейной системе.

На наш взгляд ключевой процесс здесь это ролевые ожидания супругов. Современная семья переживает трансформацию [2]. Старые модели из родительских семей сталкиваются с новой реальностью: равноправием, экономической нестабильностью, разнообразием форм брака. Это столкновение создает постоянный фон неудовлетворенности — идеальную почву для конфликтов [3].

Цель этой статьи — соединить разрозненные данные. Понять, как глубинные установки о ролях превращаются в конкретные ссоры. И главное — как перейти от борьбы со «ссорами» к работе с их корнем в практике психолога. Мы ставим перед собой несколько задач:

- 1) проанализировать, как формируются ролевые ожидания;
- 2) понять механизм их трансформации в конфликтное поведение;
- 3) выявить ключевые опосредующие факторы, включая культурный контекст и незавершенные детские сценарии;
- 4) предложить практические рекомендации для психологической помощи.

1. Теоретико-методологические основы анализа ролевой структуры семьи

1.1. Эволюционный подход: семья в исторической перспективе

Изучать роли в семье можно с разных сторон. Эволюционный взгляд [2] показывает: семья меняется исторически. Авторы подробно описывают переход от традиционных форм брака к современным. Этот процесс не линейный — он сопровождается кризисами и противоречиями. Современные конфликты, с этой точки зрения, — часто «болезни роста» при переходе от патриархата к парт-

нерству. Когда общественные нормы меняются быстрее, чем индивидуальные установки, возникает разрыв. Мужчина может считать себя главным добытчиком, а женщина — ожидать равного участия в домашних делах. Этот разрыв и становится источником напряжения.

1.2. Функциональный подход: кто за что отвечает в семье?

Функциональный подход [4] ищет ответ на вопрос: кто что делает? Рассогласование ролей здесь — сбой системы, мешающий ей работать на благо всех. Семья как социальный институт выполняет конкретные функции: воспитательную, хозяйственную, эмоциональную. Если роли распределены неэффективно, выполнение этих функций нарушается. Например, когда оба супруга работают полный день, но домашние обязанности по-прежнему считаются «женскими», возникает перегрузка у одного и чувство вины у другого. Этот дисбаланс постепенно разрушает отношения.

1.3. Системный подход: все связано со всем

Системный подход для практика наиболее важен. Он видит связь всего: личность → пара → родительская семья → общество. Работа Овсяниковой и др. [5] о сепарации — яркий пример: незавершенное отделение от родителей влияет на конфликты в собственной семье. В системном подходе важно понимать, что изменение одного элемента влияет на всю систему. Например, если женщина начинает больше зарабатывать, это может нарушить сложившееся равновесие в паре, где мужчина традиционно считался кормильцем. Система пытается вернуться к прежнему состоянию — отсюда сопротивление изменениям и новые конфликты.

Объединяя эти подходы, мы получаем инструмент для анализа: и исторический контекст, и текущие функции, и системные связи. Такой комплексный взгляд позволяет не просто констатировать факт конфликта, а понять его глубинные причины.

2. Генезис ролевых ожиданий: от исторических форм семьи к современным вызовам

2.1. Исторический контекст: почему старые модели не работают

Откуда берутся наши представления о семейных ролях? Не только из детства. Исторический контекст формирует их на уровне общества. Современный российский брак, как пишут Сомкин и Данилова [2], переживает трудный переход. От модели с четкими правилами («муж кормилец, жена хранительница очага») — к модели, где правила еще пишутся. Этот переход создает ценностный разлом.

Важно понимать, что этот разлом — не только внешний, но и внутренний. Человек может сознательно принимать

новые ценности, но на бессознательном уровне продолжать следовать старым программам. Это создает внутренний конфликт, который затем проецируется на отношения.

2.2. Социализация: что мы усваиваем в детстве

Молодой человек сегодня получает противоречивые послания. От семьи — часто традиционные установки. От общества — идеалы равенства и самореализации для обоих [6]. Внутренний конфликт может начаться еще до свадьбы. Например, девушка, выросшая в семье, где мама была домохозяйкой, может одновременно хотеть карьеры и чувствовать вину за то, что недостаточно времени уделяет семье.

Интересно, что эти установки формируются не только через прямое научение, но и через наблюдение. Дети усваивают не то, что родители говорят, а то, как они себя ведут. Если отец говорит о равенстве, но не моет посуду, ребенок усваивает двойной стандарт и после, вырастая, может также транслировать его в своей собственной семье.

2.3. Сепарация как ключевой фильтр и риск компенсаторных ролей

Сепарация — ключевой фильтр этого процесса. Данные Овсяниковой и др. [5], полученные на выборке из 100 молодых супругов (50 мужчин и 50 женщин в возрасте 25–45 лет со стажем брака 1–5 лет), четко показывают: низкая сепарация = ригидные ролевые установки. Используя тест на сепарацию Т. А. Бондаренко и опросник «Характер взаимодействия в конфликтных ситуациях» (Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана), авторы выявили, что около трети пар (28 %) имеют низкий уровень сепарации, и именно для них характерны частые конфликты по поводу отношений с родственниками и разногласий в воспитании детей.

Человек либо копирует родительский сценарий, либо, что не менее важно, ищет в партнере компенсаторную фигуру для завершения незавершенных детских отношений. В этом случае брак строится не на партнерстве равных взрослых, а на воспроизведении детско-родительской диады. Например, жена может неосознанно выбирать и провоцировать в муже роль «строгого отца» или «заботливой мамы», а муж — искать в жене «всепрощающую мать» или «требовательного отца-наставника».

Такие отношения характеризуются нарушенной иерархией и размытыми границами: супруги не являются равными партнерами, а играют роли, компенсирующие их неудовлетворенные детские потребности. Ожидания в таких парах часто носят незрелый, абсолютистский характер («он должен всегда меня понимать без слов», «она должна создать мне идеальный дом») и ведут к хронической фрустрации, так как партнер объективно не может и не должен выполнять родительские функции. Успешная сепарация дает противоположное — гибкость и способ-

ность договариваться о ролях, а не просто исполнять заданные или навязанные.

2.4. Пластичность ролевых установок

Примечательно, и важно, что эти установки можно менять. Медведева и Карманова [7] обнаружили: у женщин в повторных браках убеждения отличные от других. В своем исследовании, сравнивавшем установки женщин в первом и повторных браках, авторы показали, что опыт, в том числе конфликтный, заставляет пересматривать ожидания. Это важный вывод для терапии: даже устоявшиеся паттерны поддаются коррекции.

Почему это происходит? Во-первых, жизненный опыт ставит под сомнение прежние убеждения. Во-вторых, с возрастом происходит естественное созревание личности. В-третьих, осознанная работа над собой (в терапии или самостоятельно) позволяет пересмотреть автоматические реакции.

3. Ролевая неконгруэнтность, как ядро конфликта

3.1. Суть неконгруэнтности: когда ожидания не совпадают с реальностью

Что на самом деле стоит за большинством семейных ссор? Несовпадение ролевых ожиданий. Это не просто разное мнение о том, кто выносит мусор. Это столкновение целых жизненных сценариев каждого из партнеров.

Исследования подтверждают: дисбаланс между «я ждал(а)» и «я получаю» — мощнейший источник напряжения [3]. Конфликт рождается в этом взаимодействии. Представьте: один ждет лидера и добытчика, другой ценит равенство и эмоциональность. Разрыв огромен.

Важно, что неконгруэнтность может быть не только межличностной (между супругами), но и внутриличностной. Человек может одновременно хотеть, чтобы партнер был сильным лидером, и сопротивляться любым проявлениям контроля. Это создает у партнера ощущение, независимо от качества его действий, что бы он не делал все будет неправильно.

3.2. Психологические последствия проблемы

Последствием является хронический стресс. Колпакова [8] в своем исследовании молодоженов, используя методики диагностики ролевых установок и шкалы психологического благополучия, показывает прямую связь: конфликтные ролевые установки → снижение психологического благополучия у обоих. Получается замкнутый круг: неудовлетворенность из-за несоответствия ролей порождает ссоры, ссоры ухудшают самочувствие, а плохое самочувствие делает новые конфликты еще более болезненными и частыми.

Почему это так болезненно? Потому что ролевые ожидания тесно связаны с базовыми потребностями: в без-

опасности, признании, принадлежности. Когда партнер не соответствует ожиданиям, это воспринимается как угроза этим потребностям. «Если он не помогает по дому, значит, я для него не важна» — такой ход мыслей характерен для многих конфликтов.

3.3. Контекстуальные факторы: уклад семьи, культурные и межнациональные различия

Исследование Корашвили и Занкариновой [4], сравнивавшее пары с традиционным и партнерским укладом, вносит ключевое уточнение: всё зависит от уклада семьи.

В традиционной семье ссора вспыхнет из-за конкретного невыполнения обязанности: «Ты не обеспечиваешь!» или «Ты не готовишь!».

В партнерской — из-за нарушения принципа справедливости и уважения: «Почему я всегда отвожу ребенка?» или «Ты не спрашиваешь моего мнения».

Отдельным, но не менее значимым контекстуальным фактором выступают межнациональные и межконфессиональные различия. Когда супруги воспитывались в разных культурных или религиозных традициях, их базовые представления о «правильных» семейных ролях, иерархии, обязанностях и нормах взаимодействия могут кардинально различаться. Например, в одной культуре принято, что решение принимает старший мужчина семьи, а в другой ценятся совместные обсуждения. Эти неявные, усвоенные с детства культурные скрипты становятся источником глубокого непонимания и конфликтов, которые сложно разрешить, так как каждый партнер апеллирует к «естественному» и «правильному» порядку вещей, заложенному в его картине мира [2]. Для психолога работа с такими парами требует особой чувствительности к культурному контексту и помощи в создании новой, синтезированной семейной культуры, которая уважает наследие обоих, но не является рабским следованием ни одному из них.

Для психолога понимание этого контекста принципиально важно. Одна и та же ситуация (например, поздняя работа) в разных семьях и культурах будет прочитана совершенно иначе. Понимание контекста — половина успеха в диагностике.

Интересно, что уклад семьи может быть смешанным. Например, в финансовых вопросах пара может придерживаться традиционной модели (муж основной кормилец), а в воспитании детей — партнерской. Это создает дополнительные сложности, потому что правила меняются в зависимости от сферы жизни.

4. Что решает, как мы будем ссориться? Система «фильтров»

4.1. Удовлетворенность браком-главный амортизатор

Ролевое несоответствие есть у многих. Но почему одни пары начинают диалог, а другие — войну? Между глу-

бинным конфликтом и реальной ссорой стоит целая система «фильтров».

Фильтр первый: удовлетворенность браком и личностью. Работа Якиманской [9], изучавшая взаимосвязь личностных черт, удовлетворенности браком и стратегий поведения в конфликте на выборке супружеских пар, четко это показывает. Удовлетворенность — не просто абстрактное чувство. Это ресурс. Пара с высоким уровнем удовлетворенности, даже споря, чаще выбирает конструктив: поиск компромисса, разговор. Почему? Потому что у них есть «эмоциональный банковский счет», на который они могут положиться. Конфликт не угрожает самим отношениям, поэтому его можно обсуждать спокойно.

А вот низкая удовлетворенность (частый спутник ролевой фрустрации) сужает варианты. Остаются либо пассивное избегание («замолчал и ушел»), либо агрессивная атака. Личностные черты работают как усилители: импульсивность, тревожность, низкая эмпатия подталкивают к деструктивному сценарию.

4.1.1. Избегание конфликта, как деструктивная стратегия

Стоит отдельно отметить, что пассивное избегание конфликта («уход», «молчание», «замирание») часто коренится не просто в личностных особенностях, а в специфических семейных установках, усвоенных в родительской семье. Это могут быть послания: «выяснять отношения — стыдно», «конфликт ведет к разрыву», «хорошие люди не спорят». В таких случаях человек воспринимает любую конфронтацию как катастрофическую угрозу отношениям и любой ценой стремится ее избежать. Однако это избегание не разрешает противоречие, а консервирует его, приводя к накоплению невысказанных обид и эмоциональному отдалению. Таким образом, внешне «спокойная» пара может находиться в состоянии глубокого кризиса, где конфликт ушел в подполье, став еще более токсичным и неразрешимым.

4.2. Сепарация: уровень эмоциональной зрелости

Фильтр второй: сепарация и её уровни. Данные Овсянниковой и др. [5] здесь очень показательны. Авторы выделили три уровня, и каждый по-своему определяет картину конфликта. Пары с высокой сепарацией (около трети выборки) демонстрируют больше понимания, эмоциональной близости и уважения. Их разногласия чаще становятся обсуждением проблемы, а не взаимными претензиями. Почему? Потому что они видят в партнере отдельную личность, а не продолжение себя или своих родителей.

При среднем уровне сепарации (наиболее распространенном) есть и автономия, и некоторая зависимость от родительского мнения — конфликты здесь могут быть ситуативными. Например, пара может хорошо договариваться между собой, но ссориться, когда вмешиваются родители.

Самый сложный случай — низкая сепарация. Здесь конфликт почти неизбежно скатывается в детскую игру «ро-

дитель-ребенок»: обвинения, капризы, поиск виноватого. Более того, как показывают данные, именно у этих пар чаще вспыхивают ссоры по поводу отношений с родственниками, разногласий в воспитании детей и борьбы за автономию. Как было отмечено ранее, именно в таких парах чаще всего формируются компенсаторные, детско-родительские паттерны взаимодействия, которые сами по себе становятся источником хронических конфликтов из-за нереалистичных ожиданий и нарушения здоровых границ. Суть спора (ролевое рассогласование) теряется за борьбой за власть или обидой на «вмешательство родителей».

4.3. Агрессия: когда ресурсы исчерпаны

Фильтр третий: агрессия как крайняя точка. Аринин [10] специально изучает этот самый тяжелый вариант. С точки зрения нашей темы, агрессия — это конечная остановка на пути деструкции. Цепочка выглядит так: роли не совпадают → накапливается обида и злость → срываю внутренние ограничения → происходит вспышка (словом или действием). Агрессия здесь — уже не просто ссора, а сигнал глубокого кризиса, когда сил на диалог не осталось.

Важно понимать: агрессия — это не только физическое насилие. Вербальная агрессия (оскорбления, унижения) может быть не менее разрушительной. Она подрывает самооценку партнера и разрушает базовое доверие. После таких ссор восстановить отношения гораздо сложнее.

5. Когда конфликт перерастает в кризис? Точка невозврата

5.1. Определение кризиса: когда система перестает работать

Постоянные ссоры из-за ролей не просто портят настроение. Они ведут семью к опасной черте — системному кризису. Современные исследователи, например, Закирова и Сафиуллина [11], определяют кризис как состояние, когда старые модели (пусть даже ссор) перестали работать, а новые не найдены.

Как это выглядит на практике? Пара может перестать ссориться вообще — не потому, что все хорошо, а потому, что опустили руки. Наступает эмоциональное отдаление. Супруги живут как соседи, делят быт, но не делят жизнь. Это состояние часто более опасно, чем открытые конфликты, потому что создает иллюзию «нормальности», пока отношения тихо умирают.

5.2. Кризисы жизненного цикла: проверка на прочность

Ролевые конфликты — классический «спусковой крючок» для нормативных кризисов: рождение ребенка, смена работы, выход на пенсию. Система проверяется на прочность. Например, с рождением ребенка роли кардинально меняются. Жена может уйти в декрет и почувство-

вать себя «только мамой», муж — ощутить давление ответственности. Если их ожидания от этих новых ролей не совпадают, кризис неизбежен.

Но что, если система изначально была шаткой? Если ролевая структура построена на незрелых установках (как при низкой сепарации), семья может годами жить в состоянии перманентного скрытого кризиса. Не громкие скандалы, а тихое отдаление, описанное Юсуповой и Алексеевой [1]: «тлеющие» обиды, молчаливые упреки, эмоциональная пустота.

5.3. Кризис как возможность: шанс для изменений

Здесь важно увидеть и возможность. Да, кризис — это больно и страшно. Но именно он может стать тем самым моментом истины, который заставит пару наконец сесть и поговорить по-настоящему. Часто — с помощью психолога. Кризис ломает старые, неработающие схемы, открывая путь для новых договоренностей. Работа с острым кризисом иногда оказывается самым коротким путем к решению застарелой проблемы.

Почему кризис может быть полезен? Потому что он снимает защитные механизмы. Когда ситуация становится невыносимой, люди готовы к изменениям, которые раньше казались слишком рискованными. Они начинают слушать друг друга по-настоящему, потому что понимают: иначе будет потеря.

6. Как помочь? Стратегии для психолога: от ссор к договору

6.1. Комплексная диагностика: понять не только как, но и почему

Итак, проблема ясна. Ролевой конфликт — системный, уходит корнями в историю и личность, ведет к кризисам. Что может сделать психолог? Перейти от тушения пожаров-ссор к перепланировке всего дома — семейной системы.

1. Глубокая диагностика — понять корни. Нужно смотреть не только на то, как ссорятся, но и почему. Сюда входит:

Карта ролевых ожиданий каждого: чего он ждет от себя, от партнера, от брака в целом. Можно использовать проективные методики: «Каким ты видишь идеального мужа/жену?», «Как распределялись роли в твоей родительской семье?» Уровень сепарации от родительских семей. Как часто супруги советуются с родителями? Как реагируют на их критику?

Существующий уклад — и насколько он осознан и устраивает обоих. Кто принимает решения? Как распределяются финансы? Особое внимание следует уделить возможным межкультурным различиям и их влиянию на ролевые ожидания.

Личностные особенности, которые «раскачивают» конфликты (тревожность, ригидность, низкая стрессоустойчивость).

Выявление деструктивных установок о самом конфликте, унаследованных из родительских семей (например, установки на то, что конфликт — это плохо и его нужно избегать любой ценой).

6.2. Нормализация и просвещение: снизить тревогу и создать рабочую.

Важно объяснить паре: «Ваши конфликты — не признак того, что вы не подходите друг другу. Это признак того, что ваши внутренние сценарии столкнулись. И теперь ваша общая задача — написать новый сценарий вместе». Это снимает обвинения и создает рабочую атмосферу. Особенно важно нормализовать сам факт наличия разногласий в межкультурных парах, подчеркивая, что различия — это не дефект, а ресурс для создания уникальной семейной культуры.

Здесь полезно использовать метафоры. Например: «Представьте, что каждый из вас пришел в этот брак со своим сценарием пьесы. Проблема в том, что это разные пьесы. Ваша задача — не доказать, чья пьеса лучше, а написать новую, общую».

6.3. Переговоры о новом «уставе»: от борьбы к сотрудничеству

Учиться договариваться — это основная работа. Психолог выступает модератором и медиатором, помогая паре: озвучить свои ожидания и потребности без обвинений («Мне важно чувствовать поддержку в быту» вместо «Ты никогда не помогаешь!»). Критически важно помочь партнерам, находящимся в детско-родительском сценарии, переформулировать родительские по сути ожидания («ты должен меня обеспечивать») во взрослые, партнерские потребности («для моего спокойствия важно, чтобы мы вместе планировали бюджет»). Услышать ожидания партнера, даже если они непривычны. Здесь помогает техника активного слушания: «Правильно ли я понимаю, что для тебя важно...»

Изобрести свои, уникальные решения. Может, финансы ведет тот, кто лучше в этом разбирается, а не «муж». Может, «женские» и «мужские» обязанности меняются раз в месяц. Гибкость вместо догмы. В межкультурных парах решения могут быть синтезом традиций: например, праздновать оба набора праздников, создавая новые семейные ритуалы. Можно вести «семейный протокол» — записывать договоренности, чтобы к ним можно было вернуться.

Зафиксировать договоренности и быть готовыми их менять, когда жизнь изменится. Например, рождение ребенка, переезд, смена работы — все это требует пересмотра правил.

6.4. Работа с сепарацией и детско-родительскими сценариями: основа для зрелых отношений

Работая с сепарацией и детско-родительскими сценариями, мы даем паре основу для зрелости. Если диагно-

стика выявила низкую сепарацию и компенсаторные роли, без этого шага не обойтись. Невозможно строить зрелые отношения с партнером, оставаясь в душе ребенком своих родителей и проецируя родительские фигуры на супруга. Нужна индивидуальная или парная работа, направленная на

1) осознание проекций и компенсаторных ожиданий («Что я на самом деле жду от партнера? Может ли взрослый человек это дать?»).

2) Отделение образа партнера от образа родителя.

3) Укрепление границ с собственными родителями и друг с другом.

4) Принятие взрослой позиции и ответственности за свои потребности.

Конкретные шаги: учиться говорить «нет» родителям, принимать решения без оглядки на их мнение, финансово отделяться, а также учиться видеть в партнере отдельного человека, а не инструмент для заживления детских ран. Это болезненный процесс, но необходимый для создания здоровой семьи.

6.5. Развитие мета-навыков: профилактика будущих конфликтов

5. Развитие мета-навыков — «прививка» от будущих бурь. Параллельно стоит укреплять «иммунитет» пары, особенно работая с установкой на избегание конфликта: учиться распознавать свои и чужие эмоции, успокаиваться в стрессе, слушать не чтобы ответить, а чтобы понять. Ключевой навык — научиться воспринимать конфликт не как угрозу отношениям, а как неизбежную и даже полезную часть совместной жизни, сигнализирующую о необходимости изменений. Эти навыки помогут решать не только ролевые, но и любые будущие разногласия.

Практические упражнения: ведение дневника эмоций, практика «тайм-аута» в конфликте (договориться делать паузу, когда эмоции зашкаливают), обучение технике «я-сообщений», а также упражнения на различение фактов и интерпретаций в ссоре.

Заключение

Суммируя анализ современных эмпирических исследований, охватывающих различные выборки (от молодых до супругов со стажем брака до 5 лет) и использующих валидный психодиагностический инструментарий, можно выделить несколько ключевых тезисов для практики:

Конфликт — это симптом. Бороться только с ним — все равно что сбивать температуру при серьезной болезни. Нужно искать причину — рассогласование ролевых ожиданий, усиленное историческим переходом института семьи и личной историей каждого. Современный психолог должен уметь видеть за ссорой более глубокие процессы.

Между причиной и ссорой — целая система. На то, как именно пара будет конфликтовать, влияет целый набор факторов: насколько они в целом удовлетворены браком, насколько эмоционально выросли из своей родительской семьи (сепарация), каков их личностный склад. Конкретные данные, полученные авторами (например, о распределении уровней сепарации или связи ролевых установок с благополучием), объясняют, почему одним парам достаточно пары сессий, а другим нужна долгая работа. Нет универсальных решений — только индивидуальный подход.

Культурный контекст и детско-родительские сценарии требуют особого внимания. Конфликты могут усугубляться не только личной историей, но и межнациональными различиями, сталкивающими разные традиции. А непродуктивные паттерны избегания или, наоборот, эскалации конфликта часто укоренены в семейных посланиях прошлого. Наиболее деструктивным оказывается сценарий, где супруги, не завершив сепарацию, строят отношения по типу детско-родительских, что изначально обрекает их на нереалистичные ожидания и нарушение границ.

Помощь должна быть системной и многоуровневой. Эффективная стратегия психолога включает:

Диагностику глубин (роли, сепарация, уклад, культурный бэкграунд, деструктивные установки о конфликте).

Просвещение (нормализация конфликта как этапа роста).

Организацию переговоров по созданию нового, гибкого «семейного устава».

Поддержку личностного роста (сепарация, проработка проекций и компенсаторных ролей, навыки регуляции).

Кризис — это и угроза, и шанс. Не стоит его только бояться. Для многих пар именно острый кризис становится тем самым «толчком», который приводит их к психологу и дает мотивацию для глубоких изменений, до которых «в спокойной жизни» руки не доходили. Задача психолога — помочь превратить кризис из угрозы в возможность для роста.

Таким образом, главная задача психолога в работе с ролевыми конфликтами — помочь паре совершить переход: от борьбы друг с другом из-за несоответствия старых схем к совместному творчеству новых правил своей уникальной семьи. Это сложная, но невероятно важная работа — помогать не просто сохранить союз, а наполнить его смыслом и взаимным уважением, которые и делают семью крепостью, а не полем боя.

В конечном счете, работа с ролевыми конфликтами — это работа по созданию семьи как сознательного выбора, а не следования шаблонам. Это путь к отношениям, где каждый может быть собой, уважая индивидуальность другого, и где различия (будь то личные, культурные или исторические) становятся не камнем преткновения, а ресурсом для обогащения общего мира. Именно такие отношения оказываются наиболее прочными и счастливыми.

Литература:

1. Юсупова С. Н., Алексеева В. С. Причины возникновения и формы проявления конфликтов в молодой семье [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72–3. С. 322—325. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vozniknoveniya-i-formy-proyavleniya-konfliktov-v-molodoy-semye> (дата обращения: 30.01.2026).
2. Сомкин А. А., Данилова О. А. Трансформация понятий «семья» и «брак» в современном российском обществе [Электронный ресурс] // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 2 (42). С. 205—219. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiy-semya-i-brak-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 30.01.2026).
3. Покровская С. В., Цветкова Н. А. Молодая семья: особенности ролевых ожиданий и притязаний супругов [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/27PSMN121.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).
4. Корашвили Н. Ш., Занкаринова М. Н. Особенности проявлений конфликтов между супругами в семьях с различным жизненным укладом [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 169—182. URL: https://psyjournals.ru/social_psychology/2018/n3/Korashvili_Zankarionova.shtml (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.17759/sps.2018090312
5. Овсянникова Е. А., Худаева М. Ю., Латышева А. С. Особенности взаимодействия молодых супругов с разной степенью сепарации от родительской семьи [Электронный ресурс] // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т. 10, № 1. С. 94—108. URL: <https://rrpsychology.ru/jour/article/view/826> (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.18413/2712-955X-2024-10-1-94-108
6. Ребенок В. В. Обзор влияния установок и элементов типажа на выбор романтического и брачного партнёра [Электронный ресурс] // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4, № 4. С. 412—419. URL: <https://hum-journal.rzgm.ru/article/view/35743> (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-4-412-419
7. Медведева И. А., Карманова Т. М. Супружеские установки женщин в первом и повторном браках [Электронный ресурс] // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 4. С. 157—163. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/supruzheskie-ustanovki-zhenschin-v-pervom-i-povtornom-brakah> (дата обращения: 30.01.2026).
8. Колпакова А. В. Особенности ролевых установок современных молодоженов и уровень их психологического благополучия [Электронный ресурс] // Психология и психотехника. 2018. № 4. С. 53—64. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29546 (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.7256/2454-0722.2018.4.29546
9. Якиманская И. С. Удовлетворенность браком, особенности личности супругов и выбор стратегий выхода из семейных конфликтов [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10, № 1. С. 198—205. URL: <https://s-gz.ru/article/2024-1-15> (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.37493/2305-8420.2024.1.15
10. Аринин А. Н. Агрессия в супружеских отношениях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 199—213. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2021/n1/Arinin.shtml> (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.17759/psylaw.2021110114
11. Закирова Л. М., Сафиуллина З. Н. Понятие кризиса и выявление критериев семейных кризисов [Электронный ресурс] // Universum: психология и образование. 2025. № 6(132). С. 25—28. URL: <https://universum.com/ru/psy/archive/item/20062> (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.32743/UniPsy.2025.132.6.20062

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Джиу-джитсу: современное состояние, проблемы развития и перспективы совершенствования спортивной подготовки

Кушнер Максим Евгеньевич, студент

Научный руководитель: Пахомов Валерий Валерьевич, преподаватель
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

Джиу-джитсу — спортивное единоборство, сочетающее техническую, физическую, тактическую и психологическую подготовку. В России сформирована современная система спортивной подготовки, однако её дальнейшее совершенствование связано с разработкой специализированных методик, индивидуализацией тренировок, контролем нагрузки, профилактикой травматизма и применением современных методов анализа.

Введение

Результат поединка определяется техническим мастерством, физической подготовленностью, тактическим мышлением и способностью быстро реагировать на действия соперника. Комплексный характер двигательной деятельности — броски, борьба, контроль и применение технических приёмов — требует развития системы физических и психофизиологических способностей. Интерес к японским боевым искусствам в России появился в начале XX века; джиу-джитсу использовалось также как средство физической и прикладной подготовки. Действующий федеральный стандарт спортивной подготовки утверждён приказом Минспорта России от 8 декабря 2025 г. № 1097 и определяет этапы подготовки, требования к физической подготовленности, тренировочной и соревновательной деятельности.

Актуальность

Рост интереса к единоборствам требует повышения эффективности спортивной подготовки. В литературе отмечается использование методических подходов из других единоборств, но специфика джиу-джитсу требует дальнейшей разработки собственных методик. Стандарт предусматривает начальный, учебно-тренировочный этапы, этап совершенствования спортивного мастерства и этап высшего спортивного мастерства. Тренировочная программа должна соответствовать возрасту, квалификации и индивидуальным особенностям спортсмена.

Основные проблемы развития джиу-джитсу

1. Специализированная методика. Необходимо научно обосновывать тренировочный процесс с учётом структуры соревнований и специфики физических и технических качеств; перспективны программы для разных возрастных и квалификационных групп.

2. Соотношение видов подготовки. Подготовка включает общую и специальную физическую, техническую, тактическую, теоретическую и психологическую составляющие. На начальных этапах формируется базовая подготовленность, а с ростом квалификации возрастает значение специальной физической, технической и тактической подготовки. Важно правильно определить переход к специализированной нагрузке.

3. Индивидуализация. Спортсмены различаются по возрасту, физическим возможностям, опыту, антропометрическим характеристикам и стилю ведения поединка, поэтому одинаковая программа не обеспечивает одинаковой эффективности. Моделирование тренировочной и соревновательной деятельности позволяет приблизить занятия к требованиям соревнований.

4. Психологическая подготовка. Спортсмену необходимы концентрация, эмоциональный контроль и способность принимать решения в ограниченное время. Для юных спортсменов особенно важны устойчивая мотивация, взаимодействие с тренером и командой, положительная оценка прогресса и достижимые цели.

5. Травматизм и безопасность. Контактный характер спорта создаёт нагрузку на опорно-двигательный аппарат. Профилактика включает качественную разминку, постепенное увеличение нагрузки, обучение безопасному вы-

полнению технических действий и контроль интенсивности спаррингов.

Современные методы повышения эффективности подготовки

Физическая подготовка формирует основу спортивного мастерства. Для спортсмена важны сила, быстрота, выносливость, гибкость, координация и скоростно-силовые способности. Специальная физическая подготовка должна развивать силовую выносливость, контроль тела, силу мышц корпуса и верхних конечностей, координацию и способность быстро выполнять действия; её средства целесообразно приближать к соревновательным ситуациям без чрезмерной нагрузки.

Техническая подготовка начинается с освоения базовых и безопасных действий, а затем формируется индивидуальный технический арсенал. Мастерство определяется не количеством приёмов, а способностью выбрать нужное действие в конкретной ситуации, поэтому эффективен ситуационный метод обучения. Тактическая подготовка учит учитывать соперника, счёт, время поединка и физическое состояние спортсменов; моделирование соревнований помогает принимать решения в условиях, близких к реальным.

Контроль нагрузки предполагает учёт объёма и интенсивности тренировок, динамики подготовленности, технического прогресса и восстановления. Нагрузка

должна увеличиваться постепенно с учётом функционального состояния. Соревнования на ранних этапах прежде всего дают опыт, а с ростом квалификации возрастает значение результата и отборочных стартов. Квалифицированный тренер должен владеть техникой и тактикой, педагогикой, психологией и основами спортивной медицины, уметь анализировать состояние спортсмена, корректировать программу и предотвращать перегрузки.

Заключение

Джиу-джитсу требует комплексного сочетания физической, технической, тактической и психологической подготовки. Российская система имеет нормативную основу и предусматривает последовательные этапы — от начальной подготовки до высшего спортивного мастерства. Основные проблемы связаны с совершенствованием специализированной методики, индивидуализацией, оптимизацией нагрузки, психологической подготовкой и профилактикой травматизма. Повышению эффективности способствуют моделирование соревновательной деятельности, систематический контроль, индивидуальное планирование и цифровой анализ. Комплексный научно обоснованный подход позволит повышать спортивные результаты, безопасность занятий и устойчивость системы подготовки спортсменов разного возраста и квалификации.

Литература:

1. Лестев А. Е. Джиу-джитсу как культурное явление в Российской империи начала XX века // Казанское востоковедение. — 2022. — Т. 1, № 1. — С. 6–13.
2. Лестев А. Е. Джиу-джитсу в российских органах правопорядка начала XX века // Казанское востоковедение. — 2023. — Т. 2, № 2. — С. 21–28.
3. Левицкий А. Г., Блит К. К. Спортивное джиу-джитсу: современное состояние и перспективы развития // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2006. — № 21. — С. 43–47.
4. Романов Р. В. Подготовка квалифицированных спортсменов в джиу-джитсу на основе моделирования тренировочной и соревновательной нагрузки // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2011. — № 11 (81). — С. 130–133.
5. Пастушенко Е. Е., Малахова О. Е. Влияние объема общей и специальной физической подготовки на качество спортивной подготовленности юных спортсменов джиу-джитсу // Вестник спортивной науки. — 2016. — № 3. — С. 15–17.
6. Малахова О. Е., Пастушенко Е. Е., Опейкин М. В. Взаимосвязь развития специальных качеств юных спортсменов 9–10 лет в джиу-джитсу // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2017. — № 6 (148). — С. 138–140.
7. Соколов А. А. Формирование спортивной мотивации у юных борцов джиу-джитсу по методике А. В. Шаболтас // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2023. — № 6 (220). — С. 395–399.
8. Иванова А. И., Румянцева О. А. Актуальность технологии развития мотивации к занятиям джиу-джитсу в современных реалиях // Вестник магистратуры. — 2024.
9. Пастушенко Е. Е., Малахова О. Е., Жирнов А. С., Умаров М. М. Повышение физических качеств борцов джиу-джитсу на начальном этапе подготовки с помощью метода синаптической фасилитации // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2025. — № 4. — С. 29–36.
10. Министерство спорта Российской Федерации. Приказ от 8 декабря 2025 г. № 1097 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта „джиу-джитсу“». — М., 2025.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Сосуществование романтического и обывательского мировосприятий в повести А. С. Грина «Алые паруса» и в современном обществе

Лебедько Наталья Анатольевна, учитель
МОБУ СОШ № 12 имени Лабинского А. С. г. Сочи (Краснодарский край)

Работа посвящена размышлениям о человеке, его мировосприятии, взаимодействию с обществом.

Проблема сосуществования мировосприятий человека, изображённая А. С. Грином в повести «Алые паруса», актуальна и в современном обществе.

Изучив литературу о человеке в системе социальных взаимодействий, был сделан вывод: наше время позволяет человеку совершить мировоззренческое самоопределение. Обыденное мировосприятие оставляет человека на уровне житейских забот и не даёт ему оснований для ориентации в современном мире. А осуществление мечты надо приближать только своим трудом и верой.

Введение

Не кажется ли вам, что вопросы «Кто есть я?», «Как устроен мир?» не имеют ответов. И в юности они стоят особенно остро. В это время важно открыть для себя книгу. Не пробежать глазами строки, чтобы больше никогда к ним не возвращаться, а именно открыть. Ведь школьные годы — самое благоприятное время для осмысления, изучения.

В книгах мы ищем то, чего нам не хватает в жизни. Или смотрим в книгу, как в зеркало, находим там отражение того, что происходит у нас в душе. Бесспорно, книга развивает в человеке чувство прекрасного, фантазию, воображение, учит его видеть и понимать красоту самой жизни.

Проблема сосуществования мировосприятий человека, изображённая писателем, актуальна и в современном обществе. Что происходит с современным человеком? Почему мы думаем только о рутинных проблемах?

Почему не боремся за Человека, проникнутого высокими чувствами в самом себе, не ценим окружающий нас мир, живём только мелкими личными интересами? Почему и в XX, и в XXI веке так мало романтиков и так много обывателей? Повесть А. С. Грина заставила нас задуматься о природе человека, его мировосприятии, поведении.

Основная часть

«Когда дни начинают пылиться и краски блекнуть, я беру Грина. Я раскрываю его на любой странице. Так весной протирают окна в доме. Всё становится светлым, ярким, всё снова таинственно волнует, как в детстве.

Грин — один из немногих, кого следует иметь в походной аптечке против ожирения сердца и усталости...», — пишет о творчестве А. Грина наш современник, писатель Даниил Гранин. [3. с. 247]

Романтическая сказка А. Грина «Алые паруса» была написана в самую жестокую пору гражданской войны, в годы разрухи, когда человеческая жизнь обесценивалась. И именно в 1923 году писатель утверждал в повести право человека на счастье, возвышенную красоту любви, величие добра. Его герои не только неистовые мечтатели, но и творцы своего счастья.

Мир произведений А. Грина — это особый мир. Родившийся и росший в российской глубинке, в Вятке, писатель всю жизнь мечтал о море. Годы унижений и голода не смогли убить живую душу писателя, его стремление уйти в мир светлой мечты. Грин не стал капитаном, но больше всего на свете дорожил капитанской фуражкой. А на капитанском мостике оказались его герои. Автор силой своей фантазии построил красивую страну Гринландию, создал море, которое покоряют чистые сердцем люди, придумал города Зурбаган, Лисс, населил их благородными людьми, которых так и не встретил в России.

Замысел родился в 1916 году. Однажды в магазине игрушек Грин увидел лодочку с острым парусом из белого шёлка. Раньше, в эпоху Ренессанса, парус являлся атрибутом фортуны (удачи), символом красоты, воплощённой мечты.

Далеко не всем читателям известно, какая нелёгкая и горькая жизнь выпала на долю этого человека, который умел давать другим столько радости, веры в свои творческие силы, учил истинному благородству чувств и способ-

ности мечтать, так как сам был очень мечтательным и романтичным.

Фантастическое и реальное, случайное и закономерное сплелось в рыбацкой деревушке Каперна, где живут герои «Алых парусов». Герои Грина часто противопоставлены ей, монотонной и однообразной жизни, где непохожесть Ассоль, Грэй, Лонгрена вызывает удивление у обывателей Каперны. «У вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен ...», — говорит Ассоль старый Эгль, предсказавший ей необыкновенное будущее. Этот мир, напуганный страшной местью Лонгрена Меннерсу, отталкивает от себя девочку. Она растёт без подруг. Её сверстницы «вычеркнули маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания». А может это и к лучшему?

Каперна — деревушка, в которой живут грубые, не способные воспринимать мир во всём его богатстве красок и звуков люди. Их интересы не уходят дальше посещений трактира, вульгарных шуток и «грязных» анекдотов. Даже такое прекрасное чувство, как любовь, этим обывателям не дано пережить и понять, все их ощущения приземлены и вульгарны. О людях, не желающих видеть и чувствовать прекрасное, пишет Роберт Рождественский:

Как страшно мне,
что люди привыкают,
открыв глаза,
не удивляться дню ...
Ловить Жар-птицу
для жаркого с кашей.
А золотую рыбку — для ухи.

Чем вызвано одиночество Ассоль и права ли она, отгородившись от большинства? Ведь большинство всегда право ... И тогда останется только «ловить Жар — птицу ...». Однако героиню в такой роли нам представить невозможно. Когда — то Марк Аврелий сказал: «Лучший способ защититься — не уподобляться». Ассоль, интуитивно осознав эту истину, сделала её своим правилом жизни. Вспомним рубаи О. Хайяма, созвучное рассматриваемой ситуации и делающее понятным контраст между Ассоль и той средой, которую представляет собой Каперна:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало. [12. с. 614]

Ассоль, живя в стороне от мира обывателей, научилась воспринимать мир как сказку. Деревья, цветы, рассказы Лонгрена заменили ей людей. Мир был прекрасен и полон тайн.

Прав был Лонгрэн, поддержавший мечту дочери об алых парусах, знавший, что в жизни ей придётся немало видеть «не алых, а грязных и хищных парусов: издали — нарядных и белых, а вблизи рваных и наглых». Ещё в детстве Ассоль пришлось столкнуться с ложью, издевательствами, насмешками, оскорблениями.

Что же помогло ей выстоять? Вера в мечту, в то, что сбудется предсказанное Эглем: «Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать

к тебе руки». Сказке о принце под алыми парусами помогла осуществиться и незаурядная воля Ассоль, ждавшей и верившей.

Её принц шёл к осуществлению своей мечты иными путями. Ассоль верила и ждала, он действовал. Его «алыми парусами» была мечта о море. Грэй не захотел продолжать «линию фамильного начертания». «Он родился капитаном, хотел быть им и стал». Как и Ассоль, он жил в своём мире, отличном от мира и судьбы родителей. Если у Ассоль были романтические рассказы о море отца, то у Грэя — книги. Мальчик остро чувствовал чужую боль, он замазывает на дорогой картине, изображающей распятие, гвозди на окровавленных руках Христа. «Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу», — объясняет он отцу свой поступок. Он оказался способным проникнуться болью и мечтой Ассоль, понять её, ведь понимание — это основа человеческих отношений, и приплыть к ней под алыми парусами.

Путь к мечте у Грэя — это напряжённый труд, преодоление себя, путь физического и духовного мужания. «Грэй шёл к цели со стиснутыми зубами и побледневшим лицом», — читаем в повести. Он в пятнадцать лет тайно покидает дом родителей, становится юнгой на шхуне «Ансельм». Не дождался капитан Гоп жалоб от юнги, хотя Грэю приходилось нелегко. Его сшибало с ног петлёй якорной цепи, канат сдирал кожу с ладоней, ветер бил в лицо мокрым углом паруса. Он сносил насмешки и оскорбления. Грэй хотел стать настоящим моряком и выстоял.

Судьба наградила героев Грина за стойкость и мужество, за «высоту духовного зрения», умение видеть и понимать скрытый смысл событий, за верность мечте. Только ли в сказках возможно такое? Нам кажется, нет. Мечты сбываются у тех, кто терпелив, верен своему призванию, назначению, идеалу, кто трудится, не боится жизненных бурь.

Подобная ситуация противостояния героев, имеющих собственную позицию, и толпы, стремящейся сломать личность, уподобить себе, характерна и для реальной жизни. А как сосуществует романтическое и обывательское мировосприятия в современном обществе?

Человек не сам по себе, он часть Вселенной, и в то же время каждый — это целый мир. Мы приходим в этот мир незапятнанными и свободными. Ничто пока не застрагивает наши светлые и тёмные стороны души.

Подняв лицо к небу, мы можем увидеть всё, что создала природа: восход и закат, движение светил, плавный ход Вселенной.

В чём загадка человека? Есть ли смысл в человеческой жизни? Какова роль мировоззрения в жизни человека? Не завершены споры о человеке и сегодня и вряд ли завершатся когда-либо.

В самом простом, наиболее распространённом понимании мировоззрение — это совокупность взглядов человека на мир, который его окружает. Есть и другие близкие мировоззрению слова: миропонимание, миросозерцание. Все они предполагают, с одной стороны, мир, который

окружает человека, а с другой — то, что связано с деятельностью человека: его ощущение, созерцание, понимание, его воззрение, взгляд на мир.

Из школьного учебника «Обществознание» мы узнаём, что «мировоззрение — это целостное представление о природе, обществе, человеке, находящее выражение в системе ценностей и идеалов личности, социальной группы, общества». [1. с. 40–43]

От чего зависит то или иное мировоззрение?

Мировоззрение человека носит исторический характер: каждой исторической эпохе присущи свой уровень знаний, свои проблемы, свои подходы к их решению, свои духовные ценности.

Какую же роль играет мировоззрение в деятельности людей?

Во — первых, именно мировоззрение даёт человеку ориентиры и цели для всей его деятельности. Во — вторых, именно мировоззрение позволяет людям понять, как лучше достичь намеченных ориентиров и целей, вооружает их методами познания и деятельности. В — третьих, на основании содержащихся в мировоззрении ценностных ориентаций человек получает возможность определять истинные ценности жизни, отличать действительно важные для деятельности человека в достижении им поставленных целей от того, что реального значения не имеет. Именно в мировоззрении содержится понимание человеком мира и тенденций его развития, человеческих возможностей и смысла деятельности.

Существует много типов мировоззрения, но мы сейчас поговорим о совокупности взглядов на мир обывателей и романтиков.

В словаре В. И. Даля читаем значение слов «обыватель» и «романтик».

Обыватель — это ...

1) житель царской России (купец, мещанин, ремесленник), а также вообще житель, относящийся к податным сословиям;

2) человек, лишённый общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами. [6. с. 428]

Оказывается, на эту тему даже есть выражения:

«Превратиться в обывателя».

«Обывательское настроение».

Обыденщина — повседневная, скучная жизнь, повседневный однообразный вид. [6. с. 429]

Романтик — это ...

1) последователь романтизма;

2) человек, склонный к романтизму;

3) человек, проникнутый романтикой, высокими чувствами.

Романтика — то, что содержит идеи и чувства, эмоционально возвышающие человека, условия жизни, обстановка, содействующие эмоционально — возвышенному мироощущению. [6. с. 567]

Прочитав толкование слов, мы пришли к выводу: обывателей много в наши дни. Как формируется обывательское мировоззрение?

В наше время массовая культура оказывает большое влияние на сознание, мировоззрение людей. Она приносит большие деньги, экономически стабильна, в то время как настоящая то и дело оказывается ненужной. В обществе появляются люди без духовных запросов. Это люди, которые стремятся жить «как все», «не выделяться». Именно поэтому они готовы преследовать тех, кто не похож на них как по образу жизни, так и по образу мыслей, ощущений, взглядов на мир.

Н. С. Гумилёв назвал обывателей «гармоничными личностями, высокие порывы которых уравновешены тягой к достатку и спокойной жизни. Из них получаются честные труженики, крепкие хозяева, отцы семейства». [5. с. 144]

Психологию обывателя начали изучать давно. Французский учёный Г. Лебон в книге «Психология масс» писал: «Обывателю знакомы только простые и крайние чувства ...». [8. с. 27] Значит ли это, что обыватель, даже образованный, туп и ни на что не способен? Отнюдь. В Интернете [13.1] читаем информацию: «Подавляющая масса жителей любой страны — это обыватели, они сами по себе и не плохи, и не хороши ...».

Без сомнения, проблема разных мировосприятий актуальна и в наше время, но людей со своим взглядом на жизнь, с нравственной душевной чистотой, умеющих осуществлять мечту гораздо больше.

Мы живём в постоянном общении с себе подобными. Каждый из нас обладает разумной способностью, которая позволяет познавать мир и оценивать его. У каждого из нас много забот, проблем. Мы часто забываем о том, что мир прекрасен. Мы часто не замечаем красоты окружающего нас мира.

Читаем главу «Разговор со случайным знакомым» из «Поэмы о разных точках зрения» Роберта Рождественского:

— Смотри, как дышит эта ночь.

Звезда, уставшая светить, упала, обожгла плечо.

— Чо?

— Смотри, как вкрадчивый туман прижался к молодой воде.

— Где?

— Он полночью поклялся ей, он взял в свидетели луну.

— Ну?!

— Они сейчас уйдут в песок, туда, где не видать ни зги.

— Ё!..

— И, ощутив побег реки, в беспамятстве забьётся ёрш.

— Врёшь!

— Да нет, я говорю тебе, что столько тайн хранит земля, берёзы, ивы и ольха.

— Ха!..

— А сколько музыки в степях, в предутреннем дрожанье рос.

— Брось!

— Да погоди! Почувствуй ночь, крадущийся полёт совы, сопенье медленных лосих.

— Псих!

— Послушай, разве можно так: прожить — и не узнать весны, прожить — и не понять снега.

— Ага!..

Что сближает эти два произведения: Грина и Рождественского? Контраст жизненных позиций, мировоззрений и мироощущений. Мы, современное поколение, не должны жить только мелкими интересами. Чтобы не утонуть в быту и повседневных заботах в век прогресса и высоких технологий, надо открыть в себе живые чувства, способность ценить прекрасное, мечтать, воплощать мечту в действительность.

Заключение

Есть такие произведения, которые входят в нашу жизнь и остаются с нами навсегда. Феерия А. С. Грина «Алые паруса» заставила задуматься нас о смысле жизни, о нравственном выборе, о жизненных ценностях. Мы знаем теперь, что мир состоит из контрастов жизненных позиций и мировоззрений. В век прогресса, когда люди часто теряют своё лицо в погоне за удовольствиями и материальным благосостоянием, многим трудно остановиться и подумать: куда мы идём.

Каждый из нас должен сделать мировоззренческое самоопределение, изменить своё отношение к миру, попы-

таться понять самого себя, научиться ценить и любить друг друга, забыв о зависти, лжи, лицемерии, корысти. Особенно это касается молодого поколения, ведь именно за ним будущее нашей Родины, она наша главная надежда и опора.

Александр Грин рассказал в повести «Алые паруса» историю исполнившейся мечты. Вся жизнь автора была подчинена мечте, она согревала ему душу и помогла не обзлиться в мелочной суете серых будней.

У каждого из нас должна быть мечта. Далёкая или близкая, она всегда зовёт и заставляет идти ей навстречу. Мечты сбываются, когда желание превращается в цели.

Перед нами книга о нас и для нас. О том, как не часто бывает, но должно быть обязательно. О том, что воплотить мечту в жизнь удаётся не каждому человеку, что это большой труд души, но стремиться к осуществлению своей мечты нужно всем. Выйти из тьмы бездуховного существования — такая возможность заложена в каждом из нас. Если труд будет одухотворён мечтой, то мы обязательно испытаем торжество над прозаическими и обывательскими представлениями о жизни. Всё высокое, необычное и прекрасное возможно, надо только бороться за него!

Литература:

1. Боголюбова Л. Н. Обществознание. Москва: Просвещение, 2010. — 351 с.
2. Бушко О. М. Школьный словарь литературных терминов. — Калуга: Золотая аллея, 1999. — 64 с.
3. Гранин Д. Размышления о настоящем и будущем. Москва: «Советский писатель», 1976. — 712 с.
4. Грин А. С. Алые паруса. Сухуми: «Алашара», 1986. — 318 с.
5. Гумилёв Н. С. День и ночь. Москва: «ЭКМО», 1997. — 114 с.
6. Даль В. И. Большой толковый словарь русского языка: современное написание: — М: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. — 349 с.
7. Кравченко А. И. Обществознание: Москва: ТИД Русское слово — РС, 2003–136 с.
8. Лебон Г. Психология масс. Москва: Астрель, 2005. — 148 с.
9. Левики В. В., Небольсина С. А. Поэзия народов мира. — М. Детская литература, 1986. — 719 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Под общей редакцией профессора Л. И. Скворцова. — М: ООО «Издательство Оникс», 2007. — 1200 с.
11. Салыгин Е. Н., Салыгина Ю. Г. Обществознание. Москва: Вентана — Граф, 2008–272 с.
12. Рождественский Р. И. Удостоверение личности: — М: ЭКСМО, 2007. — 720 с.
13. Интернет-ресурсы: <http://www.psychologos.ru>

Теория релевантности в анализе перевода эвфемизмов (на материале русского перевода романа «Речные заводы»)¹

Чжан Чань, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Цзянсукий океанологический университет (г. Ляньюньган, Китай)

В статье с позиций теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсона рассматривается перевод эвфемизмов в классическом китайском романе «Речные заводы» (перевод А. П. Рогачёва). Эвфемизмы анализируются в качестве культурно-специфических косвенных речевых актов, требующих от переводчика особых когнитивных усилий. На примере самоуничижительных обращений, дифференциальных формул и семантического смягчения пейоративов показано, как переводчик,

¹ Настоящая статья является промежуточным результатом проекта «Исследование перевода текстов с русскими эвфемизмами на основе теории релевантности» (№ 2024SJYB1339) в рамках Программы философских и социальных наук вузов провинции Цзянсу.

выступая в роли двойного коммуниканта, реконструирует остенсивно-инференциальные связи, балансируя между сохранением культурной специфики оригинала и когнитивной адаптацией перевода к восприятию русским читателем. Достижение оптимальной релевантности возможно при целенаправленной контекстуальной компенсации и функциональной эквивалентности, тогда как механистическая редукция эвфемизмов ведёт к прагматическому сбою и утрате исходного коммуникативного эффекта.

Ключевые слова: теория релевантности, перевод эвфемизмов, Речные заводы, когнитивный контекст, оптимальная релевантность, остенсивно-инференциальная коммуникация.

A relevance-theoretic study of euphemism translation (based on the Russian translation of «Outlaws of the Marsh»)

Zhang Chan, candidate of philological sciences, senior lecturer
Jiangsu Oceanological University (Lianyungang, China)

From the perspective of Sperber and Wilson's relevance theory, this article examines the translation of euphemisms in the classic Chinese novel Outlaws of the Marsh (Russian translation by A. P. Rogachev). Euphemisms are analyzed as culture-specific indirect speech acts that require particular cognitive effort on the part of the translator. Drawing on examples of self-deprecating forms of address, deferential formulas, and the semantic attenuation of pejoratives, the study demonstrates how the translator, acting as a dual communicator, reconstructs ostensive-inferential links while balancing fidelity to the source culture with cognitive adaptation for the Russian reader. Optimal relevance can be achieved through deliberate contextual compensation and functional equivalence, whereas the mechanistic reduction of euphemisms leads to associative failure and loss of the original pragmatic effect.

Keywords: Relevance Theory, translation of euphemisms, Outlaws of the Marsh, cognitive context, optimal relevance, ostensive-inferential communication.

Роман «Речные заводы» принадлежит к вершинам китайской классической прозы и отличается насыщенной системой церемониальной коммуникации. Эвфемизмы, функционирующие в рамках иерархического самоуничижения и социального дистанцирования, являются одной из ключевых проблем перевода. Их передача требует не лексической подстановки, а когнитивной реконструкции контекстуальных предпосылок, актуальных для исходной культуры. Традиционные парадигмы формальной или динамической эквивалентности часто оказываются неэффективными при столкновении с высококонтекстуальной китайской речью. В ней значение определяется не только денотатом, но и когнитивным окружением, которое активируется в ходе инференции. Теория релевантности (Спербер, Уилсон 1995; Гутт 2000) позволяет рассматривать перевод как двойную остенсивно-инференциальную коммуникацию (ostensive-inferential communication), а переводчика — одновременно как реципиента оригинала и как коммуниканта, обращающегося к целевой аудитории.

Цель статьи — на основе теории релевантности проанализировать стратегии перевода эвфемизмов, реализованные А. П. Рогачёвым, выявить механизмы достижения оптимальной релевантности и определить причины прагматических сбоев.

Центральным тезисом теории релевантности является остенсивно-инференциальная природа коммуникации: говорящий посредством остенсивных стимулов направляет внимание адресата на совокупность контекстуальных предположений, внутри которых тот выводит

коммуникативное намерение. Релевантность определяется соотношением контекстуального эффекта и усилий по обработке [6, с. 49–63].

В переводоведении Э. А. Гутт трактует перевод как интерлингвальную интерпретацию, состоящую из двух этапов: сначала переводчик как адресат восстанавливает интенцию автора, опираясь на собственную когнитивную среду, затем как коммуникант конструирует текст перевода, оптимизируя релевантность для целевого читателя и перераспределяя остенсивные подсказки с учётом доступных тому контекстуальных знаний [1, с. 66–70].

Эвфемизм по своей природе представляет собой «слабую остенсию». Он намеренно маскирует часть информации — табуированный объект, негативную оценку или социальную дистанцию. Тем самым он вынуждает адресата активировать дополнительные предпосылки для извлечения подразумеваемого смысла. При переводе это создаёт дилемму: сохранение формы эвфемизма часто ведёт к когнитивному диссонансу, тогда как полная нейтрализация разрушает прагматический эффект подлинника.

В тексте романа выделяются следующие классы эвфемизмов, требующие переводческой рефлексии:

1. **Самоуничижительные обращения**, реализующие стратегию «негативного лица» в конфуцианской иерархии.

Обращение 小人 (сяожэнь, букв. «маленький человек») служит прагматическим маркером самоуничижения и одновременно активирует конфуцианскую оппозицию «благородный — мелкий человек». В эпизоде отказа Ван

Цзиня: «小人怎敢!其实患病未痊» — перевод А. П. Рогачёва: «*Ваш нижайший слуга, конечно, не осмелился бы остаться дома, если бы действительно не был болен*» [4, с. 49].

Переводчик корректно идентифицирует коммуникативное намерение: передать не просто факт болезни, а ритуализированное самооправдание и демонстрацию подчинения. Лексема «*нижайший слуга*» активирует в когнитивной среде русского читателя феодально-иерархические предпосылки, а модальная конструкция «*конечно, не осмелился бы*» эксплицирует импликацию вынужденной покорности. Это снижает когнитивные усилия и сохраняет контекстуальный эффект — осознание социальной дистанции и страха. Таким образом, достигнута оптимальная релевантность: перевод воспроизводит инференциальную структуру речевого акта без калькирования формы.

2. Деференциальные (почтительно-дистанцирующие) формулы, выражающие дистанцирование и смягчение контакта.

Система китайских вежливых обращений 敬语 (цзинъюй) в переводе подвергается структурному коллапсу: богатый арсенал почтительных номинаций последовательно редуцируется к нейтральным формам. Эвфемизм 贵恙 (гуйян, досл. «благородная болезнь») содержит остенсивный маркер 贵 (благородный), принуждающий к инференции уважения и дистанции; в русском языке механизм «благородизации» негативных состояний отсутствует. Аналогично 员外 (юаньвай, внешний — вежливое обращение к землевладельцу-нечиновнику) нейтрализуется до прямой номинации.

В переводе Рогачёва обе единицы утрачивают социально-прагматическую маркированность: читатель получает пропозициональное содержание, но оказывается лишённым возможности вывести иерархические импликатуры. С позиции теории релевантности это классический случай когнитивного разрыва: изъятие остенсивных подсказок, необходимых для активации культурной схемы, повышает когнитивные усилия до критического уровня, а ожидаемый прагматический эффект не достигается. Для восстановления релевантности здесь требовалась бы контекстуальная компенсация (сноска или внутритекстовый комментарий).

3. Смягчение пейоративной лексики, где перевод балансирует между оценочностью оригинала и когнитивной доступностью для иноязычного читателя.

Термин 破落户 (полюху, разорившийся бездельник, моральный дегенерат) в описании Лу Чжишэня: «引着那二三十个破落户»... — переведён как «шайка бездельников» [4, с. 269]. Исходная лексема активирует сложную культурную схему (экономический крах → моральная деградация → социальная маргинализация), тогда как русское *бездельники* сокращает инференциальный путь, сохраняя ключевой прагматический эффект — негативную социальную оценку. Это пример оправданного смягчения, поскольку когнитивная среда русского читателя не со-

держит понятия о социальном типе «разорившегося домовладельца эпохи Сун».

Аналогичная логика прослеживается в переводе прозвища 花花太岁 (хуахуа тайсуй, развратный небожитель Тайсуй). Оригинал конструирует сложный культурный образ, сочетающий сексуальную распушенность и мифологический террор. Тайсуй — это божество-покровитель года; прикосновение к нему сулит беду, что придаёт прозвищу оттенок неприкасаемости чиновника. Переводчик, осознавая, что когнитивная среда русского читателя не содержит схемы «Тайсуй», редуцирует образ до «*Развратника*» [4, с. 110], эксплицируя лишь сексуальную составляющую. Контекстуальный эффект сохраняется на уровне минимально необходимой релевантности: читатель идентифицирует персонажа как тирана-развратника, однако культурная глубина и ассоциативный ореол утрачены.

Сопоставление рассмотренных случаев позволяет выделить условия достижения оптимальной релевантности при переводе эвфемизмов:

- Наличие когнитивного интерфейса — функционального аналога в целевой культуре (ср. феодально-служебная иерархия для 小人). При его отсутствии (贵恙 «благородная болезнь») требуется компенсация.

- Оптимальный баланс между экспликацией и экономией — переводчик добавляет остенсивные подсказки (модальные конструкции), компенсируя отсутствие специальной лексемы, но не перегружает текст избыточными комментариями.

- Сохранение инференциальной структуры — перевод может сокращать промежуточные звенья инференции (как в случае с *бездельниками*), если целевой читатель не может их восстановить без неоправданных затрат.

Таким образом, перевод эвфемизмов представляет собой не техническую замену слов, а когнитивную операцию по перекодированию социальных сценариев. Чрезмерная нейтрализация ведёт к плоскому восприятию, избыточная экспликация — к разрушению эстетического эффекта. Теория релевантности обосновывает выбор не через дихотомию «верность / измена», а через способность текста перевода направлять читателя к оптимальному соотношению когнитивного выигрыша и затрат.

Перевод эвфемизмов в романе «Речные заводы» демонстрирует объяснительный потенциал теории релевантности для анализа межкультурной коммуникации. Эвфемизм как «слабая остенсия» опирается на общие культурные предпосылки, при переносе в иную когнитивную среду требует реконструкции. А. П. Рогачёв успешно достигает оптимальной релевантности в случаях, когда в русской культуре присутствует функциональный аналог (самоуничижительное обращение *нижайший слуга*), и сталкивается с прагматическим сбоем при переводе деференциальных формул, требующих компенсации. Перспективы исследования связаны с построением моделей перевода высококонтекстуальной культурно-специфической лексики на основе когнитивных теорий.

Литература:

1. Гутт, Э. А. Translation and Relevance: Cognition and Context / Э. А. Гутт. — 2nd ed. — Manchester: St. Jerome Publishing, 2000. — 208 p. с. — Текст: непосредственный.
2. Кильмухаметова, Е. Ю. Основные понятия теории релевантности / Е. Ю. Кильмухаметова. — Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2006. — № 291. — С. 123–127.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. — М.: ЭТС, 2002. — 424 с. — Текст: непосредственный.
4. Рогачёв, А. П. Речные заводы: роман в 2 т. / А. П. Рогачёв. — М.: Гослитиздат, 1959. — Т. 1. 496 с.; Т. 2. 528 с. с. — Текст: непосредственный.
5. Nida, E. A. Language and Culture: Contexts in Translating / E. A. Nida. — Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. — 288 с. — Текст: непосредственный.
6. Sperber, D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. — 2nd ed. — Oxford; Cambridge: Blackwell, 1995. — 326 p. с. — Текст: непосредственный.
7. Ван, Цзяньго Ассоциативная теория и исследования перевода / Цзяньго Ван. — Пекин: China Translation & Publishing Corporation, 2009. — 240 с. — Текст: непосредственный.
8. 郑德虎 中国文化走出去与文化负载词的翻译 [Чжэн Дэху. Выход китайской культуры за рубеж и перевод культурно-нагруженной лексики] / 郑德虎. — Текст: непосредственный // Shanghai Journal of Translators. — 2016. — № 2. — С. 32–37.

ФИЛОСОФИЯ

Основные аспекты философии Камю и их отображение в творчестве и современности

Афанасьев Глеб Андреевич, студент

Научный руководитель: Бужор Евгения Сергеевна, кандидат философских наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор исследует фундаментальные понятия философии Камю на экзистенциальном уровне и находит их отображение в изобразительном искусстве и феноменах современного общества.

Ключевые слова: абсурд, бунт, бунтующий человек, свобода, страсть, абсурдное искусство, Камю.

Введение

Альбер Камю (1913–1960 гг.) — весьма противоречивая личность, что хорошо проявляется уже на моменте определения того, кем он был. Прежде всего — писателем, но также его традиционно считают философом-экзистенциалистом или абсурдистом, однако сам он себя таковым не считал и отказывался от этих ярлыков на протяжении своей жизни [1]. Несмотря на такое самоопределение Камю, можно с уверенностью говорить, что он привнёс огромный вклад не только в литературу, но и в философию, за что был удостоен в 1957 году Нобелевской премии и по праву считается одним из ключевых мыслителей XX столетия.

XX век характеризовался появлением тоталитарных и радикальных идеологий и двумя мировыми войнами, которые оказали значительное влияние на всё человечество. В философии же под их влиянием разросся кризис рационализма, происходила глубокая переоценка ценностей. Такой контекст не мог не повлиять на становление Камю как мыслителя и чётко отразился в его творчестве, так основной темой его эссе и произведений стало «абсурдное жизненное чувство», из которого возникает вопрос о том, достойна ли жизнь того, чтобы её прожить [2].

Этот вопрос является ключевым в эссе «Миф о Сизифе», но больше нам интересен не сам вопрос, а следствия из него. Камю смог развить его в целую систему убеждений, связанных с понятиями абсурда — противостояния человека и мира, и бунта — понимания как жить в условиях чувства абсурда, тем самым развив абсурдизм в самостоятельную систему философских ценностей и став одним из ключевых мыслителей абсурда.

В данном эссе мы проанализируем «Миф о Сизифе», таким образом затрагивая только экзистенциальный уро-

вень философии Камю, отображённый в двух понятиях — абсурд и бунт. После же мы попытаемся найти их отображения в изобразительном искусстве и современности, определив актуальность мыслей философа.

Понятие абсурда

Само по себе слово «абсурд» значит бессмыслицу, нелепость, какое-то противоречие. Для того, чтобы понять между чем противоречие, проанализируем ход мысли писателя, при помощи которого он пытается донести абсурд до читателя. Важно отметить, что эссе Камю написано в живом, больше литературном стиле, так как это позволяет читателю именно прочувствовать абсурд, а не просто понять его теоретически. По этой причине в этом эссе мы попытаемся сохранить именно живое пояснение абсурда, но в тоже время его формализовав точнее.

Камю приводит пример обычного человека, который живёт ничем непримечательную рутинную жизнь: «Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме...» [2]. Но однажды скука, порождаемая такой жизнью, заставляет человека взглянуть за пределы рутины и задать вопрос касательно жизни: «Зачем?». Это вопрошание порождает два начала — либо возврат в рутину жизни, либо же дальнейшее пробуждение. Второй вариант и является наиболее интересным. Это пробуждение можно описать как переход к созерцанию мира и рождению активного запроса на понимание мира, смысла жизни.

Как и любое стремление, оно должно куда-то направляться, а лучше — приходить к какому-то конкретному выводу. Камю рассуждает об этом и приходит к заклю-

чению — его неизбежным выводом является, что мир непознаваем. Сколько бы ни пытались мыслители найти некий Абсолют или смысл — не вышло. Мир, и даже человек в нём — чужды и недоступны для понимания до конца. Тем не менее, эти мыслители всё-таки пытались понять мир усердно и долго, тратили свои жизни на это. Обычный человек, вопрошающий о смысле своей рутинной жизни, тоже пытался понять. Однако, как и всегда, по итогу было только одно — молчание мира в ответ. Тогда можно вполне сформулировать определение абсурда — это *столкновение между человеческой жаждой ясности и немой безразличностью мира в ответ на этот запрос*.

Теперь, когда определение абсурда разъяснено, можно перейти к его некоторым характеристикам. Для начала — сам по себе мир не абсурден. Природа, всё нас окружающее будет продолжать жить независимо от того, будет ли человек существовать (здесь не рассматривается солипсическая позиция, поскольку она выходит за рамки данного исследования). Исходя из этого, абсурд можно назвать состоянием, в равной степени происходящим и от человека, и от мира, однако сознание абсурда человеком — единственная связь между двумя этими сущностями. Сам Камю определяет эту связь как «... противостояние и непрерывную борьбу» [2]. То есть если человек решит бежать от абсурда, забыть его, например, вернувшись в рутину жизни, то и сам абсурд пропадёт — «Абсурд имеет смысл, когда с ним не соглашаются» [2].

Однако осознание абсурда не является остановкой. Человек, познавший абсурд, имеет выбор — забыть его или продолжать жить в нём. Почему забвение абсурда не является выходом частично объясняется преимуществами бунта, но сам Камю неявно вводит *честность как ценность* — осознание абсурда, жизнь внутри него являются предпочтительней по факту того, что это более честная жизнь. В дальнейшем в тексте писателя рассматриваются возможные пути человека, осознавшего абсурд.

Понятие бунта

Камю пишет, что есть три следствия из осознания абсурда. Философское самоубийство, физическое самоубийство и бунт. Разберем каждое из них.

Философское самоубийство, или метафизическое. Камю это определяет как бегство от абсурда путём ухода в веру во что-либо. Важно, что это не обязательно религия. Например, он приводит пример как некоторые философы-экзистенциалисты в своих мыслях даже наблюдая абсурд совершают «прыжок веры», то есть уход в веру. Приведу цитату: «... обнаружив абсурд среди руин разума, находясь в замкнутой, ограниченной вселенной человека, они обожествляют то, что их сокрушает, находя основание для надежд в том, что лишает всякой надежды». [2]. Говоря проще, они осознают абсурд и через него же создают себе нового «Бога», приобретают надежду как ожидание будущего смысла против которого бунтует Камю. Таким замысловатым образом они бегут от абсурда, что явля-

ется противоречием — для его осознания от него не надо бежать.

Самоубийство, то есть физическое. Раньше шёл вопрос о том, стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой. И, казалось бы, раз смысла нет, или мы его не можем познать, то разве стоит продолжать жить? И, следовательно, необходимое следствие — это покончить с собой. Однако, как и в прошлом случае, кажущаяся логичность этого вывода ошибочна. Камю пишет: «...чем меньше в ней (прим. в жизни) смысла, тем больше оснований, чтобы ее прожить». [2]. Этот вывод Камю делает из того, что, совершая самоубийство, человек избавляется от абсурда, обходит проблему, ведь он убирает то противоречие между человеком и миром, то есть опять совершает бегство от абсурда и, следовательно, абсурд пропадает. Таким образом самоубийство не является выходом. Продолжая разбирать цитату, стоит ответить на вопрос — какие же тогда основания делают жизнь ценной для проживания?

Таким образом мы плавно переходим к *бунту* как единственно верному ответу на абсурд. Камю пишет: «Бунт есть уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения, обычно ее сопровождающего». [2]. То есть, человек, постоянно не соглашаясь с абсурдом, не убегая от него, совершает акт бунта. Он отказывается от смирения, и от того эта борьба — бунт — провозглашает гордость человека, являясь борьбой человека с превосходящей его реальностью: «Этот бунт придает жизни цену» [2].

Рассмотрим и дальнейшие следствия из абсурда и бунта: свободу и страсть.

Камю говорит, что не важен вопрос свободен ли человек вообще, ведь человек ощущает только свою собственную свободу — ума и действия. Именно она является единственной доступной познанию. Но не всегда эта свобода доступна человеку: «До встречи с абсурдом обычный человек живет своими целями, заботой о будущем ... Он действует, по сути так, словно свободен» [2]. То есть человек действует так, будто у жизни есть какой-либо смысл, он самостоятельно ставит себе цели, называя их смыслом жизни. Однако всё равно человека настигает смерть, которая обрывает любые надежды на эти смыслы. Тем самым он создаёт ложную свободу. Бунт же развеивает эти иллюзии, открывая возможность познать подлинную свободу, позволяя решиться жить человеку в абсурдном мире. «Из этой решимости он черпает силы, отсюда его отказ от надежды и упорство в жизни без утешения». [2].

Бунт и свобода позволяют открыть последнее следствие абсурда — страсть. Раз человек осознаёт свою смертность и как следствие свободу, то это ли не повод прожить жизнь как можно лучше? Это ошибочное суждение. Следствием абсурда и бунта является — полная, долгая жизнь: «Если я убежден, что жизнь абсурдна, что жизненное равновесие есть результат непрерывного бунта моего сознания против окружающей его тьмы; если я принимаю, что моя свобода имеет смысл только в положенных судьбой границах, то вынужден сказать: в счет

идет не лучшая, а долгая жизнь». [2]. Стремление прожить жизнь как можно лучше заменяет саму жизнь, тем самым создавая себе её смысл, который, как мы уже выяснили, убивает человеческую свободу. Тогда, единственным выходом остаётся жить в рамках нашей судьбы, или иначе говоря принять неизбежность жизни, и прожить каждый миг наиболее интенсивно. На такое способен бунтующий человек — он осознаёт свой опыт и абсурд, тем самым ясно наблюдая и проживая каждый момент своей жизни. И такая осознанная жизнь будет гораздо более полной и лучше, чем та, в которой человек гонится за качеством моментов, но без той ясности, которая следует из бунта.

Теперь, мы можем составить ясную картину бунтующего человека. Такой человек не примиряется с тем, что он чужд миру и тем, что это мир непознаваем. Не бежит от этих осознаний. Наоборот — он чётко их наблюдает, тем самым бунтует. Борясь с абсурдом, он придаёт бессмысленной жизни ценность, свободу и страсть. Камю приводит пример Сизифа — персонажа из мифов, обреченного вечно катить камень на вершину горы. Несмотря на страдания, которые приносит эта кара, он обладает сознанием. «Сизиф, пролетарий богов, бессильный и бунтующий, знает о бесконечности своего печального удела» [2]. Через это сознание его наказание обращается в победу. Сизифу принадлежит его судьба. Камень, как метафора его бессмысленной судьбы, больше не «побеждает» его. Сизиф его превосходит — «Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым». [2]. Сизиф бунтует и находит радость в своей судьбе. Можно сказать, что абсурд — бунт, истекающий из него — и сча-

стье неразделимы. Подведём итог: бунтующий человек — человек свободный, страстно проживающий жизнь, и по итогу — счастливый.

Абсурдное искусство

Перейдём к вопросу о том, как бунт отражается в искусстве. Начнём с личности творца. Камю пишет: «Творчество — наиболее эффективная школа терпения и ясности. Оно является и потрясающим свидетельством единственного достоинства человека: упорного бунта против своего удела, настойчивости в бесплодных усилиях» [2]. То есть человек-творец одно из воплощений бунтующего человека. Искусство не должно быть для творца смыслом жизни, он должен признавать его бессмысленность, признавать то, что оно не разрешит абсурд, в чём и находить само освобождение. Для творца важнее не само произведение, а действие творчества как проявление бунта.

Однако, чтобы бунт происходил через творчество, произведение искусства должно иллюстрировать абсурд. Оно не должно давать ответов или внушать надежду. Творец должен показывать это напряжение между желанием объяснить мир через произведение искусства и само отсутствие ответов в нём. Таким образом он будет *показывать* мир, но не *объяснять*. Рассмотрим же несколько произведений сквозь призму абсурда.

Сделаем важную оговорку: в поисках подходящего произведения изобразительного искусства для иллюстрации абсурда в нём нельзя не столкнуться с проблемой — многие произведения связаны с абсурдом, однако в них присутствует смысл, ответы.

Рис. 1. Картина Р. Магритта «Голконда»

Так, например, вышеприведенная картина Рене Магритта «Голконда» может показаться идеальным примером абсурдного творчества — ничем не объяснённые

фигуры, бессмысленное их «витание» на воздухе. Однако сам художник говорил: «Здесь изображена толпа людей — разных людей. Когда вы думаете о толпе, вы

ведь не думаете об индивидууме. Поэтому все люди одеты одинаково, как можно проще, чтобы проще было представить толпу (...) Голконда был богатым городом в Индии, нечто вроде чуда, а я считаю чудом, что могу на земле шагать по небу». [3]. В этой цитате прослеживается идея о связи общественного и индивидуального. Картина всё ещё свободна для интерпретаций, но в ней можно приблизиться к смыслу, то есть ответу, что не подходит под «идеальную» иллюстрацию абсурда, пусть и имеет его элементы.

Наиболее подходящими творениями абсурда в изобразительном искусстве можно считать поздние работы Альберто Джакометти — художника и скульптора.

Для начала, рассмотрим его отношение к творчеству. Главным в его работах было стремление показать саму сущность бытия, показать сам мир. Именно поэтому он, признавая сюрреализм и другие течения в искусстве ту-пиком, отказывался от них [4]. Таким же образом он опровергал какую-либо привязку в философии. Джакометти говорил: «В основном я работаю ради эмоций, которые испытываю, только когда нахожусь в процессе созидания» [4]. Если провести параллели с тем, как Камю описывал абсурдного творца, можно сделать вывод, что Альберто Джакометти если и не является полностью таким человеком, то он крайне близко приближен к образу, описываемому Камю, что хорошо проявляется в его работах.

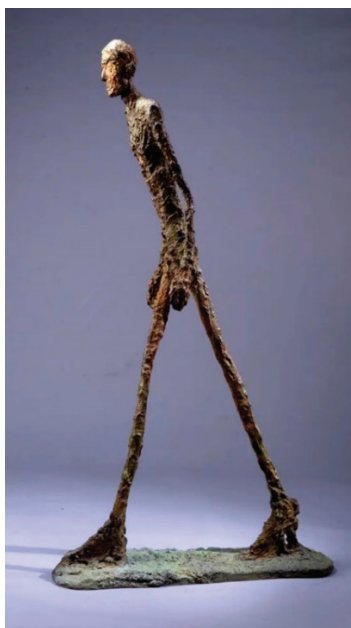

Рис. 2. Скульптура Альберто Джакометти «Шагающий человек I»

Одна из самых важных работ Джакометти — Шагающий человек I. Она изображает человека, с трудом делающего шаги. Нет понимания куда он идёт, зачем он туда и почему он туда идёт. Скульптор не даёт никаких ответов. Он лишь показывает то, как человек делает шаг. Многие интерпретируют эту скульптуру как послевоенного человека, человека одинокого в этом огромном мире. Однако скульптура не показывает надежду или смысл, в ней есть лишь идущий человек. Этот образ не только чётко коррелирует с образом бунтующего человека у Камю, но и является настоящим примером абсурдного творчества, ведь оно не создаёт смыслы. Что, впрочем, и неудивительно. Оба творца жили в одно послевоенное время, возможно, они приходили к схожим выводам.

Абсурд, бунт и современный человек

Исследуя то, как именно приходит Камю к понятию бунтующего человека, нельзя не заметить, как часто возникает образ «обычного» человека. Человека, который

бежит от абсурда. В части про Сизифа даже идёт его сравнение с пролетарием, или рабочим. Камю заявляет, что судьба их обоих — И Сизифа, и рабочего (то есть, обычного человека) одинаково трагична. Однако, в отличие от Сизифа, люди смертны и в преобладающем большинстве не осознают абсурд, тем самым не могут получить свободу. Таким Камю описывал человека в XX веке. Проанализируем, насколько изменилась ситуация в XXI веке.

Сейчас люди всё также создают смыслы жизни — карьера, деньги, семья. Нельзя заявить, что это плохо. Рассмотрим несколько проявлений такой жизни. В нынешний век часто повторяется история, что человек стареет, теряет работу, теряет возможность стремиться к чему-либо только из-за физиологии. Теряет связь по каким-либо причинам со своими родными. И остаётся одиноким и без смыслов. Ему не остаётся ничего кроме как дожидаться своей смерти.

В соцсетях же культивируется «культ успеха», который заставляет людей идти не только к своим целям, но и к своим воображаемым целям. Люди не только не созер-

цают абсурд, убегая от него к своим смыслам жизни — они создают свои фальшивые цели, к которым даже и не знают зачем стремятся на самом деле. Как следствия — выгорание, постоянный стресс.

Некоторые из этих проявлений напрямую связаны с симптомами «бессознательной» жизни, которые описывал Камю. Именно осознание абсурдности жизни, честность по отношению к существованию, позволили бы освободиться от подобных проблем.

Наш век неспроста называется информационным — главенствует умственный труд, человек потребляет огромные потоки информации каждодневно. Люди бегут в бесконечной гонке, не понимая зачем им эта гонка нужна. Выше были продемонстрированы наиболее яркие последствия этой гонки. Можно сделать вывод — то, о чём писал Камю в прошлом веке не только не потеряло своей актуальности, но и приобрело новые обороты. Абсурдность бытия теперь сильнее заполняется новыми популярными смыслами и идеями. Это усиливает бегство от абсурда, а значит и отдаляет современного человека от бунта ещё дальше. Камю справедливо замечал, что бунт сложен для сохранения обычным человеком, однако сейчас он стал ещё сложнее.

Однако у этого есть и иная сторона: если бегство от абсурда усилилось, и не по воле самого человека, то это значит, что осознание абсурда тоже станет более ярким. Например, такое происходит во время кризиса среднего возраста. Казалось бы, идеальный момент для «пробуждения», ведь люди впервые осознают свою смертность и пытаются осмыслить то, как они проживали свою жизнь до этого. Однако после его прохождения люди чаще всего только меняют свои ценности. Они лишь скрывают сим-

птомы. В своей сути, ничего не меняется. Краткий миг осознания не приводит к бунту.

И тут необходимо признать, бунт Камю — трудная задача. Держать напряжение абсурда — трудно, но в тоже время это и является освобождением.

Заключение

Камю начинает с простого вопроса «Стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой?». Казалось бы, бессмысленность жизни может приводить лишь к нигилистическим или пессимистическим идеям. Однако проследив мысль Камю, мы пришли к неожиданному выводу — жизнь стоит быть прожитой именно потому, что в ней нет смысла, что делает человека свободным.

Абсурд не приговор, а бунт становится способом жизни — честным и свободным. И что немаловажно — бунт может быть доступен каждому человеку, осознавшему абсурд.

Собственно, этот абсурд можно увидеть и в искусстве. Мы увидели, как Альберто Джакометти — творец бунтаря в том смысле, который вкладывал в это понятие Камю, в своей скульптуре «Шагающий человек» показывает удивительно схожий образ с бунтующим человеком, при этом не давая никаких ответов на абсурд.

В современном же мире философия Камю не только не устарела, но и стала острее. Античный образ Сизифа, вечно толкающего камень в гору, стал ещё сильнее проецироваться на людей и каждодневность. Отчего и бунт, который позволяет Сизифу быть счастливым, так важен для современного человека.

Литература:

1. Руткевич, А. М. Философия А. Камю / А. М. Руткевич. — Текст: непосредственный // Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М.: Политиздат, 1990. — С. 5–22.
2. Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю. — Текст: электронный // nietzsche.ru: [сайт]. — URL: <https://nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sizif/> (дата обращения: 11.08.2026).
3. Геташвили, Н. В. Рене Магритт / Н. В. Геташвили. — Текст: непосредственный // Лучшие современные художники. — М.: Комсомольская правда, Директ-Медиа, 2016. — С. 72.
4. Никифорова, И. Альберто Джакометти. Скульптура, живопись, графика / И. Никифорова. — Текст: электронный // Третьяковская галерея. — 2008. — № 4 (21). — URL: <https://www.tg-m.ru/articles/4-2008-21/alberto-dzhakometti-skulptura-zhivopis-grafika> (дата обращения: 11.08.2026).

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Каратэ: от боевого искусства к олимпийскому виду спорта. Проблемы, современные решения и методы повышения эффективности подготовки

Батажан Давид Кириллович, студент

Научный руководитель: Пахомов Валерий Валерьевич, преподаватель
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

Каратэ представляет собой уникальное явление в мире единоборств, пройдя путь от закрытой системы самозащиты до признанного олимпийского вида спорта. В статье рассматриваются актуальные проблемы развития каратэ в современных условиях, анализируются современные технические и организационные решения, направленные на повышение эффективности подготовки спортсменов и сохранение традиционной философии боевого искусства. Особое внимание уделяется интеграции спортивных и традиционных аспектов каратэ, а также проблемам его институционализации в международном спортивном движении.

Введение

Каратэ (каратэ-до, яп. 空手道 — «путь пустой руки») представляет собой японское боевое искусство, систему защиты и нападения, сформировавшуюся на острове Окинава под влиянием китайского ушу. В отличие от многих других видов единоборств, где акцент делается на борьбу и броски, каратэ характеризуется минимальным контактом между соперниками и использованием точно нацеленных мощных ударов руками и ногами по жизненно важным точкам тела.

В условиях современного развития спорта, повышения требований к безопасности соревнований и олимпийской интеграции актуальной становится проблема сохранения аутентичности каратэ при его адаптации к международным спортивным стандартам. Комплексный подход к решению этих задач позволяет не только повысить эффективность подготовки спортсменов, но и обеспечить соответствие вида спорта современным требованиям и сохранение его культурного наследия.

Актуальность

Недостаточная эффективность систем подготовки в каратэ на фоне роста конкуренции и ужесточения требований к результативности приводит к снижению уровня мастерства спортсменов, увеличению травматизма и потере философской глубины боевого искусства. В условиях роста популярности единоборств и включения каратэ в программу Олимпийских игр (с 2020 года) важно использовать инновационные подходы к тренировочному процессу, судейству и организации соревнований.

Кроме того, изменение структуры международного спортивного движения, внедрение новых технологий и рост требований к зрелищности соревнований увеличивают значимость качественной подготовки и управления развитием каратэ.

Проблемы развития каратэ как вида спорта

1. Сохранение традиционной философии в условиях спортивной интеграции

Каратэ-до изначально представляло собой путь физического и духовного совершенствования, включающий базовую технику (кихон), поединки с партнером (кумитэ) и формальные комплексы упражнений (ката). Однако стремление сделать каратэ олимпийским видом спорта привело к упрощению правил и унификации техники. С 2000 года правила со-

реваншаний претерпели значительные изменения, приблизив каратэ к олимпийскому тхэквондо, что вызвало тревогу у поклонников классического каратэ как боевого искусства одного решающего удара.

2. Проблема стилевого многообразия

Исторически каратэ развивалось в различных школах и направлениях. Основные традиционные стили включают:

- **Сётокан** — классическое направление, отличающееся линейными перемещениями и позиционированием мощности ударов как высшего мастерства;
- **Годзю-рю** — стиль «жесткого и мягкого», использующий внутреннюю энергетику и технику ближнего боя;
- **Вадо-рю** — «самый японский» стиль, отличающийся мягкостью и умеренностью;
- **Сито-рю** — занимает промежуточное положение между Сётокан и Годзю-рю, сочетая их принципы;
- **Кёкусинкай** — контактный стиль, поединки в котором насыщены высокими ударами ногами и мощными ударами руками.

Разнообразие стилей объясняется географическими особенностями регионов развития, индивидуальными особенностями учителей и культурными влияниями. Однако это многообразие создает проблемы при унификации правил и судейства на международных соревнованиях.

3. Травматизм и безопасность спортсменов

Высокий травматизм долгое время являлся одним из препятствий на пути к олимпийскому статусу каратэ. Контактные поединки, особенно в стиле кёкусинкай, требуют специальной подготовки и защиты. В традиционных стилях акцент на реальное применение техники также создает риски для здоровья спортсменов.

4. Институциональные проблемы

Развитие каратэ в мире сопровождалось организационными конфликтами. В 1992 году Международный олимпийский комитет временно отозвал признание из-за разногласий между Всемирным союзом организаций каратэ (WUKO) и Международной федерацией традиционного каратэ (ITKF). Только в 1993 году было создано объединение — Всемирная федерация каратэ (WKF), которая в настоящее время объединяет 191 национальную федерацию и более 100 млн занимающихся.

В России развитие каратэ также сталкивалось с серьезными препятствиями. В 1973 и 1984 годах каратэ запрещалось как «метод физической подготовки, не имеющий ничего общего с советской системой физического воспитания», а за преподавание предусматривалась уголовная ответственность. Только после снятия запрета в 1989 году началось восстановление структуры подготовки.

5. Модернизация судейства и системы оценок

Традиционные критерии выявления победителя основывались на принципе «итигэки хиссацу» — «поразить одним ударом», где за проведение одного чистого приема присуждалась чистая победа. Современная система оценок требует более детального подхода, что создает проблемы объективности судейства.

Современные решения и методы повышения эффективности подготовки в каратэ

1. Совершенствование технической подготовки

Современные методики подготовки включают детальное изучение биомеханики движений. В каратэ выделяют различные позы (камае), которые являются основой любого движения, обеспечивая опору работающим мышцам. Исходные, подготовительные, промежуточные и конечные позы имеют определенное назначение и требуют специальной отработки.

Техника каратэ базируется на следующих принципах:

- Намерение и управление энергией Ки;
- Правильная позиция, обеспечивающая быстроту и эффективность движений;
- Использование реакции пола и правильная стойка для максимизации силы;
- Сопровождающее движение от центра тела;
- Техника управления дыханием;
- Последовательность и синхронизация движений.

2. Автоматизация и цифровизация тренировочного процесса

Внедрение систем видеоанализа, трекинга движений и биометрического контроля позволяет объективно оценивать технику спортсменов и корректировать ошибки. Использование цифровых технологий способствует повышению эффективности подготовки и снижению травматизма.

3. Унификация правил и систематизация судейства

Создание единых правил соревнований в рамках WKF способствует объективизации оценки выступлений. В программу соревнований входят кумитэ (поединки) в весовых категориях и ката (формальные комплексы упражнений). Развитие систем электронного судейства и видеоповторов повышает справедливость соревнований.

4. Сохранение традиционных аспектов через альтернативные организации

Создание Всемирной федерации каратэномичи в 2000 году как альтернативы WKF направлено на сохранение классического каратэ как боевого искусства одного решающего удара. Такая диверсификация позволяет сохранить традиционную философию каратэ наряду с его спортивной составляющей.

5. Развитие системы поясов и квалификаций

Система ученических (кю) и мастерских (даны) степеней, предусматривающая от 11-го кю (белый пояс) до 1-го дана и выше (черный пояс), продолжает развиваться и стандартизироваться. Внедрение четких критериев для присвоения степеней способствует объективизации оценки мастерства.

6. Международное сотрудничество и развитие массового спорта

Проведение международных турниров, таких как «Кубок наций» в Москве, объединяющих до 1600 участников из 43 стран, способствует популяризации каратэ и обмену опытом. Развитие всестилевого каратэ создает возможности для соревнований между представителями различных стилей.

7. Подготовка квалифицированных тренерских кадров

Эффективная подготовка спортсменов возможна только при наличии квалифицированных тренеров, владеющих как традиционными методиками, так и современными подходами к тренировочному процессу. Регулярное повышение квалификации и международные семинары способствуют поддержанию высокого уровня подготовки.

Заключение

Обеспечение эффективного, безопасного и философски обоснованного развития каратэ является одной из ключевых задач современного спортивного движения. Комплексный подход, включающий сохранение традиционных аспектов, модернизацию правил соревнований, внедрение современных технологий в тренировочный процесс и развитие международного сотрудничества, позволяет существенно повысить качество подготовки спортсменов, снизить травматизм и сохранить культурное наследие этого уникального боевого искусства.

Перспективным направлением является дальнейшая интеграция цифровых технологий, систем искусственного интеллекта для анализа техники и предиктивной аналитики в систему подготовки каратистов, что способствует созданию эффективной и безопасной системы тренировок и соревнований.

Литература:

1. Каратэ: от боевого искусства к олимпийскому виду спорта // Национальная библиотека Беларуси. — 2019.
2. Карате (медицина) // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия.
3. Презентация «Каратэ. Основные стили» // Инфоурок, 2024.
4. КАРАТЭ // Всероссийский научно-исследовательский институт физической культуры, 2024.
5. История развития каратэ // Федерация каратэномичи России.
6. Микрюков И. Ю. Энциклопедия Каратэ. — 2023.
7. История создания и развития спортивного карате в мире и России // КиберЛенинка, 2019.

8. Основы техники карате // Федерация каратэ России.
9. Стили в каратэ — от лукавого... // Аргументы и факты, 2001.
10. Международный турнир «Кубок наций» // РЕН ТВ, 2026.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 33 (636) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 26.08.2026. Дата выхода в свет: 02.09.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.